ПЕТРАЭДР 17

Юлия Андреева

Многоточие сборки

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

История – многозначное слово, но во всех его значениях живет само Время.

Автор пишет историю своей жизни, которая, в свою очередь, неотделима от истории города и страны. Вдобавок, в повествовательную ткань "Многоточия сборки", искусно вплетены истории об известных и весьма интересных людях, которые сами давно принадлежат истории, но при этом наши с вами современники: Гаррисон, Бродский, Курехин, Михалков... Не лишним будет напомнить, что и рассказывают их наши современники, люди также интересные и весьма известные: Адасинский, Балабуха, Сидорович, Смир, Хаецкая, О`Санчес…

Однако, главный "историк", вдохнувшей жизнь, любовь и талант в лежащую перед вами книгу – это ее автор, известный писатель Юлия Андреева.

- Юлия Андреева
  -
  - Дедушка
  - О большом в малом, или По какому поводу не стоит ставить спектакль
  - Дедушка и сирень
  - Моему дедушке Н. Ф. Котову
  - …Дядя самых честных. Правил…
  - О лесном озере и его хранительнице
  - Баба Лёка
  - Лёка и финская война
  - Родные имена
  - Любовь в контексте развитого социализма
  - Астма
  - Гомеопат
  - Стон
  - Дворец
  - Межпланетный пионерский слет
  - Растерзанная вечность
  - В кафе Дома актера
  - Женька – жженье…
  - Женя и Смерть
  - Вымышленный сад в вымышленном городе
  - Что могут две двухкопеечные монеты
  - И еще о Ромке
  - Максик-баксик

- Мастер спорта по кунг-фу
- История одного ограбления
- Ночной бал во дворце Анастасии
- Первая публикация
- Свой психолог
- Захват здания
- Лучшая мастерская, или «Контора вторсырья»
- Критерии оценки
- Заплати налоги и…
- Борис Понизовский[19]
- Олег Григорьев[20]
- Маска
- Фроленок
- Птица Сирин
- Коля Никитин
- Реквием лету
- Новая галерея
- О том, какие идеи могут родиться от обыкновенной плесени
- Воробьиная оратория, или Привет от Курехина
- План работы
- Намордники и ущелье гоблинов
- Золотая лавина и волшебный дар
- Цветики-цветочки
- «Северо-Запад»
- Пожар в Доме писателя
- Юкки из города Золотого дракона
- Травматизм на площадках
- Костяная нога
- Идущие по радуге
- Предложение, от которого невозможно отказаться
- Перестройка-перестрелка
- «Сайгон» и его обитатели
- Вне и насквозь…
- Иуда
- То, чего мы не знаем, но с чем каждый день сталкиваемся
- О том, как можно загнать человека в гроб
- Особенности восприятия
- Рассказ Сергея Арно
- О моем патологоанатоме
- О контрактниках
- Питер – пиитов град
- Легенда о Бродском

- Не делай добра, не получишь…
- О писательской фантазии
- Ложка меда
- Медицинский совет
- Мы, Юлия I и господа офицеры
- Разведка герл
- Прощальные письма
- Параноик или все же… снайпер
- Интернет-привычки
- Контакт
- Кидала
- Виноградов
- О новом унитазе
- В постели с женой моего любовника
- Благодатное дно, или Время долгих ящиков
- «Бродячая собака»
- «Ад большой, рай маленький»
- Отблеск бога
- Книга
- Писатель-надомник
- Деликатес от фэнтези
- Жизнь по Кастанеде
- Ужасы гламура
- Шубка и плащ, или История о том, что встречают у нас действительно по одежке
- О пьянстве
- Почитатели Вакха
- Злоключения поэта Жемчугова
- Еще о пьянстве и приколах
- Авторитет русского театра
- Попутался…
- Глиняный шар
- Кто до чего допивается
- О том, что может вытечь из заурядной драки по пьяному делу
- Пост
- Операция «Хрусталь»
- Эзро
- Виктор Рыцарь
- О куртуазности
- Конференции молодых поэтов в Союзе писателей России
- Наташа Филиппова
- Бог и поэты

- Шоу на Северном полюсе
- Когда в контракте возникают «дополнительные условия»
- Гангстерские разборки на Северном полюсе
- Прогулка по городу
- Самоеды
- Труппа
- Шоу началось
- Брат, сват, ну а мне какое дело?
- Слово туза ничто для шестерки
- Надым, или Сочинение на тему «Как я провел лето»
- Сага
- Заложник, Катькин сад, «Интернат боли»
- Цель оправдывает средства
- Интермедия
- О Бене, холодильнике с мороженым и короне Российской империи
- Беня
- Столица нашей родины
- Непруха
- Парижские мытарства
- Страх премьеры
- Поверили
- Куклин
- Сынок
- Сила рекламы
- Дорогу фантастам
- Софт и железо
- История одного рыцаря
- О бедных студентах, или Кто пишет историю
- Ловись рыбка
- Брат и трофейные штаны
- Муж напрокат
- О фэнах
- О том, как приходит слава
- Музей имени меня
- Фэн на крыше
- По одежке встречают
- Как я потеряла мужа
- Как вышибают гонорары, или О столкновении культур
- Уловка
- Лучший «литературный агент»
- Осторожно: ГАДЫ!!!
- Новые встречи – старые встречи

- Как я была редактором
- Крылатые редакторы
- Рыцарь
- Петербургские письма из ниоткуда
- Выбор, от которого невозможно отказаться 2
- Динька и ее крестная мама

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37

- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64

Юлия Андреева
Многоточие сборки

Окна комнаты выходили на храм Спаса на Крови, храма, в котором никогда не звонили колокола, отчего дом долгие годы не мог наполниться мелодичным звоном, превратившись в музыкальный инструмент, отражающий звуки и передающий их чуть измененными дальше. Храм, из которого сделали склад, храм к которому всю ночь, как всю жизнь, идет одинокий человек. – Образ в рассказе Сергея Арно, где человек всю ночь идет к храму, а храм оказывается обыкновенным складом.

Но если Божий дом превратили в склад, где же тогда живет Бог?

Я помню квартиру на канале Грибоедова с непоющим храмом и неподвижными водами и совсем не помню переезда на Гражданку, где живу и сейчас.

Память избирательна.

Дедушка

Мой дедушка – Николай Фаддеевич Котов – самая примечательная фигура детства, любовь на всю жизнь. Самое дорогое, любимое и парадоксальное существо.

Я мало знаю о нем, наверное, только то, что рассказывал сам дедушка. Точнее, что запомнила из множества рассказов я. Детская память...

Дед мечтал стать актером и стал. Причем играл не где-нибудь, а в Пушкинском театре («Александринке»). Правда, больших высот не достиг, но после того, как удалось сыграть переодетого женщиной разведчика, решил, что все, что он мог пожелать сам себе в театре, он осуществил: карьеры большого актера ему все равно не достичь, а оставаться вечно на вторых ролях было не в его духе. Приняв решение, он оставил сцену ради науки. Бесповоротно оставил. Буквально все поставил на кон и… Стране были нужны молодые ученые, дед все бросил и рванул туда. Думаете, не получилось? Куда там.

Я теряю своего дедушку на несколько лет и нахожу его кандидатом физико-математических наук. Дед работал в Главной геофизической обсерватории им. Воейкова. Написал несколько учебников.

Лет пять назад в гости к брату приезжал его армейский сослуживец; оказалось, что он учился в гидрометеорологическом институте и там до сих пор занимаются по учебникам моего дедушки.

На самом деле об этой стороне жизни Николая Фаддеевича Котова я знаю еще меньше, нежели о театре.

После войны дед пропал. Его жена, моя бабушка, получила письмо о том, что он якобы пропал без вести. А дед – живой и невредимый служил шесть лет в Маньчжурии. Вот как бывает.

Вообще за всю войну, по словам самого же дедушки, он не получил ни одного ранения, только странную контузию. Однажды во время грозы он стоял у окна, и тут прямо от батареи парового отопления ему по ногам шибануло током. Некоторое время после этого он не мог ходить и говорить, но быстро пошел на поправку и снова был как новенький.

Будучи на пенсии дедушка ставил спектакли на любительской сцене, устраивал концерты, ухаживал за садом и огородом, писал стихи. В общем, ему было чем заняться.

Часами он мог читать мне Волкова или же, когда мы оба уставали, рассказывал о замыслах театральных постановок, которые планировал. Описывал, как видит декорации, разъяснял

сложные места некоторых пьес.

Он занимался йогой и мог показать весьма убедительные приемы владения своим телом.

В моей памяти дед был и остается совершенно волшебным, сказочным существом.

Эх, таких больше нет!..

О большом в малом, или По какому поводу не стоит ставить спектакль

– Вот представь себе ситуацию, – дед вскакивает, начинает ходить по комнате, теребя подбородок. – Пятиэтажный дом в центре города. На пятом, последнем этаже живет одинокий мужчина.

И вот с какого-то определенного времени соседи начинают слышать, будто бы у них над головами стучат копыта!

Сначала думают – показалось, потом решают, что у соседа гости и кто-то ходит на каблуках. Выдвигаются даже предположения о черте, которого вызывает по ночам мужик сверху.

В конце концов обращаются в милицию, и тут выясняется, – лицо дедушки розовеет, серые глаза чуть ли не искрятся.

– Что выясняется? – я невольно прикрываю рот ладонью. Версия с чертом кажется мне наиболее правдоподобной.

– Выясняется, что у него в квартире… – дед выдерживает королевскую паузу, – лошадь!

– Лошадь?! – не могу поверить я.

– Ну да, лошадь.

– На пятом этаже?

– Именно на пятом. Если точнее, даже чуть выше – на чердаке. И вот теперь отгадай, как она туда попала?

Я делаю несколько слабых, неудачных попыток. Дед ликует. Наконец, когда я, ничего не придумав, прошу открыть секрет, дедушка опускается рядом со мной на застланную узбекским покрывалом тахту.

– Вот это-то в течение всей пьесы и пытаются отгадать ее герои, – доверительно сообщает он мне. – Ведь по узкой лестнице лошадь не провести, лифта нет, а по воздуху кони, как известно, не летают.

– Пегасы летают, – не соглашаюсь я.

– Пегасы не из этой истории, – теперь дед почти огорчен утратой моего внимания. – А дело было так, – он снова останавливается, купаясь в лучах моего любопытства. – Тот мужчина с пятого этажа как-то купил маленького жеребенка. Жеребенок невелик, и он принес его на руках в свою квартиру, а потом на чердак, где тот мог побегать. Теперь поняла?

– Поняла, – огорчаюсь я таким несказочным исходом дела. Не пошла бы на такой спектакль. Скучно.

– Точно поняла? Тогда придумай похожую историю.

Дед любил давать сложные задания.

Я отмалчиваюсь.

На самом деле моя история как раз в это время вызревает на моей личной грядке в дедушкином саду. Крошечный кабачок, пропихнутый в горлышко бутылки из-под молока. Еще неделька – и я смогу не рассказать, а показать дедушке свой ответ. Но вот ставить по этому поводу спектакль?.. Нет.

Дедушка и сирень

Образ дедушки тесно связывался с тяжелыми и ароматными ветками сирени. В сирене жила душа деда и, наверное, живет по сей день.

Поселок Воейково, где у деда была квартира, каждую весну буквально утопал в сирени. Розовая, сиреневая, белая, диковинная персидская. Мы – я, мой младший братик и дед – ходили на добычу сирени. Дед наклонял кусты, и мы с братом обрывали ветки, бросая их тут же в мокрую от росы траву. Сирени нужно было много, потому что дед возил ее в город: традиционно по огромному букету в каждую комнату нашей городской квартиры, букет себе, цветы для своей первой семьи и для девушек, которых он встречал на улицах.

Дед нравился женщинам, и я не могла этого не замечать. Впрочем, он не мог не нравиться, он обожал вращаться в обществе, следил за модой, никогда не носил рубашек, у которых начинали протираться воротнички. Дивной красоты шелковые рубашки, забракованные дедом, безжалостно отсылались для работы на огороде, где он трудился одетый в модный тогда капрон или шелк.

У нас в саду росли три вида пионов – белые, розовые и красные. Красные зацветали первыми, еще в июне, и к моему дню рождения 1 июля ни за что не дожил бы ни один из этих замечательных цветов, если бы дед не ставил ведра с еще не раскрывшимися пионами в холодный погреб.

В день рождения в комнату, где я принимала подарки, вносились огромные букеты роскошных цветов.

Пионы по японской и китайской традиции несли в дом счастье, любовь и благополучие. Дед знал силу цветов, понимал их язык и скрытую магию.

Пионы в саду открывали свои тайны не сразу, а я спешила заглянуть в цветок самой первой, поэтому, нередко прокрадываясь в цветник, я слегка раскрывала бутоны, аккуратно отодвигая лепесток за лепестком.

Но не с пионами, а именно с сиренью ассоциируется мой незабвенный дедушка – с сиренью, в которой он умер, покрыв себя напоследок цветами, точно вышедший на последний поклон к публике актер.

Я уже говорила, что в поселке росли три вида сирени – белая, сиреневая и розовая.

Мой дедушка умер в соседском саду, ломая диковинную синюю сирень! К тому моменту он жил уже кусочком сердца,

оставшимся ему после четырех инфарктов. Когда он протянул руку к невероятным синим цветам, его сердце лопнуло, пальцы сжались и, падая, дедушка пригнул тоненький стволик, покрыв себя с ног до головы цветами.

В тот же день обеспокоенная отсутствием супруга бабушка попросила нас с братом поискать деда в саду, но мы… мы не нашли его, скрытого от нас сиренью.

Представляю, каково было бы мне найти своего любимого деда мертвым! Каково мне было бы увидеть его мертвым, если спустя год после его смерти я каждую ночь видела во сне, как он приходит ко мне, уверяя, что вместо него похоронили кого-то другого, а он жив!

Пару раз дед, правда, признался, что он действительно умер, и даже водил меня с собой в рай. Запомнились хрустальные беседки. Звонкий, блестящий хрусталь на фоне бесконечного неба и сочной зелени огромного сада.

Мне до сих пор кажется, что, скрывшийся от нас в сирени, дед совершил акт милосердия по отношению ко мне. Как это принято в Японии, он умер, будучи в полном сознании и даже в осознании настоящего и будущего, сохраняя верность своему кодексу чести, своему личному Бусидо.

Я специально начала именно с этой истории, с самого страшного события своей жизни, с самой на сегодняшний день ужасной потери.

Своему дедушке я уже во взрослом возрасте написала вот такое стихотворение:

Моему дедушке Н. Ф. Котову

Расскажи мне сказку на ночь.
Время счастья улетело.
Мы вернем его, я слышу:
тонких граней совпаденье
странный звон явило миру.
Тайный зов больного сердца.
Одиночества бездонье изжило себя.
Я вижу снова образ седовласый,
Твой бокал наполнен чаем.
И сирень в хрустальной вазе.
Я сижу в объятьях пледа
утихаю, исчезаю…
Ночь звенит…. Расправив ветви,
Клен-атлант качает небо.
Расскажи мне сказку, деда,
где бы ни был, где бы ни жил.
В облаках, веках, виденьях…
Я ищу твой след на небе.
Я твой голос снова слышу.
Сквозь биенье сердца внемлю.
Расскажи мне сказку, деда.

…Дядя самых честных. Правил…

Через много лет после смерти дедушки уже нескладным подростком я как-то гуляла по Воейково. В этот раз рядом со мной не было моих подружек, да я и не нуждалась особенно в общении – гуляла, думала о чем-то, вроде пыталась рифмовать.… Не суть.

Шел мелкий дождик, трава была сочная и мокрая, так что техасы (такие брюки, отдаленно напоминающие недоступные тогда джинсы) давно промокли, а в резиновых сапогах было влажно. А я все равно гуляла, закрывая голову капюшоном и засунув руки в рукава. Такая погодка как раз по мне. Мокро, слякотно, приятно.

Как-то так получилось, что ноги сами собой довели меня до небольшого кургана, на котором располагалась могила. Чья эта была могила, в поселке не знал никто. Курган скорее всего насыпной, хотя всякое бывает.

Была маленькая – думала, что здесь похоронили боевого командира и над могилой поставили красное знамя, как в мультике про «Мальчиша-Кибальчиша». Красивая получалась картинка: изумрудный холм и развевающееся над ним красное знамя…

Из могилы действительно торчала какая-то железная труба, в которую, как я считала, вполне можно было воткнуть древко флага.

Работавший со мной позже психоаналитик долго изумлялся моей неосведомленности.

– На могилах никогда не ставили знамен! – ругал он меня. – Следовало несколько раз подумать, для чего на могилу кто-то вмонтировал эту трубу, не для того ли, чтобы лежащий в ней мертвец мог свободно дышать или принимать пищу. И что вас вечно заносит во всякие странные места?..

Впрочем, с психоаналитиком мне тоже повезло!

Однажды еще ребенком на этой самой могиле я нашла переливающиеся радугой пирамидки и долго играла с ними, пока не потеряла.

И вот ноги сами собой вывели меня на странное место. Зачем? С собой у меня не было похищенных пирамидок, к тому же я не любитель кладбищ.

Хотела уже уйти, как вдруг у меня за спиной словно сам собой или даже из-под земли возник незнакомый мужчина.

Вздрогнула от неожиданности, но убегать, естественно, не стала. Мало ли кто здесь шляется и зачем. А дядечка вел себя так, словно ему определенно что-то нужно было от меня. Сами посудите: дождь, мокрая трава выше колен, и для того, чтобы подняться на холмик, нужно сначала спуститься по дороге, а потом еще и лезть сюда.

Да, ему определенно была нужна я.

Зачем?

Предложил закурить.

Я отказалась.

Завязался разговор ни о чем. Поговорили о погоде, обо мне. Снимаю ли я дачу в Воейково или приехала на выходные.

После смерти деда квартиру у нас отобрали и на летнее время переселили на крошечное Горское озеро, где мы жили несколько лет, после чего выгнали и оттуда, так что пришлось снимать комнаты в частном секторе. Как говорила бабушка: «Пока ноги покойника не остыли, можно всего наобещать, а после…».

Оказалось, что новый знакомый имел в Воейково домик, где проживал постоянно.

Устав стоять на дожде, пошли вместе в поселок. Новый знакомый говорил о своей сломанной машине, о пристройке к дому, которую собирается сделать. Я рассказывала об училище, куда только что поступила.

Когда мы добрались до остановки, он показал рукой в сторону деревянного дома и сказал, что это его дом. Потом поворот на 180 градусов, и его рука застывает в направлении желтого восьмиквартирного дома, в котором я сама провела столько счастливых лет. В доме моего дедушки.

– А в этом доме когда-то жил мой отец.

– Ваш отец?

– Да, Котов Николай Фаддеевич, – незнакомец улыбнулся. – Вы, молодежь, о нем ничего не слышали, а когда-то он был величина….

Забавно – получалось, что я познакомилась со своим дядей!

Мы зашли к нему домой, пили чай и разговаривали. Игорь Николаевич оказался интересным собеседником. Он занимался астрологией, психологией, как и отец, практиковал йогу.

Несколько раз после этого мы встречались в городе, ходили вместе на семинары к Павлу Глобе и Рыжову, много разговаривали.

Так прошли осень и зима. Весной же мы с мамой подготавливали к лету сад, оставшийся нам после деда.

– Вот в этом доме, – мама показала в сторону знакомого мне

дома, – живет твой дядя, сын твоего дедушки от первого брака, Игорь Котов, – шепнула она мне, когда мы стояли на остановке. – А вот и он сам.

Я хотела уже помахать Игорю Николаевичу, но рука вдруг повисла в воздухе, а я сама вытаращилась с открытым ртом и выпученными от удивления глазами. Там, куда показывала мама, на грядках стоял совершенно другой человек.

С того дня Игорь Николаевич перестал мне звонить, и больше я его не видела.

Странная история.

О лесном озере и его хранительнице

Я начала было рассказывать о Горском озере, куда нас после смерти дедушки услали из поселка, точно семью уличенных в ворожбе колдунов.

Кстати, название «Горское» происходит не от гор, как это можно вообразить. Никаких гор в том районе нет. Есть плавные холмы, покрывающиеся летом синими люпинами и красным иван-чаем. Плавные, точно очертания морского дна. Впрочем, так оно и есть. На месте Воейково, Колтуш, Павлово и ряда других примечательных населенных пунктов когда-то располагалось древнее море. Но не о нем речь, не о нем, а о бабушке Горской, в честь которой названо лесное озеро.

Как звали древнюю старушку Горскую, убей не помню. Когда-то, в незапамятные времена бабушка Горская, ища покоя и уединения для медитации, или же спасаясь от властей, нашла крохотное лесное озерцо и осталась жить подле него. Говорят, будто бы это случилось в незапамятные времена красного террора – сколько с того времени прошло лет? Но факт остается фактом: бабушка Горская жила на озере, когда нас выселили туда. Жила и зимой и летом, ухаживала за могилой, на которой росла крупная земляника, и за чашечкой чая могла рассказать историю мытарств белогвардейцев и, наверное, какие-нибудь иные послепотопные, как мне тогда казалось, истории.

Я дружила с праправнучкой бабушки Горской. Только она была уже не Горская. Не наградил Господь жизнелюбивую старуху носителями фамилии – сыновьями. Так и жила бабушка Горская подле своего Горского озера, охраняя его от злых сил. Может, и сейчас там живет…

Баба Лёка

Не люблю имя Елена – наверное, потому, что в нашем доме Елена звалась не иначе как Лёка. В семье моей бабушки Марии Васильевны было четырнадцать детей, то есть она была четырнадцатая, самая последняя, самая бешеная, огненная, сумасшедшая.

Если бы о моей бабушке Марии спросили у астрологов, те просто развели бы руками: Лев и Тигр – ядерное сочетание. Прошедшая войну бабушка обладала хорошо, а может быть, даже слишком хорошо поставленным командным голосом, была нетерпелива, вспыльчива и скора на расправу.

Вместо пожелания счастливого пути – коронная фраза: «Без головы домой не возвращайся», а вместо слова «быстро» – «Чтоб была как из пушки».

Черные, густые волосы и карие глаза выдавали в бабушке Марии неслабый процент цыганской крови. Еще бы – мой прадед Василий Александрович Мякотин был вообще фигурой таинственной и чуть ли не легендарной. Простой мальчик из приюта, что называется, ни роду ни племени не знавший, но отличавшийся заметными талантами в живописи, а также обладавший великолепным голосом, он всю жизнь пел в цыганском хоре а по выходу из приюта получил, опять же бог ведает откуда, поистине необыкновенный подарок – купечество второй гильдии.

Как? Понятия не имею. Но в бумагах он, житель Московской губернии, значился не иначе как купец второй гильдии. Удивительное рядом!

Правда, в своей жизни никакой коммерцией, насколько я сумела выяснить, Василий Александрович не занимался – рисовал, преподавал живопись, как я уже сказала, пел в цыганском хоре, растил детей.

Кстати, умер он, можно сказать, на боевом посту – у мольберта в окружении учеников. Его жена Евдокия ненадолго пережила смерть мужа, истаяв после внезапной потери словно свечка. Любящая театральные эффекты бабушка говорила обычно о смерти своих родителей: «Жили душа в душу и умерли в один день, папа в академии, а мама, когда ей сообщили о смерти мужа, сразу же в обморок упала – и на тот свет».

Но на самом деле после памятного обморока Евдокия прожила еще около года, уходя из жизни не одним красивым прыжком, а тихими, незаметными шажками не желающей приносить кому-нибудь еще горя христианки.

Впрочем, я начала говорить об особой внешности семьи моей бабушки Марии. Тринадцать детей были жгучими брюнетами, все довольно-таки фактурными и сильными, с определенной, свойственной всему дому Мякотиных лепкой лица.

Все, кроме одной из моих бабушек, самой старшей Елены, или Лёки. Первенца в семье в отличие от своих братьев и сестер была яркой блондинкой со светлой кожей и неукротимой наклонностью эпатировать публику.

Внешне же она, как ни странно, была изумительно похожа на своих чернявых братьев и сестер. Схожие черты лица, особенности фигуры, но только Лёка была как белая ворона среди своей чернявой цыганской родни.

После революции все старались как-то спрятать свое происхождение. С одной стороны, прятать особенно было нечего, купец второй гильдии – это еще не самое страшное, что могло быть, но прабабка Евдокия была из обедневшей дворянской семьи, у нее в Москве и Петербурге оставалось множество родственников, в том числе и священнослужителей, и это могло подпортить все дело.

Спасались каждый как мог, Лёка вышла замуж за красного командира и тем избегла репрессий.

Помню ее собственный рассказ о посещении званого обеда в Кремле, куда она была приглашена с мужем. Изящная, с хорошим вкусом молодая женщина оделась для этого приема в миленькую шерстяную кофточку, из-под которой выглядывали кружевные манжеты и воротничок манишки. Поддевать под толстую кофту блузку Лёка не решилась, так как было уже достаточно тепло и она боялась, что ей станет жарко.

Поначалу все шло вполне нормально, они поднялись по широкой лестнице в банкетный зал, уселись на заранее подготовленные им места, а дальше началось что-то.

Первым делом Лёке не понравились люди, сидящие с ней за одним столом, а еще более – напыщенная обслуга. Уж этим-то точно нечем было кичиться.

Не зная, чем поддеть халдеев, которые не столько ухаживали за гостями, сколько делали им ехидные замечания, она в конце концов взяла стоящую рядом с ней вазочку с черной икрой и, поставив ее перед собой как тарелку, начала демонстративно есть оттуда икру ложкой.

Впрочем, долго наслаждаться своей бестактностью она не смогла, так как розетка была отобрана у нее вовремя спохватившимся официантом.

Все много пили, то и дело поднимались тосты, которые становились все фривольнее и фривольнее, и неудивительно, что

вскоре сделалось жарко. Заиграла музыка, и кавалеры начали приглашать дам танцевать.

После нескольких танцев сидящий рядом с Лёкой военный, который ей не понравился с самого начала, начал уговаривать ее снять толстую кофточку.

Не желая слушать вежливых возражений, он настаивал, призывая себе на помощь подвыпивших соседей, которые таращились пьяными глазами на привлекательную блондинку и чуть ли не скандировали, чтобы та разделась.

Снять кофту! А вы помните, что под ней? Манишка – это лоскуток с воротничком, который как-то прикрывает грудь и держится на завязках. Ужас!

Тем не менее, приставала вошел в раж и никак не хотел сдаваться, требуя, чтобы девушка непременно сняла кофту.

Закусив губку, Лёка еще какое-то время слушала пьяные выкрики, пыталась что-то отвечать не понимающим причину ее отказа дамам, наконец, не выдержала и, одним рывком сдернув кофту, повесила ее на спинку стула, явив в советском Кремле совершенные формы белокурой Венеры, прикрытые для приличия лишь полупрозрачным облачком манишки.

Лёка и финская война

Во время войны Лёка оказалась в Финляндии, причем была в гордом одиночестве поселена на освободившийся финский хутор и оставлена там без охраны и какой-либо помощи.

Нет, хозяев хутора не расстреляли и не отправили в лютую Сибирь, не подумайте ничего плохого.

Просто с приближением русских хозяин хутора был вынужден перебраться со всей своей семьей в лес, где у него, по всей видимости, был другой домик.

И все бы ничего, но, уходя из дома, финны забрали только самое необходимое, рассчитывая на скорое освобождение своей территории. Когда же в лесу стало нечего есть, хозяин дома начал ходить вокруг да около хутора, выглядывая, как можно пробраться в свою собственную кладовку.

Ситуация, мягко говоря, напряженная. Молодая женщина совсем одна на большом хуторе, а вокруг непроходимые чащи и «лесные братья». Причем, эти самые «братья» знают и о лесе, и о доме не в пример больше, нежели новая поселенка. Понимая, что в доме кроме Лёки могут оказаться и приехавшие ее проведать русские, финны вполне могут прихватить с собой оружие. Тогда, что называется, один неверный шаг и…

О том, что здоровенный финн ходит вокруг дома, Лёка знала наверняка. Сама неоднократно видела, как он ползал вокруг изгороди или, стараясь быть незаметным, крался вокруг огородов.

Зачем он ходит, она тоже прекрасно понимала: людям в лесу жрать нечего, и они не собираются сделать ей ничего плохого. Захотели – давно бы придушили по-тихому или пристрелили. Кто здесь выстрел услышит?

Не стреляют, не нападают – значит, не хотят связываться.

Перед Лёкой встала задача каким угодно образом дать понять ползающему по участку финну, что для него она неопасна.

Проще всего было бы поговорить начистоту: мол, вы не трогаете меня, я ничего не говорю о вас. Но это легко сказать – дать понять, легко сказать, да трудно сделать. Финского она не знала, а хозяин хутора, скорее всего, не знал русского.

Единственное, что пришло в голову Лёки, было дать понять финну, что она его вообще не замечает и не догадывается о его присутствии. А как это сделать?

Очень просто. Что будет делать любая женщина, знающая, что возле ее дома ходит враг? Защищаться, закрывать двери на засовы и приваливать их с внутренней стороны шкафами, будет жечь свет до утра, оглядываться, всегда держать наготове какое-

нибудь оружие. В общем, параноидальный персонаж накануне отправки в дурдом.

Поняв это, Лёка полностью исключила из своего поведения панические нотки. Все двери были открыты нараспашку, сама же Лёка ходила по хутору в чем мать родила, загорала и распевала в голос опереточные арии. Словом, вела себя как скучающая без внимания и полностью уверенная, что ее никто не увидит и не услышит, идиотка.

Прием сработал, и успокоенный зрелищем белокурой кретинки финн продолжал приходить в дом и набивать себе мешок продуктами, а Лёка спокойно жила, ожидая, когда же муж заберет ее к себе.

Когда я спрашивала бабушку Лёку, было ли ей страшно, она беззаботно махала на меня рукой:

– Страшно, конечно, не только ведь этот финн приходил на хутор, мимо частенько проезжали его молчаливые соседи, вокруг обретались местные «лесные братья»… Прибить могли в любой момент, но я ни от кого не пряталась, гуляла, занималась своими делами, вот они и думали, что я своя, раз ничего не боюсь.

К тому же я совсем не похожа на русскую, а вот на финнку или прибалтийку очень даже похожа.

Родные имена

Я вспоминаю своих бабушек – бабушку Марию, с которой мы жили, бабушку Анну и бабушку Лёку. Впрочем, повинуясь питерской традиции, все в той большой семье имели дополнительные домашние имена: Марию называли Муся или Мура, Анну – Анеточка, Елену – Лёка.

Это были имена для своих. Как некий пароль, по которому сразу же становится ясно, кто есть кто.

Странная стоит передо мной задача – пытаться выловить из ускользающего прошлого мгновения, кое-как осмысливая в свое время услышанное. Так вспоминаешь, и кажется, что все знаешь досконально, сколько раз семейные истории рассказывались, перерассказывались, а тут, в записанном виде, они кажутся какими-то не такими.

Вдруг начинаешь понимать, что неплохо было бы указать номер части, в которой служил муж бабы Лёки, или церковь, в которой служил отец Сергий, дядя этих девочек.

Дома хранится листок, на котором перечислены все члены семьи Мякотиных, многие с датами рождения и открытой датой в графе ухода. Я точно знаю, что Георгий Васильевич погиб в Гражданскую. Знаю, что Александр Васильевич ушел из жизни в Великую Отечественную, Николай и Павел умерли детьми. Но вот еще несколько человек… Что стало с ними?

Отчего моя родная бабушка всю жизнь тщательнейшим образом скрывала сведения о пропавших братьях? Отчего нигде не записано девичьей фамилии ее матери, а когда я задавала ей этот вопрос, она сразу же прекращала разговор, говоря, что мне еще рано знать?

Когда же я сама начала искать концы, выяснилось, что архив сгорел…

Я пишу эту книгу, пытаясь осмыслить что-то для себя, но постоянно сталкиваюсь с проблемой: все, что я пишу, невольно идет через призму восприятия меня-девочки. Девочки, которой точно сказки рассказывали семейные истории и которая запомнила их так, как запоминают дети: без важных подробностей, дат, точного места действия.

В Японии говорят, что человек жив столько, сколько жива память о нем. Так ли это?

В Стране Восходящего Солнца, где я жила и работала, ко мне в клуб часто заходил дряхлый старичок. Он подолгу торговался с барменом, выклянчивая для себя скидку за вход в клуб, азатем усаживался за стол, приглашал меня занять место рядом и

начинал рассказывать.

Разумеется, из сказанного я понимала в лучшем случае треть. Поэтому дедулька говорил по многу раз одно и то же, пытаясь пересказать старые истории другими словами, где нужно помогая себе жестами.

– Я совсем один, – виновато улыбаясь, разводил он руками, когда кто-то из персонала спрашивал, для чего тот тратит деньги и приходит в клуб вместо того, чтобы сидеть дома перед телевизором, почему вдалбливает свои истории в голову понимающей его через пень колоду русской.

– Да, так уж вышло, что пережил и жену, и детей. Впрочем, сначала детей, а жену уже совсем недавно схоронил, буквально лет пятнадцать назад. А хожу вот почему: боюсь, доченьки, сынки, что помру я вскорости. Совсем помру, потому как Будда… – он поднимает вверх один палец. – Потому как рая нет, и ада тоже… Я исчезну совсем, исчезну так, что и памяти не останется. Вот ведь беда какая!

Дедулька шамкает беззубым ртом.

– Были бы детушки, были бы внучки, забрали бы мою память, и я жил бы дальше. Плохо человеку без детей, без внуков, без продолжения. Сосед мой говорит, писать надо. Записывать, чтобы люди после прочитать могли. Напишешь, и страницы сохранят часть твоей души. Люди прочитают, а ты, глядишь, и воскреснешь. Сколько раз прочитают, столько и воскреснешь.

Писать книги – хорошее дело и очень выгодное. Но это же умение нужно какое… талантом Бог обделил, да и привычки нет. А историй у меня много, память хорошая, особенно до того, что было когда-то. Все помню.

А она, – широкий жест в мою сторону, – она писатель. Запомнит, использует где-нибудь, выйдет книжка. Меня-то к тому времени уже, скорее всего, не будет. Прочитают книгу люди … – он закрывает глаза и тут же широко открывает их, – р-раз – и я воскрес! Стою перед ними.

И людям хорошо, и мне какая радость вновь вдохнуть воздух жизни, оглядеться, на мир поглазеть.

После того как вышла моя «Изнанка веера», я нет-нет да и вижу вдруг где-нибудь в толпе знакомый скрюченный силуэт старого японца. Мертвый или живой, старичок весело подмигивает мне и скрывается за ларьками на Сенной или в проезжающей мимо маршрутке.

Память воскрешает прошлое.

Наверное, о чем-то подобном думали мои бабушки, мой

дедушка, по нескольку раз рассказывающие мне одно и то же. Они хотели, чтобы я рассказывала услышанное своим детям и внукам, передавала по цепочке, переправляя из прошлого в будущее.

Иногда я задаюсь вопросом, как отреагировали бы они на уже написанное, и часто получаю ответ. Из мира вечно живых в мир просто живых тянутся незримые нити человеческой памяти. Те, кого мы любим, кого мы помним, – живы!иогда, когда я пишу, я задаюсь мыслью, как отреагировали бы на уже написанное они, и часто получаю ответ.ло что понимающей русс

Из всех животных дедушка предпочитал котов, он и себя причислял к кошачьему роду-племени, уверяя, что в детстве кусался и царапался как настоящий котенок. Про него даже говорили: «Котик, котик, коток, котик, котик-кипяток».

У него и фамилия была соответствующая – Котов. Забавно, что моя бабушка Мякотина вышла замуж именно за Котова.

Дед говорил, что, когда его не станет, он непременно перевоплотится в рыжего котенка с голубыми глазами.

Через год после того, как дедушка умер, уже в новом дачном домике на Горском озере, недалеко от поселка Воейково, двухкомнатную квартиру деда отобрали, как говорили тогда, в связи с государственной необходимостью. Соседская кошка родила троих котят, и бабушка принесла в дом рыжего голубоглазого.

Было ли это воплощением моего дедушки, установить не удалось, но Шустрик вырос сильным и красивым животным. Его усилиями прежде серое поголовье дворовых кошек основательно пополнилось восхитительными рыжиками. Это произошло после того, как слегка возмужавший и почувствовавший зов свободы и любви кот совершил свой первый побег из дома.

Шустрик появился в олимпийском восьмидесятом, в тот год, когда не стало Владимира Высоцкого. Помню, мы узнали о трагедии летом, впервые выбравшись на Азовское море, в город Жданов (ныне Мариуполь). Мама тогда еще спросила меня, нравится ли мне Высоцкий, и я сказала, что у него очень грубый голос.

– Зато какие нежные стихи, – не согласилась со мной мама и вскоре принесла машинописную перепечатку. Помню, я зачитывалась Высоцким, сначала восприняв его на бумаге. Гораздо позже сумела понять, что особая чувствительность и нежность его природы становится еще более нежной и хрупкой именно в сочетании с грубым голосом.

Забавно, мама никогда не любила поэзии, но именно ей я

обязана знакомством с самыми любимыми авторами моего детства, и именно она, работая на копеечной зарплате в книжном коллекторе, умудрялась с каждой получки в девяносто рэ покупать книгу.

У нас в доме целый стеллаж одной только поэзии.

Однажды, буквально несколько лет назад, я спросила маму, почему она покупала поэзию, если никогда не любила ее.

Мама удивленно подняла брови:

– Для тебя, ты же поэзией увлекалась, и тебе это было нужно.

Любовь в контексте развитого социализма

В стихах я неосознанно искала некий осязаемый призрак любви. Поэтому предпочитала легенды о прекрасных дамах и благородных рыцарях, о коварных колдуньях и добрых волшебниках, но как же сложно, оказывается, в это время было с любовью вокруг меня. С любовью в пространстве совка. Как же все это теперь странно звучит…

– …когда готовили Большую советскую энциклопедию, – рассказывает писатель-фантаст Андрей Дмитриевич Балабуха[1], – дошли до тома с буквой «л» и вдруг обнаружили, что в словнике нет такого основополагающего понятия как «любовь».

Упущение, жуть! Отнеслись серьезно и заказали статью одному из крупнейших наших психологов. Получилось великолепное эссе. В редакции энциклопедии дамы множили эту статью, передавали знакомым, как величайшую драгоценность прятали в своих столах, украдкой проливая на листки нежные женские слезы.

Но если дамы восприняли благую весть любви как обещание чуда в грядущем, руководство вынуждено было решать далекие от нежных чувств задачи.

Тут же начались вопросы: а можно ли говорить об этом, тем более в столь серьезном издании? Свойственна ли любовь советскому человеку и нужна ли любовь советскому человеку вообще?

И наконец пришли к четкому решению, что любовь не нужна. Потому как за любовь могут вызвать на ковер в ЦК, а без любви не вызовут.

Гораздо позже, в 1999 году, работая над поэтическим сборником «Свидание», вышедшим в Издательско-полиграфическом техникуме и не желая ограничивать своих авторов, мы с ответственным редактором, поэтом Дмитрием Киршиным[2] просили присылать стихи о любви, заранее расширяя тему. Так как любовь бывает разная, а нам не хотелось отказывать хорошим стихам, прославляющим, скажем, лесбийскую любовь или воспевающим жестокость и радость от подчинения более сильному партнеру.

Предлагая столь щекотливую тему, мы заранее готовились к встрече с откровениями авторов и были смущены и растерянны,

когда вдруг поэты старшего поколения начали в буквальном смысле слова заваливать нас текстами о любви к природе, партии и правительству.

Но еще больше лично меня поразил поэт, не сумевший отыскать в своем обширном архиве ни одной строчки о любви…

Астма

Не люблю себя больной. А в детстве болела невероятно много, и болезни все такие, от которых не отмахнешься на раз.

Одна из таких болезней – бронхиальная астма. Она прицепилась ко мне с годовалого возраста и с тех пор преследует, то нагоняя и садясь на шею, то отставая на месяцы и годы.

Я не помню, когда именно впервые встретилась с этим страшным заболеванием, поскольку дети в этом возрасте мало что помнят. Так что невольно сложилось ощущение, что астма была всегда. Нет, она не стала второй натурой, наверное, это было бы уже слишком. Но и сказать, что в ее поведении для меня сейчас сокрыта какая-нибудь тайна, что она еще способна меня удивить… нет, пожалуй, что нет. Родители тоже не делали из моей болезни большой трагедии: подумаешь, ерунда какая, кто-то чихает от тополиного пуха, у кого-то аллергия на морепродукты, а вот мне порой не хватает воздуха. Рутина.

Иногда я пыталась жалеть себя – дети вообще любят, чтобы их считали маленькими и слабенькими. Но в классе кроме меня были еще астматики, так что я не чувствовала своей уникальности.

В школу приходилось брать с собой ингалятор. Я таскала его в переднике (помните, у девочек была такая форма – коричневое платье и черный фартук?).

Я впрыскивала в себя дозу гормонального препарата утром и вечером, обязательно выходила пару раз во время уроков, чтобы воспользоваться порошковым ингалятором.

Если жизнь была без срывов и эксцессов, ингалятора по-хорошему хватало почти на месяц, но мама всегда загодя на всякий случай покупала следующий, не точно такой же, а усовершенствованный и более сильный. И так продолжалось до тех пор, пока врач-пульмонолог (это было в одном из старших классов) не сообщила мне, что ингалятор, на который практически перестала реагировать моя астма, является моделью последнего образца. «Когда он перестанет действовать, понадобится другой, более совершенный, но такового еще не придумали!».

Оторопело я смотрела на ставший бесполезным ингалятор, не зная, что делать дальше, не понимая или не желая понять и признать, что проиграла эту жизнь нафиг.

Что может быть после того, как закончится ингалятор последнего образца? Что вообще может быть дальше? Либо кто-то наловчится выпустить новый, более совершенный, либо…

Впрочем, я прекрасно знала ответ на нехитрый вопрос, что будет, когда ингалятора не будет. Что может ждать человека, который приучил свои органы дыхания работать лишь под дозой препарата? Препарата, которого больше негде достать…

Не очень лестно сравнивать себя с зависимым от наркотика торчком, но ведь так оно и было.

«Господи, во что меня превратили?!».

Я смотрела на ингалятор, как смотрят на своего убийцу. Больше всего на свете в этот момент мне хотелось размозжить его об стену, но… только спрятала его в карман.

Возможно, подействовал сильный стресс, сам факт того, что я сумела осознать опасность ситуации, или же на так называемом «гормональном взрыве» вообще все возможно.

Но с того дня я практически не употребляла уже ингалятор. Разве что во время нечастых приступов. Но что поделаешь? Астма, конечно, не вторая натура, но хроническое заболевание, от которого не избавиться.

Гомеопат

Наступление на астму было достаточно серьезным. Ее, а заодно и меня, травили химией, так что в конце концов почки сообщили все, что они обо мне думали, попытавшись устроить забастовку.

Меня мучили невероятные боли, природа которых по-настоящему так и не была установлена. Боль разрывала грудь и солнечное сплетение, невероятно сильно тянуло поясницу. Каждый шаг, каждое движение отдавались острой болью. Так что я знала, сколько шагов до школы, а сколько до метро. Боль не проходила ни днем, ни ночью. Иногда даже во сне я продолжала ощущать ее, просыпаясь оттого, что она делалась невыносимой, начисто отменяя ночной отдых.

Понимая, что официальная медицина способна выяснить причину моих недугов не иначе, как после моего вскрытия, мама повела меня на прием к дорогущему гомеопату.

До сих пор перед глазами этот необыкновенно сильный, умный человек. Дядька, к которому меня привели на прием, был безногим и однoруким, что не мешало ему, однако, вращаться в крутящемся кресле, не ожидая ничьей помощи и пребывая в постоянном благодушном настроении.

– Я понимаю, что ты чувствуешь, – выпроводив за дверь маму, обратился он ко мне. – Маленькая девочка не должна ощущать такой боли, причем столь долгое время. Но что тут поделаешь. Боюсь, что до подросткового возраста ничего не удастся изменить. А это еще три или четыре года…

Он окинул меня сочувствующим взглядом.

– Вот что я могу предложить тебе, – он нежно взял мою маленькую ручку, согревая ее в своей единственной ладони. – Я дам тебе порошок, который ты должна будешь принимать на кончике ножа один раз в день. Твоя мама будет знать об этом.

Он крутанулся к столу и, открыв ящик, достал оттуда пакетик.

– Но если тебе станет невмоготу, если боль сделается нестерпимой и ты не сможешь больше сдерживаться и будешь орать в голос, тогда, – чтобы не унижать себя еще больше, поскольку дальше будет только хуже, – тогда ты должна будешь растворить весь этот пакетик в теплой воде и выпить его на ночь. Лучше вместе со снотворным. Человек, тем более ребенок, не должен так мучиться. Господь тебя простит.

Попросив меня повторить инструкцию и напомнив, что это наша с ним тайна, гомеопат вызвал маму и передал ей какие-то

рецепты.

О чудо! После посещения врача боли, разумеется, не сделались меньше. Они по-прежнему терзали меня. Но теперь, когда становилось особенно больно, я думала о заветном пакетике со своей свободой. И о том, что невыносимой боль еще только может стать. Невыносимой – это когда уже последний предел. Я же месяцами топталась в предбаннике перед дверью абсолютной боли, после которой имела полное право принять желанный яд.

Это очень помогает в жизни – приучиться держать в кулаке собственную смерть.

Стон

Когда я кричу, что хочу умереть, исписанные листки на столе вопиют о жизни и я им уступаю.

Но Бог знает, как тяжелеет это согласие раз за разом.

Дворец

И все же дети – невероятно живучие существа. По крайней мере, ко мне это можно отнести в полном объеме. Вот вроде, с одной стороны, от боли на стенки лезла, без ингалятора дышать почти разучилась, но два раза в неделю во Дворец пионеров имени А. Жданова – при любой погоде и стечении обстоятельств.

Еще в конце первого класса, гордая исполнением высокого долга, мама переписала красивым почерком и отослала мою первую сказку в стихах «Аленка и колдун» на весенний конкурс «Творчество юных».

Помню, как незатейливо просто писалась сказка. Я возвращалась после школы домой, переодевалась, мыла руки, а затем садилась за письменный стол, открывала тетрадочку в 12 листов и продолжала писать оставленные со вчерашнего дня стихи.

Потом бабушка звала меня обедать. Я останавливалась, иногда даже в середине недописанного слова, и шла в гостиную. Кухня как место для принятия пищи или тем паче приема гостей не признавалась.

Далее я играла, делала домашнее задание, иногда продолжала свою сказку, а на следующий день все повторялось сызнова. Никаких пресловутых «творческих мук», когда, точно ограненный камень, выдавливаешь из себя нужное слово.

Во время написания сказки я не испытывала ничего кроме радости и очарования процессом. Просто возвращаясь из ненавистной школы, я бесшумно проскальзывала в волшебный мир сказки, где светило ласковое солнышко и было хорошо.

Позже, уже во взрослом возрасте, я умудрилась вернуть себе это состояние проникновения в сказку.

Мама отослала «Аленку и колдуна» на конкурс, и вскоре получила ответ. Сказка-де хороша, но ваша Юля еще слишком мала для того, чтобы заниматься в «Дерзании» при Дворце пионеров.

Пришлось ждать пятого класса, снова участвовать в конкурсе, победить, теперь уже законно, чтобы получить, наконец, право заниматься в «Дерзании».

Дворец сразу же поразил меня своей широкой лестницей, зимним садиком, потрясающей красоты кабинетом с лепниной и резной мебелью. Мне нравилось представлять себя маленькой принцессой или пробравшейся в замок трех Толстяков

танцовщицей Суок. Нравилось, сбежав от всех, бродить в полном одиночестве по великолепным гостиным, белоколонному залу или подниматься по полутемной лестнице черного хода, где в шкафах стояли блестящие камни – сокровища гномов. Нравились расписанная в былинном стиле комната сказок и хоровод летящих неведомо куда лошадей на мозаичном полу. Лошади в зеленоватом озерце, точно над бездной.

Но больше самого дворца я была очарована нашей руководительницей – Ниной Алексеевной Князевой[3]. Маленькая старушка с почти что детскими, светящимися глазами, Нина Алексеевна не проводила наши занятия, а буквально горела перед нами, своим отношением, своей энергией делая любую, даже трудную и изначально скучную тему занимательной и потрясающе интересной.

Это именно она, водя нас по дворцу и заметив, что младшие начинают шуметь и баловаться, заводила, вдруг опускаясь до таинственного шепота, рассказ о населяющих дворец привидениях.

Одним из которых был покойный император, ммм… кажется, Александр.

Почему-то имя изобретательного монарха выветрилось из памяти, оттесненное в сторону интересной историей этого места.

Нина Алексеевна рассказывала, что император (ну пусть будет Александр II), хотя, возможно, я и ошибаюсь, был не дурак выпить. В то время как придворные доктора решительно отговаривали монарха от сей пагубной привычки.

Однажды, когда императору нездоровилось, его венценосная супруга была вынуждена поставить возле кабинета монарха бдительную стражу, в обязанности которой, в частности, входил обыск посетителей на предмет обнаружения у них водки.

Все шло отлично. Но к вечеру император был вдребезги пьян.

Оказалось, что водку ему поставлял начальник стражи.

Позже, дабы не создавать новых трудностей с поставкой во дворец огненной воды, во дворце был создан водкопровод, коим и пользовался государь.

Нина Алексеевна утверждала, что по полутемным залам дворца по сей день бродит призрак икающего с перепоя императора.

Впрочем, компанию ему вполне могли составить и другие выдающиеся личности прошлого, например, императрица Елизавета, по приказу которой дворец собственно и начал строиться. И архитектор Михаил Земцов – первый архитектор Аничкова дворца, и, конечно уж, Бартоломео Франческо Растрелли, завершивший строительство в стиле высокого

барокко.

Здесь вполне мог бродить по ночам Алексей Григорьевич Разумовский, которому собственно Елизавета Петровна и подарила это гнездышко любви, и Григорий Потемкин, которому в свое время этот дворец подарила уже Екатерина II, присовокупив к подарку 100 тысяч рублей и пожелание, чтобы фаворит обустроил дворец по собственному вкусу и в соответствии с бытовавшей тогда модой на классицизм. А значит, сюда вполне мог захаживать и работавший здесь Иван Егорович Старов, перестроивший дворец по желанию Екатерины и Разумовского, а позже и Джакомо Кваренги, Карл Иванович Росси.

Императоры Александр I, Николай I, Александр II, Александр III, великие князья и княжны.

На нескольких языках говорили бы эти пришедшие побродить по коридорам его призрачные гости.

И, наверное, нередко сюда слетаются выпускники клуба «Дерзание», живые и нет. Кого же мы увидим в красной гостиной, белоколонном зале, в кабинетах, в которых традиционно проходили занятия кружков?

Своими мечтами, наверное, возвращаются в «Дерзание» поэты Глеб Горбовский, Александр Гущин, Николай Голь, Елена Шварц, Полина Беспрозванная, Виктор Ширали, покойный ныне Геннадий Григорьев…

Когда-то… я не знаю точно когда, здесь читали свои стихи Бродский[4] и Соснора[5]. До сих пор стены дворца хранят воспоминания о Викторе Топорове[6] и Михаиле Гурвиче (Яснове[7]), Николае Беляке – режиссере известного в Питере «Интерьерного театра», Евгение Вензеле[8], Елене Игнатовой[9]. Известный всем, кто хотя бы один раз выпил маленький двойной в «Сайгоне»[10] Виктор Колесников (Колесо). Вот ведь – мир тесен!

Все эти люди – живые или уже перешагнувшие порог вечности – часть необыкновенной ауры Аничкова дворца, его духовной составляющей, еще не раз сойдутся, привлеченные светом лампы Нины Алексеевны Князевой, услышав ее взволнованный и одновременно с тем ласковый и добрый голос…

К слову, моя мама тоже из «Дерзания», только она там занималась не стихами, а прозой, так что у нас это семейное.

Межпланетный пионерский слет

– Сейчас, наверное, уже мало кто помнит знаменитую «Академичку», – начинает свой рассказ Дмитрий Вересов[11], – впрочем, все студенты университета туда ходили в столовую, потому что там продавали пиво в бутылках. То есть в университете, разумеется, была своя университетская столовая «Восьмерка», но бутылочного пива там не было, а в «Академичке» было.

Однажды то ли после занятий, то ли вместо занятий захожу в «Академичку», а там сидит сильно перепохмелившейся Гена Григорьев и что-то пытается сочинить.

Подхожу.

– Пива хочешь?

– Давай.

– Что маешься?

– Да вот, стихи для Дворца пионеров нужно сочинить. Прямщас.

– А тема какая?

– Ой, – Гена кривится, – межпланетный пионерский слет. Как планеты-то у нас называются?

Ну, посидели, попили, повспоминали планеты. Выпили за астрономию. М-да. Гена уже на гране отрубона, а стихи сдавать сегодня. За это, между прочим, деньги платят. В конце концов в результате совместного шизования получилось:

У иного пионера восемь ног и восемь рук
Или девять для примера,
Все равно он лучший друг!

Пусть на небе звезды гаснут,
Потому кричим привет
У кого на шее галстук,
Даже если шеи нет.

По-моему гениально!..

Растерзанная вечность

В школе я много болела, почти не ходила на физкультуру и внешне словно не взрослела. Было странно смотреть на одноклассниц, которые приобретали соблазнительные женские формы, красились и чинно гуляли с мальчиками. То есть это они так говорили, что встречаются, ходят в кино, на танцы, в кафе. Некоторые приходили в школу с красными кровоподтеками на шее и плечах, которые называли засосами.

Засосы очень красиво и профессионально ставила девочка из соседнего класса за совершенно смешные деньги. Это выяснилось, когда в школу пришел отец одной из моих одноклассниц с требованием предъявить ему для расправы юношу по имени Артур из параллельного класса. Но поскольку в школе не оказалось ни одного Артура, в конце концов, правда выползла на поверхность.

Впрочем, это не уменьшило моего чувства одиночества и неполноценности. Ведь я была совершенно одна и, в то время как моих сверстниц уже называли девушками, я оставалась ребенком.

Тело начало округляться только лет в четырнадцать. Однажды в бане подружка взглянула на меня и ахнула: «Да ты же русалка!».

Я смутилась, не зная, что это может означать. Плохое или хорошее?

Разумеется, я видела, что меняюсь, не заметить такое невозможно. Больше всего, наверное, мешала грудь, но это только когда нужно было бежать. Она подпрыгивала, колыхалась, так что в разрез моей сиреневой блузки постоянно заглядывали посторонние, и это было неприятно и непривычно. Но со стороны, со стороны я себя не видела.

Все еще смущаясь реакции подружки, я добралась до дома и, подойдя к зеркалу, опустила до коленей колготки и задрала до самых подмышек платье. Эффект оказался ошеломляющим. Из зеркала на меня смотрела белоснежная копия Ники без рук, ног и головы.

Какое-то время я не могла говорить, оделась и ушла в свою комнату, потом вернулась к зеркалу еще раз, но теперь уже избавившись от одежды вовсе. Случилось чудо: я не просто выросла, а сделалась похожей на девушек с полотен известных художников, на которых только что не молилась.

С того дня я начала особенно внимательно просматривать альбомы живописи, отыскивая формы, которых мне хотелось бы достичь. Рубенс, Рафаэль, Рембрандт, Боттичелли… Их девушки

кружились передо мной в волшебном хороводе шекспировских фей, словно предлагая повторить их. Отчего-то я точно знала, что сумею достичь любого из выбранных эталонов.

Даная…

Я смотрела на нее, не понимая, какое именно тайное послание заключено в лежащей на широкой разобранной постели женщине. Женщина как женщина, допустим, беременная, но… Даная не походила на все остальные картины – слишком живая, необычная, манила, звала… Живот Данаи – центр притяжения всего полотна – вызывал оторопь. Теплые цвета картины говорили о силе и умиротворенности.

Впрочем, Данаю я рассматривала не как образец для себя новой, а, скорее, из-за ее колдовской силы.

В то время в России только-только начало появляться само слово «эротика», кто-то держал дома иностранные журналы с фотографиями красивых, ухоженных моделей, демонстрирующих нижнее белье, а то и обнаженных. Мы ходили на дискотеку в ДК Моряков, где каждая девочка мечтала встретить своего единственного. Почему-то идеалом виделся моряк, которого по полгода нет дома.

Однажды перед дискотекой подружка Лена, соседка по Воейково, заехала ко мне домой, и, пообедав, мы рассматривали альбом с репродукцией картин Эрмитажа. Подобных альбомов у нас была целая полка, и я привыкла к ним, как к чему-то почти что обыденному.

То есть не совсем так, поход в реальный музей или просмотр альбомов – это всегда было проникновением в какой-то особый, прекрасный и чарующий мир, провал в кроличью нору…

Ленка никогда прежде не была в музеях и не видела ничего подобного. Она густо покраснела, разглядывая «Весну» Сандро Боттичелли, укоризненно покачала головой на Иоанна Крестителя, и затем, вдруг оттолкнув от себя книгу, закрыла лицо руками.

Ничего не понимая, я подняла с пола альбом, раскрытый на «Данае». В нашей семье к книгам относились с почтением, граничащим со священным трепетом, впрочем, никогда прежде я и не видела, чтобы кто-то так реагировал на книги вообще! Не то что в нашем доме, где книги почитались как святыни, а вообще…

– Это же порнография! Настоящая порнография! Как тебе не стыдно! – плакала подруга, странно поскуливая и не отрывая ладоней от заплаканного лица. – Как ты могла?!

В тот момент я понятия не имела, что такое порнография, поэтому просто стояла рядом, прижимая к себе альбом. Стояла и искала подходящие слова.

В тот день мы хоть и отправились на дискотеку вместе, но не разговаривали всю дорогу, я из обиды за любимую книгу, Ленка из презрения ко мне и всей моей семье, держащей в доме подобные картинки. На обратном пути я решилась снова поговорить с подругой, убеждая ее, что Даная – это красота, магия и искусство. Что художники воспевают человеческое тело, давая ему бессмертие, которого его лишила природа. Я рассказывала ей про бога-громовержца Зевса и его любовь к Данае. О рождении героя Персея…

Мы договорились, что в следующие выходные непременно сходим вместе в Эрмитаж, где она увидит настоящую Данаю.

15 июня 1985 года в 10 часов утра в Эрмитаже маньяк уничтожил «Данаю», обрызгав картину горючей гадостью.

Помню, как люди останавливали знакомых на улицах, спрашивая «зачем?», «за что?», «почему»?

Но ответа так и не было найдено. Кто-то полагал, что извращенец так отреагировал на красоту – не мог выдержать вида обнаженной плоти, кто-то говорил, что ему было безразлично, какую именно картину уничтожить, хотелось только напакостить совку за загубленную жизнь. Изначально акция уничтожения какого-нибудь мирового шедевра искусства была запланирована в Москве, но в тот день мерзавцу не удалось взять билет на поезд.

Говорят, что Бронюс Майгис – человек, уничтоживший «Данаю», был признан психически ненормальным и лечился в больнице в Черняховске, затем оказался в литовском пансионате для инвалидов.

Газета «Лиетувос ритас» писала, что Бронюс Майгис продолжает жить за государственный счет как нетрудоспособный человек, что он играет на аккордеоне и сочиняет мемуары, в которых рассказывает о своем «подвиге», желая оставить «славное» наследие потомкам.

Говорят, что на самом деле могло быть и хуже, так как к ногам террориста была прикреплена взрывчатка, которую он должен был привести в действие, но не успел, сбитый с ног охранником.

Этому можно поверить, так как сам Бронюс Майгис в своих воспоминаниях пишет, что работал на шахте, откуда вывез взрывчатое вещество аммонит.

Наверное, Ленка с тех пор так и не была в Эрмитаже, а может, все же водит туда теперь своих детей. В то лето потрясение случившимся было настолько сильным, что года два я не могла заставить себя перешагнуть порог Эрмитажа, подняться по его великолепной мраморной лестнице, прогуляться по любимым

залам.

С того дня картины были навсегда отгорожены от пришедших посмотреть на них людей толстым стеклом.

Прошло двенадцать лет, за которые «Даная» была спасена и восстановлена. Двенадцать лет жизни нескольких человек из лаборатории научной реставрации станковой живописи Государственного Эрмитажа были отданы благородной миссии возвращения «Данаи» людям. Я нашла в Интернете несколько фамилий и хотела бы привести их здесь: Е.Н. Герасимов (руководитель группы), А.Г. Рахман и Г.А. Широков, при научно-методическом участии Т.П. Алешиной.

Не исключаю, что их было больше, но не суть

Двенадцать лет, вырванных из жизни нескольких человек, вошли в бессмертное полотно, чтобы, растворившись в нем, вернуть магию растерзанной вечности.

Гуляя по прохладным залам музеев, я смотрю на картины, стремясь угадать, сколько человеческих жизней содержат они в себе.

Цветок, написанный неизвестным подмастерьем для полотна мастера, несет в себе частичку души бесхитростного паренька, сохранившуюся в нем. О чем думал не известный никому помощник художника, рисуя цветок? О кипящей на огне похлебке? Девушке из дома напротив? О том, как когда-нибудь он и сам сделается известным художником, обессмертившим свое имя. Неважно…

Он получил свое бессмертие через единственный цветок, через который теперь, спустя сотни лет, имеет возможность взирать на этот мир.

В кафе Дома актера

Однажды, отгуляв по Эрмитажу часа три, я совершенно «без ног» брела по Невскому в сторону ближайшего метро. Вход на «Климате»[12] оказался закрыт, и я потащилась в сторону Гостиного двора, когда кто-то окликнул меня по имени.

Оказалось – знакомый журналист, с которым мы познакомились, подрабатывая в массовке на Ленфильме. Слово за слово, выяснилось, что он спешит в Дом актера, где как раз в это время был показ одного из авангардных театров и где, что важно, в кафе подавали вполне приличный коньяк и варили вкусный кофе.

Я сразу же передумала ехать домой, и уже через несколько минут мы сидели за уютным столиком, покрытым белой скатертью.

Кофе оказался горячим и действительно очень вкусным, да и 50 граммов коньяка при моей усталости были совсем не лишними, тем более что к коньяку была подана шоколадка.

– Сенсация. Мне нужна настоящая сенсация, иначе имя не сделать, – шипел журналист, прихлебывая свой кофе и то и дело бросая пытливые взоры на разномастную публику. – Вот если бы актер какой-нибудь известный зашел или два поэта подрались бы. Стоп! Это кто? Это же Максимов[13]! Пойду пообщаюсь.

Журналист вылетел из-за стола и устремился в сторону худощавого бородача, похожего на голландского корабельного мастера.

– Максимов? – я пожала плечами, продолжая дегустировать шоколадку, как вдруг в кафе, мирно болтая о чем-то, вошли двое, как мне показалось тогда, чем-то знакомых мне мужчин. На одном были длинное серое пальто и белый шарф, другой был одет в изящную белую куртку на молнии. Тот, что в пальто, был рыж и нервен. Он то и дело хихикал, дергая своего приятеля за рукав. Они сели возле окна, то и дело бегло оглядывая кафе, точно готовили кому-то сюрприз.

«Должно быть, завсегдатаи», – подумала я, на всякий случай отвернувшись от них. Дома всегда говорили, что дурной тон вот так без разрешения пялиться на знаменитостей. А в том, что эти двое, скорее всего, были весьма известны, сомневаться не приходилось.

Вскоре вернулся мой знакомый.

– Ну как? Записал интервью со своим Максимовым? Будет сенсация?

– Записать-то записал, а сенсация… – он рассеянно обвел

глазами зал. – Тишь да гладь, божья благодать. Интересных людей не видела? Никто из звезд не появлялся?

Я пожала плечами.

– Вот разве что столик у окна.

– Ну? – он резко повернулся, но, по всей видимости, не узнав посетителей, сник. – Пойду афиши гляну, кто у них на этой неделе еще будет.

Я снова посмотрела на сидящих по-прежнему у окна мужчин. Не может быть, чтобы это были обыкновенные посетители. Облик, осанка, сама аура – все выдавало в загадочных приятелях не просто людей искусства, а знаменитостей.

Почему же журналист не узнавал их?

Я снова бросила взгляд в сторону заинтересовавших меня персон, но их место за столиком уже готовилась занять пожилая чета. Я обернулась, ища глазами этих двоих, и обнаружила их уже на выходе, при этом рыжий приложил к губам палец, словно просил кого-то сохранить доверенный ему секрет, а его попутчик вдруг ни с того ни с сего изящно крутанул на месте великолепное фуэте, после чего оба они исчезли…

Женька – жженье…

После училища пошла работать в поликлинику секретарем-машинисткой. На самом деле просилась в Главную геофизическую обсерваторию, где когда-то работал дедушка. Обещали и, как это у нас водится, обманули.

Но, в общем-то, я не жаловалась. Решила, что два года обязательной практики уж как-нибудь отработаю. Не жаловалась, потому что там я познакомилась с Женькой, а дальше было не до жалоб.

Евгений Садовский был всеобщим любимцем, и к моему приходу не захомутали его лишь по одной причине, что легкий, точно весенний ветерок, студент-хирург был практически неуловим. Вечно он носился где-то, перетаскивал из регистратуры в кабинет медицинские карты пациентов, путался, оказывалось, что притащил не те, которые нужны. Спускался в регистратуру снова, тащил другие, забывая вернуть взятые по ошибке. Помню взгляд, которым заведующая регистратурой оглядывала практически пустые стеллажи, не в силах поверить в происходящее.

Невероятное, невозможное событие – на полках нет карт ВООБЩЕ! А минуту назад они были.

Ее глаза медленно вылезают из орбит, челюсть отвисает, с минуты дородная Нина Ивановна смотрит на пустоту и затем выдыхает единственное возможное в такой ситуации имя:

– Садовский!!!

После чего все бегут в хирургию, в которой уже не повернуться из-за наваленных как попало медкарт.

Другой раз вижу, что кто-то из хирургии ругает торопливого практиканта за то, что тот неправильно отметил что-то в карте больного.

– Ну что вы написали? – с показной строгостью вопрошает хирург, безуспешно пытаясь не расхохотаться. Рядом стоит похожий на Джона Сильвера больной, при нем фамильярничать с личным составом нельзя.

– Я написал, что вы провели операцию на правой ноге пациента, – расшифровывает запись Женька.

– На правой? А вы видели у него правую ногу?

Садовский смотрит на пациента, не понимая вопроса. И я смотрю, уже начиная давиться от смеха. Ведь он похож на знаменитого пирата именно тем, что вместо правой ноги у него неуклюжая деревяшка.

– Я что, по-вашему, столяр, чтобы производить операции на

протезе?! – шипит врач. А Женька уже занят какими-то своими мыслями.

Ухаживал за мной Садовский с той же скоростью и легкостью, как жил. То вместо цветов принесет сорванные по этажам листики фиалок:

– Вот тебе, Юлька, будущие цветы. Поставишь в воду, дадут корешки, и будут у тебя цветики от меня круглый год.

То притащит пятилитровую банку со сгущенкой: мол, когда поженимся, не думай, что без еды тебя оставлю.

– Что принес? Ты же за молоком пошел!

– Молоко. Сгущенное молоко. Еще вкуснее. И можно без хлеба.

Без хлеба ладно, но ведь этот горе-ухажер даже ложек не догадался взять, а есть сгущенку из огромной неподъемной банки нужно было в приемной главного врача – строгой гневливой тетки, у которой я была секретарем. То есть, вариант безнаказанно насвинячить сразу же отметался.

Он мог, только что расставшись, тут же, купив какую-то безделушку, прибежать с ней, как будто бы забыл сказать что-то важное.

Мне было восемнадцать лет, когда его не стало. Чернобыльский взрыв, реактор, – и Женька, отправившийся добровольцем в те края.

Мне сказали, что Садовский оставил мне свою однокомнатную квартиру, где мы собирались жить вместе, но я ничего не взяла. Сняла с руки и отдала его сестре даже часы, которые он в спешке надел мне на руку перед отъездом и так и не успел забрать назад. У меня ведь были его фиалки, и они цвели несколько раз в год, будто бы несмотря ни на что, Женька продолжал дарить мне цветы…

Женя и Смерть

Так нечестно, Женька.
Мы пришли творить вечность,
А ты без меня выпил
Полную чашу смерти.
Так нельзя.
Ты человек сна
На берегу у ладьи,
Покачивающейся в экстазе ночи.
Женька ждет.
А смерть жнет.
Я творю вечность за двоих.
А Женька ждет.
Затерявшись в безвестности,
Корчатся в судорогах
Танцовщицы в розовом,
На краю битой тарелки луны.
Пустой.
Ты плохой мальчик.
Роняю слова стаканами.
Сколько их опрокинуто.
Но Женька ждет.
Коктейль на Пути Млечном
Из розовых пачек
И французских мальчиков.
До белого каления
Губы мои горячи.
Цветы.
Целое море цветов
И искры
В глазах и звездах.
Женька
Жженье,
В ожидании падут мгновенья.
Ладья несется
Прямо на Солнце.
Без тормозов.

Вымышленный сад в вымышленном городе

– Надо закупить семена самых разных цветов. Каких? Любых! Разных! Флоксы, петуньи, розы, люпины, колокольчики – все, какие только удастся раздобыть. Затем загружать все это обилие на вертолеты и сеять над городом, – фантазировал Сергей Курехин[14], гуляя по Невскому с поэтом Николаем Якимчуком[15]. – Какие-то семена выживут, пустят корни, поднимутся, зацветут и дадут потомство, какие-то погибнут, но самое главное, что цветы непременно вырастут! Потому что не может живая природа не взять верх над каменными джунглями.

Главное – посеять, а там уж!..

Представляешь, как это будет красиво?!

– Тогда уж давай вспашем Невский проспект и разобьем на нем самый грандиозный цветник, какой только удастся создать. Такой, о каком сам царь Петр не помышлял в вымышленном-то городе! – в тон ему предлагал свой вариант Якимчук.

Жаль, эта идея, так же как и многие другие курехинские проекты, не была реализована. А вообще интересно могло бы получиться, если бы городские власти хотя бы на один день в году отдавали бразды правления в руки людям искусства.

Вот бы мы наворотили тогда!!!

Что могут две двухкопеечные монеты

После смерти Садовского я заболела. Подхватила детскую ветрянку и слегла. Детские болезни хороши в своем возрасте. Тогда они проходят более или менее нормально.

А тут за неделю я похудела на восемь килограммов, ветер с ног сбивал. Хорошо хоть отвратительные язвочки не оставили никаких следов на коже.

Приезжали ребята, мы катались на мотоциклах, хотя у меня почти не было сил держаться за кожаную куртку сидящего передо мной Ромки. Вообще сил не было ни на что.

Жизнь действительно казалась никому не нужной, проигранной, что ли. Погиб любимый человек, я хожу на нелюбимую работу да еще и числюсь там соломенной вдовой, каждый норовит до души доцарапаться, расспросить, как да что.

Хотелось покончить со всем сразу, провалиться в такую глубокую яму сна, куда не доберется больше боль. Наверное, это звучит несколько глупо, но я была абсолютно честна в своих намерениях. Нет – значит, нет. Либо я прямо сейчас найду в этой жизни смысл, либо на кой мне такая жизнь?

Говоря все это себе, я бродила по городу. Возможно, и вслух говорила, может, и орала на себя, и ногой топала, и убегала невесть от кого, пугая прохожих. Впрочем, кто думает о прохожих? Прохожие проходят, как проходит все на свете. Никто не думает о прохожих…

Решение пришло само собой, точно все время топталось за дверью. Мне срочно нужно поступить в какую-нибудь театральную студию. И вправду, давно хотела. Вспомнила, что несколько дней назад школьная подруга Ирка сказала, что записала объявление какой-то студии.

Я пошарила в карманах, там сыскались две двухкопеечные монеты, на первую дозвонилась до Ирки, и о чудо! Несмотря на отличную погоду, она была дома.

Театр находился в ДК «Мир», на Нарвской, но для меня расстояния не играли ровно никакой роли. Впрочем, сначала следовало дозвониться.

– Если мне откажут – все, – приняла решение я и набрала номер.

Трубку подняли буквально на второй гудок. Услышав, что я звоню по поводу театральной студии, вахтер тут же попросил меня подождать, успев сказать только, что студий в ДК несколько,

но как раз сейчас мимо него проходят студийцы одной из них.

Вскоре трубку взял другой человек.

– Здравствуйте, мне сказали, что вы звоните по объявлению, – мягко произнес он. – В Доме культуры, насколько я знаю, несколько театров, но абсолютно уверен, что вы нашли именно наше объявление. Вы нужны нам!

Я буквально захлебывалась счастьем, когда мне сказали, что я нужна и что я могу приехать к ним на ближайшее занятие.

Вот так две двухкопеечные монеты могут повернуть жизнь человека, в одну секунду переродив его из бессильной амебы в веселого и энергичного человека.

А тут еще и сон приснился. Видела Воейково, есть у нас там немецкие или финские коттеджи, и вижу, что я, маленькая, иду к одному из них вместе с моей тогдашней подружкой Ленкой Романовой, а в руках у меня огромная кукла Нина, которую мне дедушка подарил на день рожденья.

И вот подходим мы к холмику, а он весь покрыт серым асфальтом. А сверху стоит белый коттедж, подле него сидит хлипенький мужичок с длинными волосами и дебелая бабища с отупевшим выражением лица стирает в тазу белье.

А рядом с ними бегают двенадцать странных пацанов. Смотрю, а дети больные какие-то, да и не дети вовсе, а наполовину дети, наполовину трупы.

Только я вдруг понимаю, что знаю их всех: Иисус, Мария и двенадцать апостолов. Странно, конечно, что в таком виде, но как видела, так и передаю.

И вот подходит ко мне один из мальчишек и говорит:

– Хочешь, научу тебя читать в душах? Будешь все знать о других людях.

– Хочу, – говорю.

– Надо совпасть сердцем, – говорит странный ребенок, показывая на свой пульс на запястье.

Показывает, а потом берет за руку мою куклу Нину, закатывает глазки, синеет.

Глупый!

Я вырываю из его пальчиков руку куклы и прижимаю к своей руке.

– С моим пульсом совпадай! Дыши!

– Ты скоро умрешь, – открывает небесно-голубые глаза мальчик-апостол.

– Ну да, в сорок два, – говорю я, мне тогда очень нравилась эта цифра. В сорок два умерли Владимир Высоцкий и Элвис Пресли, Джо Дассен, и вообще, как говаривала моя бабушка:

«Великие люди умирают, и мне что-то нездоровится».

– Ты умрешь через месяц, – перебивает поток моих мыслей ребенок.

И тут все вокруг меня словно разбивается, уступая место новой реальности. Мальчик все-таки апостол. И не важно, как выглядит апостол или каким он нам представляется. Суть в том, что врать он точно не будет – по статусу не положено. А если так, все правда и я действительно умру.

Умру через месяц. За это время ничего нельзя толком сделать. Я вхожу в труппу театра, который должен приступить к постановке в декабре, сейчас сентябрь, за месяц я даже роль еще не получу.

Я пишу стихи, но делаю это еще плохо. За один месяц лучше писать не станешь, разве что тот же апостол чем-нибудь вдохновляющим по головке шмякнет.

Задача.

В общем, когда проснулась, я вертела свою судьбу и так и сяк и, в конце концов, пришла к самому простому выводу: если жить осталось не больше месяца, нужно хотя бы потратить это время на то, что мне действительно нравится, беспощадно выбрасывая из нее все ненужное.

Поэтому первым делом я уволилась с работы, выгнала из своей жизни людей, общение с которыми доставляло мне неприятные эмоции, а также тех, с кем встречалась от скуки, к которым ничего не чувствовала. Увеличила тренировки, стала больше читать, много писала.

Через месяц жизнь не закончилась, но полностью изменилась.

И еще о Ромке

Ромка был братом одного моего знакомого по массовке на Ленфильме, куда я нет-нет, да захаживала. Ромка и его мотоцикл были посланы ко мне на время траура для поднятия настроения.

Скромный такой, тихий мальчик в очках. Все время что-то мастерил в своей комнатке или ездил за город. Ромка изучал историю Великой Отечественной. И вообще он был черным копателем. О чем и признался мне в первый же день знакомства.

В доме у него все было военное. Из гильз он делал авторучки и раздаривал их знакомым девушкам. Была ли у Ромки девушка? Понятия не имею, но вряд ли, уж слишком он был занят своими любимыми гранатами, найденными котелками, пуговицами и осколками снарядов.

– А под кроватью у тебя небось мина заложена? – пошутила я как-то, потягивая чаек из большой купеческой чашки. Эти чашки по случаю гостей поставила на стол Ромкина мама.

– Ага, а откуда ты знаешь?! – вороватый взгляд в сторону стоящей к нам спиной мамы.

Ромка погиб, подорвавшись на бомбе времен войны. Говорили, что ему оторвало ноги и одну руку, что все тело было обожжено, но он еще какое-то время жил.

Я не была на похоронах и узнала о случившемся много позже, возможно, поэтому Ромка до сих пор подсознательно остается для меня живым.

Максик-баксик

Приятель Макс, мальчик из золотой молодежи, не особо подходил к нашей компании. К тому времени я уже активно хаживала в «Сайгон», от которого Максика воротило. Тем не менее, ему было приятно показываться со мной, я же откровенно тащилась от нечесаных, странно одетых людей, собирающихся там. Как ни странно, но буквально с первого дня пребывания в «Сайгоне» я поняла, что собирающиеся там люди на самом деле милые и добрые.

Разительный же контраст их несколько отталкивающего внешнего вида делал внутреннюю сущность этих людей еще нежнее и очаровательнее.

Однажды, договорившись с Максом с понедельника походить на ретроспективу фильмов Херцога, я беззаботно отправилась кататься по ночному городу с байкерами.

Ночь была теплой, с неба за нами наблюдали здоровенные звездищи, и мы незаметно выехали за пределы Питера, летя в темную неизвестность. Машины рычали, захватывало дух, и было необыкновенно приятно прижиматься к кожаной битой куртке, невольно обнимая уносящего меня в дальние дали всадника.

Лямки моего рюкзачка сползли с плеча, и я больше думала о том, как бы не потерять его в этой гонке. Должно быть, моя голова была занята чем-то вроде этого, когда вдруг произошел толчок и мы взлетели в воздух, теряя мотоцикл.

Все завертелось. Я завизжала и тут же получила удар по плечам, спине и покатилась куда-то по земле.

Как выяснилось потом, удар был от падения, да и отделалась я, можно сказать, вполне нормально. Только вот ободралась немного, но без переломов, и слава богу.

На следующий день, правда, возникшая в зеркале картинка всерьез испугала меня: вся правая половина лица оказалась отечной и перекосившейся, под глазом налился синяк, который из синего начал уже превращаться в черный. Губы были разбиты и тоже сильно опухли.

Я решила не выходить из своей комнаты, сообщив домашним, чтобы ко мне никого не пускали.

И буквально на следующий день в мою «келью» прорвался Макс с огромным букетом цветов.

Увидав мое обезобразившееся отеком лицо, он презрительно швырнул мне букет, процедив что-то типа «бог шельму метит», после чего ушел, хлопнув дверью.

Я разревелась, проклиная Макса и выдумывая, как когда-

нибудь отомщу ему.

Впрочем, долго ждать не пришлось, через неделю синяки пожелтели, а через месяц все прошло самым замечательным образом, не оставив ни следа.

К тому же за время болезни я похудела, но каждый день занималась шейпингом и успела пошить себе очаровательный белоснежный костюмчик.

Уложив волосы и подкрасившись (способ краситься, которому научила меня визажист с Ленфильма и которым я редко пользовалась из-за вечной спешки), я отправилась на презентацию какого-то фильма в Дом кино.

Разумеется, Макс со своим папочкой-продюсером был там. И, конечно же, оба сразу разглядели в толпе меня, что было немудрено.

Желая показаться во всей красе, я подошла к ним первой и, лучезарно улыбнувшись, протянула отцу Макса руку для поцелуя. Мы некоторое время мило беседовали о чем-то, потягивая шампанское, потом я засобиралась домой.

В дверях меня догнал Макс. Заикаясь и краснея, он высказал свою радость по поводу моего выздоровления, извинился за то, что вспылил тогда, и предложил мне пообедать как-нибудь в ресторане.

Дудки!!!

Мастер спорта по кунг-фу

Новую работу я выбрала по принципу, чтобы она не отнимала слишком много времени от театра. Подошла работа уборщицы. Причем, мне по блату достался Меншиковский дворец с его необыкновенно красивыми княжескими апартаментами, лепниной и высокими потолками.

А надо сказать, что у меня феноменальная тактильная память, ну просто как у слепого, так что я с упоением облазивала там все что можно, облапливая и ощупывая самое интересное.

Каждый день, приходя на работу, я попадала в особое тихое и гулкое пространство ночного дворца.

Обычно я являлась туда после репетиции, когда работников уже не было, другие же уборщицы не заглядывали на мой участок.

Там же я могла танцевать, представляя себя на балу, или ставила кипятильник и потягивала хозяйский кофе с коньячком. Хорошие были времена.

Но дворцовая жизнь на то и дворцовая, чтобы отличаться от настоящей. А в реальности в России было весьма голодное время. Талонная система, бабульки у входов метро с водочными и папиросными талонами на обмен или на продажу.

Тем не менее, каждый раз, идя по набережной, я видела массу пустых бутылок. Идея собирать бутылки пришла не сразу. Было стыдно делать это в присутствии других людей, а когда на питерских набережных мало народа?

С другой стороны, ходить и мысленно пересчитывать встречные бутылки на деньги, которые можно с них получить, было невыносимо.

И однажды я сдалась. Правда, действовала я, как старая интеллигентка – улучила момент, когда никого рядом не было и никто не видит, украдкой сунула парочку в сумку и пошла своей дорогой. На сегодня, считай, с уловом.

Иногда приходилось ждать, когда желающая фотографироваться у воды парочка уйдет восвояси, дав мне возможность завладеть желанной бутылкой, иногда буквально в последний момент бутылку перехватывала какая-нибудь потрепанная личность, на участке которой, по всей видимости, я пыталась хотя бы чуть-чуть заработать.

Однажды я присмотрела сразу две стоящие рядом, точно влюбленная парочка, бутылочки из-под пива, но недалеко от них маячил какой-то парень.

Две бутылки – это все же лучше, чем одна, и я решила

подождать, тоже встав в сторонке и любуясь водой.

Когда мне показалось, что парень занят своими мыслями и не будет смотреть на меня, я сделала прыжок в сторону добычи, и мы тут же столкнулись лбами, в последний момент успев отдернуть руки от предательски звякнувших бутылок.

– Вы не подумайте, я не собираю бутылки, это случайность! – взвизгнула я, заливаясь краской.

– Я тоже мастер по кунг-фу! – ответствовали мне.

После такого милого приветствия мы проболтали еще более часа. Мой новый знакомый оказался весьма симпатичным молодым человеком, преподававшим боевые искусства в Москве. Сюда он приехал на выходные, получил по голове и потерял все свои деньги.

В доказательство сказанного он показал мне здоровенную шишку на затылке, свой уцелевший паспорт и пропуск в спортивный центр, где работал.

Он собирал бутылки на набережной, чтобы оплатить билет до Москвы.

История одного ограбления

Меншиковский дворец, прекрасная лепнина, широкая лестница главного флигеля, длинный подвал. Все это завораживало, захватывало, заставляя ощущать себя в необыкновенном замке, где я была то принцессой, то призраком.

Я должна была убираться либо утром, до прихода сотрудников, либо вечером, время никто не ограничивал, и я старалась заявиться ближе к ночи, когда в здании практически никого нет и слышишь свои гулкие шаги по полутемному коридору.

В такие минуты хотелось мечтать, воображать себе бог весть что. Но душа требовала чего-то большего – например, провести ночь в заколдованном замке.

Вскоре такая возможность представилась: одна наша вахтерша попросила меня подежурить за нее всего-то одни сутки. Причем ночью разрешалось спать.

С собой, чтобы не скучать, я взяла книгу, набранный на машинке текст, который нуждался в правке, а также космограммы, которые были мне заказаны буквально накануне.

Кроме того, я рассчитывала потанцевать ночью и как следует побродить по лестницам, где, возможно, кроме меня будут разгуливать самые настоящие призраки.

Ночь действительно выдалась более чем приятная. За окном ревела снежная буря, а я в тепле, придвинув к ногам электрокамин, рисовала космограммы незнакомых мне людей.

Устав, сварила себе кофе, сделала громче радио.

Меня сразу же захватила какая-то мелодия, так что я какое-то время кружилась под мотивы французского шансона.

Вдруг в стройный музыкальный ряд Шарля Азнавура врезались совершенно негармоничные звуки. Я остановилась, выключила радио. Где-то наверху, на втором или третьем этаже, кто-то со всей дури колотил чем-то тяжелым по двери.

«Ну вот, приплыли».

Плохо представляя, что делать, я подошла к лестнице, ведущей наверх, удары сделались еще ощутимее.

Спросила:

– Кто здесь?

Ответом мне были быстрые шаги над головой в одну, а потом сразу же в другую сторону. Я прижалась к косяку.

Все плохо. Человек или люди наверху могли быть вооружены, впрочем, в решительный момент, как говорится, и палка стреляет, а эти явно не авторучкой двери ломали.

Я вжалась в стену, боясь пройти мимо лестничного пролета, меж тем на лестнице что-то зашуршало. Возможно, кто-то спускался вниз, стараясь не наделать шума.

Тихие шажки остановились в двух шагах от меня. Вот еще шаг, кто-то гулко выдохнул, прижавшись к той же самой стене, за которой стояла я.

С его места прекрасно просматриваются коридор и часть стола вахтера, догадалась я.

Какое-то время мы оба стояли молча, стараясь не дышать. Тем не менее, я почти физически ощущала, как за каменной стеной бьется живое сердце.

Грабитель постоял несколько минут, после чего так же осторожно поднялся наверх.

Я отважилась отойти от стены, только когда наверху отшелестели его шаги. Так же тихо я добралась до своего поста и хотела уже набрать номер милиции, как вдруг осознала, что стоит мне поднять хотя бы минимальный шум – меня просто убьют.

В пустом здании любое движение слышалось с пугающей отчетливостью. Я взяла свою белую шубку и хотела уже выйти на улицу, как вдруг поняла, что буду слишком приметной там. Пришлось воспользоваться валяющимся тут же ватником. Возможно, вахтеры накрывались им, когда спали. Я кое-как влезла в непривычную одежку и тихо добралась до входной двери, вставив дрожащими руками ключ в замочную скважину.

Пока все было спокойно. Я вышла из здания и, подбежав к ближайшей телефонной будке, набрала номер милиции. И принялась ждать.

Наверное, если бы я придумала эту сцену, а не испытала все на своей шкуре, у меня все вышло бы гладко. Я спокойно дождалась бы милиции и вместе с ними вошла в здание.

На самом деле все было не так. На улице настоящая зима, выл ветер, танцевала снежная буря. В считанные минуты я замерзла так, что вопрос, оставаться околевать на морозе или возвращаться в здание, за дверями которого, возможно, меня уже поджидают бандиты, встал с неожиданной серьезностью и остротой.

Поразмыслив над этими двумя вариантами, я выбрала смерть в тепле и вернулась во дворец.

Впрочем, и как я возвращалась туда – история, достойная отдельного рассказа. Во-первых, перетрусив и замерзнув, я не просто вломилась к себе на пост, а сначала чуть приоткрыла дверь и, поглядев в находящееся напротив зеркало, определила, что за этой самой дверью никого нет. Затем, уже войдя в

предбанник, какое-то время вглядывалась в коридор, пытаясь углядеть или почувствовать какое-либо движение.

Наконец, вполне убедившись, что ничего страшного не происходит, я вернулась на свое место, сняла со стены ключи от кабинетов, запоздало соображая, что преступники могут за ними явиться, и спрятала все это в сейф, ключ от которого схоронила на кухоньке, в крошечном отсеке, где вахтеры подогревали себе еду.

А милиции все не было. Наверное, самое правильное было бы уйти в один из кабинетов, запереться там изнутри, но я всегда боялась именно оказаться запертой в четырех стенах. На посту вахтера хотя бы были простор и возможность выскочить на улицу.

Я собрала разбросанные на столе космограммы – еще не хватало, чтобы их разглядывала милиция! и тут поняла, что упустила главное – на кухоньке остались немытыми тарелка и чашка. Вообще-то я никогда не была аккуратисткой, но тут вдруг меня это испугало по-настоящему. В кризисных ситуациях с психикой происходит что-то странное, заставляющее поступать не так, как обычно, или видеть вещи в преувеличенно смешном виде.

В тот момент мне показался необыкновенно стыдным сам факт, что милиция увидит это безобразие!

В общем, я взяла проклятую посуду и, чтобы меньше бояться, громко стуча по ней ложкой, отправилась в туалет, где все тщательно перемыла. Проходя мимо лестничного пролета, я пошумела там подольше, после чего вернулась на место.

Милиция не возвестила о себе сиреной, что было разумно. Я услышала, как грохочут сапоги по лестнице, и выскочила навстречу.

Они быстро обследовали второй этаж, нашли попорченную топором дверь и где-то на чердаке разбитое стекло. Был составлен акт, после чего милиция убралась, а я уже хотела укладываться на остаток ночи в уютном директорском кабинете, как вдруг удары на втором этаже возобновились.

Вероятно, имевшие ключ от одного из кабинетов грабители просто заперлись где-то по соседству от комнаты, в которую стремились попасть, и теперь, поняв, что милиция убралась, продолжили начатое.

Что делать? Опять вызывать ментов? А грабители снова спрячутся куда-нибудь, а то и спустятся отомстить мне. Я была в отчаянье.

Оставалось последнее: либо запереться самой, либо смываться пока не поздно. Я быстро оделась, в сумке были деньги на машину. Последнее, что я могла сделать, – воспользоваться древней сигнализацией, которая была в допотопные времена

установлена в здании, о ней мне рассказывала одна из уборщиц. Невероятной мощности звонок был прикреплен в нашей кухоньке, и им пользовались для учебной тревоги, которая во времена моего детства считалась одним из популярных способов издеваться над занятыми своими прямыми обязанностями трудящимися. Помните, как это бывало? Все идет своим порядком, и вдруг вой и свист, после которых серьезные люди срываются со своих мест и организованно отправляются в заранее назначенное помещение, где получают противогазы и сумки с аптечкой.

Сигнализацией давно никто не пользовался, и я вспомнила о ней буквально в последний момент, сходя с ума от равномерных ударов топора наверху.

Пустое здание задрожало от отвратительного резкого звука, от которого в животе сделалось холодно, я быстро убрала руку от кнопки и тут же надавила еще раз. Ведь если мерзкий звонок так действует на меня, каково же должно быть грабителям, у которых после милиции и так нервы на взводе?

Поиграв с сигнализацией минуты три, я вышла из здания, закрыв на ключ дверь.

Машину я поймала недалеко от дворца, в изнеможении чуть было не упав на заворачивающую с Дворцовой набережной машину.

Водитель попытался было покрыть меня матом, но, сообразив, в каком я состоянии, взялся отвезти домой. Где я и просидела до открытия метро, а утром вернулась на работу задолго до прихода смены и первых уборщиц.

– Ну и гады же вломились сюда ночью, ну и козлы вонючие! – сообщила тетя Зина уборщица после того, как они с пришедшим на смену вахтером вернулись со второго этажа, куда я их отправила поглядеть на результаты ночного происшествия.

– Да уж, хорошими людьми не назовешь, – вторила я ей, попивая заваренный специально для меня чай с мятой.

– Да какими хорошими, срань мерзкая! – разорялась Зина. – Ты не видела, они же всю лестницу обпоносили, дристуны проклятые! Как хотите, а я дерьмо убирать не собираюсь!

Хорошо, что ночью я не отправилась лично проверять второй этаж. С моей везучестью непременно вляпалась бы.

Ночной бал во дворце Анастасии

О нашем поколении говорят – поколение дворников и сторожей. Художница Настя Нелюбина[16] рассказывала, как, поступая в Академию художеств, была вынуждена устроиться на работу, поскольку по закону все должны были трудиться и начинающие художники не исключение.

Это мне несказанно повезло: два года практики отработала, а дальше началась перестройка, когда каждый сам за себя. А у них тогда это было строго.

Посоветовавшись со знакомыми, Настя выяснила, что очень многие из поступающих в академию и студентов работали во вневедомственной охране.

Работенка непыльная, особенно если дежурить выпадало по ночам, а не сутки через трое. Сутки – скукотища. Сидишь и смотришь за входящими и выходящими сотрудниками. Ни выскочить, ни отлучиться, ни в гости кого пригласить.

– Другое дело ночное дежурство! Приходишь вечером, выпроваживаешь весь народ, закрываешься, и спи спокойно в кабинете главного на удобном диванчике, – с благодушной улыбкой рассказывает Настя. – Не любишь спать без удобств – не поленись приносить с собой подушку и одеяло.

Кабинет шефа – это вам не грязная клетушка охранника, кабинет начальника во все времена – это чистота и набитый продуктами холодильник, откуда всегда можно отрезать тонкие ломтики вкуснятинки, это банка растворимого кофе и иногда сгущенка. Это телефон, по которому можно всласть потрепаться с подругами.

Насте же еще больше повезло – ей досталось охранять Дворец бракосочетания! Высокие расписные потолки, карельская береза, ковры, красивая дворцовая мебель. Невольно представляешь себя хозяйкой всего этого великолепия. А разве хозяйка может без свиты?! А разве можно представить себе дворец без праздничных балов?!

Чуть ли не с самого первого дня «трудовой вахты» художница начала приглашать в «свои» новые апартаменты друзей. Собственно, находился дворец аккурат напротив Академии художеств. Что называется, сам бог велел.

Когда же были с успехом сданы все экзамены и Настя окончательно выяснила, что действительно принята, ее душа потребовала простора и безумств. И в ночь после сдачи экзаменов дворец Нелюбиной принимал дорогих гостей.

Притащившие с собой пиво и вино студенты весело

отплясывали рок-н-рол на дорогущих коврах, время от времени целуясь в роскошных креслах и манерно стряхивая на пол пепел с папирос.

В разгар веселья прозвонил телефон, и уже слегка пьяная и счастливая Настя услышала голос начальника ВОХР.

– Ты что, Нелюбина, с ума сошла?! Что там у тебя происходит? К тебе сейчас едет проверяющая комиссия. А у тебя все окна горят, как на празднике, музыка на всю ивановскую и в окнах танцующие тени. Быстро убирай всех своих гостей и туши свет!

Точно так же как, согласно народной мудрости, «быстро поднятое приравнивается к неупавшему», спешно упакованные в шкафы и кладовки студенты за присутствующих на охраняемом объекте не считаются.

За несколько минут могущие стоять на ногах гости покинули здание, те же, кто на момент приезда проверки уже достаточно «устал», были рассованы кто куда.

Точно по волшебству во всем дворце вырубился свет, и одинокие прохожие, наблюдавшие странные пляски призраков, могли только креститься, думая, что им померещился ночной бал пьяных рок-н-рольщиков.

Первая публикация

Так получилось, что я всю жизнь пишу стихи. Странно слышать, но что поделаешь, это так. Мама говорит, что я практически начала говорить стихами и до сих пор не могу и не хочу останавливаться.

Это было в 1993 году. В то время появилось множество различных изданий, и я решилась наконец-то отнести мои творения в одно из них. На самом деле ломилась я одновременно в несколько бульварных газетенок, но газета «Алло», состоящая почти из одних стихов с портретами авторов, вызывала наибольшее расположение.

Я созвонилась с редактриссой и уже вскоре отнесла ей подборку, получив в подарок парочку свежих номеров. Поначалу я думала, что ждать придется долго, но редактрисса перезвонила буквально через три дня.

– Я прочитала всю вашу подборку, – начала она с неоправданным напором. – И я в ужасе! Я в шоке! Это же… это же полное говно!

И, переведя дыхание:

– Это верлибр!

Я ошеломленно молчала.

– Не знаю, что и делать с вашими стихами, – продолжила уже спокойнее редактрисса. – У меня все авторы классики, они пишут правильные, традиционные, классические стихи! А вы?! Я не могу поставить вас рядом ни с одним из них!

– Ну и дайте тогда мне разворот, – нашлась я и собралась уже было, обидевшись, грохнуть трубку, как вдруг моя собеседница заговорила с неожиданной мягкостью.

– Разворот? А ведь вы совершенно правы, разворот – это идея! Разворот мы вам и дадим, всем по одной странице, а вам целых две, и мучиться, с кем вас поставить, не придется.

Забавное получилось сочетание с одной стороны, стихи полное говно, то бишь – верлибр, с другой – разворот в литературной газете, даже больше, чем у иных «классиков».

Свой психолог

Новый номер газеты «Алло» и новые же странности.

Редактрисса: Я не хотела печатать вашу новую подборку. Она мне вообще не понравилась.

Я (держа в руках авторские экземпляры): Так почему же напечатали?

Подобные разговоры с редактором не редкость, и я терпеливо жду подвоха.

Редактор: Почему? А мне вбилась в голову ваша строка: «А скрипач, он может не выдержать, а скрипач, он многое выстрадал». Втемяшилась и играет, как заезженная пластинка. День играла. Спать легла – снова играет. На следующее утро не отстает: «А скрипач, он может не выдержать, а скрипач, он многое выстрадал».

Обратилась к знакомому психологу. Он говорит: «Нужно позволить навязчивой идее реализоваться, воплотиться в жизнь». Вот и напечатала, чтобы от чертовщины избавиться.

Нужно будет познакомиться с этим психологом, вообще, нужно сойтись с каким-нибудь неглупым психологом, имеющим дело с известными редакторами, и взять его в долю, – решаю я.

Захват здания

Это было удивительное время, когда можно было придти в Дом культуры, представиться руководителем курсов или желающим открыть свой театр режиссером, и тебе предоставляли помещение! Не на один день – на месяцы или даже годы. Тебя вписывали в расписание, и в назначенный день и час вахтер выдавал заветные ключи. Никто не заговаривал ни о какой оплате, слово «аренда», конечно, знали, но оно было неприменимо еще к понятию «культура». Дома же культуры обязывали заниматься культурно-просветительской деятельностью или хотя бы содержать на своем бюджете бесплатные кружки и студии.

Точнее, если речь шла об аренде зала под дискотеку, на которую придут люди по входным билетам, или платные курсы, – тогда конечно, но… общество еще сохраняло социалистические нормы, согласно которым человек имел право на культурный досуг. Самодеятельность ли, кружок шитья, клуб здоровья… каждый вправе выбрать увлечение на свой вкус. И ведь было из чего выбирать!

Захватывались квартиры, этажи, а то и целые дома, идущие на капремонт, а точнее, стоящие без хозяев и ожидающие своей очереди.

Однажды мы с ребятами заняли под репетиционное помещение шестикомнатную квартиру на 1-й Советской, но потом туда же вселился какой-то явившийся из мест не столь отдаленных бывший сиделец.

Поначалу мы вроде как поладили, пришлый занял одну из комнат ближе к черному ходу, мы старались не мешать ему слишком громкой музыкой, он подкармливал нашего котенка и не лез с разговорами и ненужным общением.

Потом, осмотревшись и немного освоившись, сосед начал водить в дом пьяные компании, так что мы решили за благо для себя свалить подобру-поздорову. Тем более, что бесхозного жилья кругом было с избытком.

Фонд «Свободная культура»[17] занял целый дом на Пушкинской, 10, куда в считанные дни стеклись художники, актеры и вообще интересные люди со всего города. Квартиры очищались от хлама, перегородки между комнатками-маломерками сшибались, образуя просторные и удобные залы.

Мусор и цемент сначала выбрасывали в окна, но потом бог и царь Пушкинской, 10 Сергей Ковальский распорядился заканчивать с загаживанием территории и все стали носить

строительный мусор по лестнице, честно донося его до помойки.

К моменту, когда городские власти прознали про события, произошедшие на Пушкинской, дом был уже заселен, и не просто заселен, а функционировал как культурный центр.

Получившие наконец-то мастерские художники выставляли перед комиссией свои холсты, актеры демонстрировали жуткого вида помещения для репетиций. Стены в парадных, лестницы и вообще все свободное пространство расписывалось масляной краской в стиле популярной группы «Митьки» и бог весть в каком еще. Повсюду гремели молотки и пилы, и из нескольких окон над Пушкинской плыла музыка. Только что обосновавшиеся здесь музыканты заявляли о своем появлении звуками гитары и контрабаса, альта и ударных. Дом жил, учащенно дыша после вынужденной летаргии и простоя, и это живое дыхание заставило суровую комиссию отступить перед возникшей неведомо откуда мощью и силой. Пушкинская, 10, победила, отстояв свое право на жизнь!

Лучшая мастерская, или «Контора вторсырья»

В то время как другие захватывали квартиры под творческие мастерские, регистрируясь как театры, общества и фонды, замечательный питерский художник Анатолий Кудрявцев[18], а тогда еще просто Толя, не мог надеяться оторвать для себя хотя бы крошечный клочок площади, на которой можно было бы разместить холсты и мольберты.

С деятелями фонда «Свободная Культура» он знаком не был, самолично захватывать идущие на капремонт помещения не собирался, да и вряд ли это по силам инвалиду детства. Оставалось уповать на случай, и он пришел.

Да, это было воистину странное и великолепное время!

Однажды в бассейне, рядом с Толей вынырнул незнакомый мужчина.

– Вы художник Кудрявцев? – спросил он, поправляя очки для плавания.

– Да, – Толя и не думал отпираться.

– Один вопрос: вы хотели бы иметь мастерскую в центре города? – проникновенно глядя на Толю подкупающе голубыми глазами, осведомился неведомый пловец. – Большую, светлую мастерскую со всеми удобствами и без проблем?

– Разумеется, хочу, – Толик смотрел на незнакомца, ожидая подвоха.

– О кей, тогда второй вопрос: трехкомнатную или четырехкомнатную?

– Конечно, четырехкомнатную.

Незнакомец кивнул и, не проронив больше ни слова, поплыл к другому краю бассейна. Ничего не понимая, Толя поплавал еще какое-то время, после чего уже в раздевалке, глядя на настенный календарь, он к собственному недовольству обнаружил, что сегодня первое апреля, и, поздравив себя с днем дурака, отправился домой.

Казалось бы, все разрешилось, но не тут-то было. Недели через две в квартиру к Кудрявцеву позвонили. На пороге стоял недавний знакомец с ключами от четырехкомнатной мастерской, расположенной на Фонтанке, в нескольких минутах ходьбы от знаменитого театра БДТ.

Несколько лет Толя жил и работал в своей новой мастерской, не испытывая никаких проблем или притеснений со стороны владельцев помещения. Он не платил денег, с него не

спрашивали в уплату его произведений.

Единственная странность, поначалу смущавшая художника, – на двери его великолепной мастерской была прибита табличка, снимать, закрашивать или завешивать которую строго воспрещалось. На табличке значилось: «Контора вторсырья».

Именно с директором этого комбината Анатолия как-то и угораздило оказаться в одном бассейне.

Впрочем, в создавшейся ситуации было больше положительного, нежели отрицательного, так что и к странной надписи Кудрявцев решил относиться философски.

Критерии оценки

Перестройка дала возможность заниматься индивидуальной трудовой деятельностью, благодаря чему студенты Академии художеств вышли на улицы рисовать портреты. Черно-белый портрет стоил три рубля, акварелька – пять.

Настя Нелюбина расположилась со своим мольбертом и красками в еще совсем недавно славившимся своими путанами Катькином садике.

Хорошее, кстати, людное место, Невский рядом, много гостей города. Да и питерцам такой сервис в новинку, все хочется попробовать, узнать, приобрести.

К Насте выстраивалась очередь желающих заполучить для себя собственный портрет, положить начало новой коллекции.

– Моя дочка зарабатывает больше, чем валютная проститутка! – восторгался, бывало, отец Нелюбиной.

Заплати налоги и…

Однажды по время трудового дня к Насте подошла женщина, представившаяся налоговым инспектором.

– Вы, как я вижу, тут постоянно рисуете, неплохо было бы оформить разрешение на индивидуальную трудовую деятельность.

И действительно, куда приятнее отдавать процент родному государству и при этом знать, что тебя не погонят, не заберут в милицию, не посадят в обезьянник вместе с пьяницами и проститутками, что все пойдет спокойно и официально.

Сказано – сделано. Настя собрала необходимые документы, отстояла во всех положенных очередях, где рядом с ней получали свои разрешения на работу изготовители ключей и столяры, творцы аляповатых матрешек и надомные работники, и через какое-то время уже на законных основаниях заняла место у подножья памятника Екатерине Великой.

Казалось бы, здесь и сказке конец, но не тут-то было. Ведь Настя должна была платить налоги, а значит, кто-то должен был следить за тем, чтобы она честно вела свои дела. Для этой цели за предпринимателем Нелюбиной была установлена настоящая слежка, так что Настя трудилась под ногами государыни, а со стороны шлейфа императрицы пряталась налоговая инспекторша, которая, то и дело осторожно выглядывала из-за постамента, подсчитывая число заказчиков и контролируя Настины заработки.

Высидев положенное время в засаде, инспектор отправлялась «выслеживать» следующую жертву, оставляя Настю в покое.

– Забавное дело! – рассказывала сама художница. – Должно быть, мои ангелы-хранители решили тогда всерьез заняться моим благосостоянием, потому что, пока из-за памятника выглядывала голова проверяющей, клиентов было кот наплакал. Но стоило ей свалить…

Отработав три месяца, беременная тогда Нелюбина была вынуждена лечь в больницу на сохранение, а потом ей было уже не до рисования в Катькином саду.

Шли месяцы, и однажды она получила по почте пухлый конверт с отчетами налоговой. И, чудо-чудное, налоговая инспекция, посчитав годовой доход Насти, выяснив, сколько портретистка заработала за три месяца, и учитывая, что после она была вынуждена лежать в больнице или сидеть дома с дочкой, пришла к выводу, что Нелюбина не наработала даже на прожиточный минимум. После чего было принято решение вернуть художнице все выплаченные ею ранее налоги.

И снова чудо – вернули!

Борис Понизовский [19]

Фонд «Свободная Культура» на Пушкинской, 10 предоставлял помещения для репетиций, мастерских и выставок. Совершенно бесплатно, по-доброму. Если ты что-то делаешь – есть шанс вписаться.

Находясь на Пушкинской практически с первого дня, я поменяла уже два репетиционных помещения, где мы делали спектакли с театром ОФ Алексея Меркушева. Сами сбивали стены, расширяя пространство, срывали старые обои, выбрасывали ломаную мебель.

И вот новый партнер, новый этап и новый проект.

Репетиционную площадку согласился предоставить Борис Юрьевич Понизовский, режиссер театра «ДаНет», с которым мы недавно познакомились. То есть, разумеется, видели друг друга на различных площадках, а познакомились только теперь. И сразу же, буквально с порога – разминки и репетиции. И еще одна новость: Борис Юрьевич выбрал одну из моих сказок «Уила» для моноспектакля своей жены актрисы Галины Викулиной. Чувствуя, как мне это приятно, он громогласно объявил меня своим автором, представляя таким образом меня всем, кто только заходил в театр. Автор Бориса Понизовского – звучало как своеобразный титул, которым было грешно не гордиться. Начался новый период в жизни, долгие необыкновенно интересные беседы с Борисом Юрьевичем в его театре, разминки и репетиции под его доглядом.

Понизовский – замечательный, очень светлый человек. Представьте широкое лицо, обрамленное белой бородой и белыми же, точно светящимися волосами. Эффект свечения добавляла неизменно горящая лампа на столе, которой Борис Юрьевич был вынужден пользоваться во время наших репетиций, так как мы предпочитали сразу же делать спектакли с учетом театрального света, а он при этом должен был что-то писать, отвечать на телефонные звонки, принимать гостей, в общем – жить.

Да, жил он именно в театре, не утруждая себя без крайней надобности перемещением в квартиру по соседству, где находились жена с сыном. Впрочем, его нежелание передвигаться было связано прежде всего с его увечьем.

Без ног, с огромным, невероятной толщины телом, он напоминал русскую народную игрушку – ваньку-встаньку или японского Дарума. Кстати, ничего не знаю о происхождении

неваляшки ваньки-встаньки, а вот Дарума попал в коллекцию детских игрушек, прожив вначале вполне реальную, земную и интересную жизнь. Звали его тогда Бодхихармой, и он был монахом ,явившимся из Индии в Китай с проповедью буддизма . Он же – основатель секты чань, а по-японски – дзен. Но любящие все переделывать на свой лад японцы не справились и с иностранным именем основателя дзен-буддизма, назвав его на свой лад Бодай Дарума. Японская легенда гласит, что однажды Бодай Дарума провел в длительной медитации много дней (вариант – лет), а когда вышел из транса, ноги отказали ему. Так и остался он навечно коленопреклоненным. Таким его изображают художники – вечно сидящим на подушке со скрещенными ногами. Дарума является символом стойкости и выносливости.

Жаль, тогда я еще не знала эту историю и не рассказала Борису Юрьевичу.

Впрочем, не будь Понизовский толстым и массивным, он не смог бы сидеть без специальных приспособлений.

Борис Юрьевич обладал мощными руками, от которых, наверное, не отказался бы ни один легендарный богатырь, и глубоким, проникновенным голосом.

Иногда, когда я танцевала, а Понизовский вещал, мне казалось, что вокруг него собирается белое облако, из которого продолжает литься завораживающий голос.

О своей трагедии Понизовский говорил легко и просто – мол, был молодым, в двадцать лет получил травму, а потом пошло-поехало, отрезали ноги по кусочку, пока их совсем не стало. При этом Борис Юрьевич порывался показывать видео, в котором он еще щеголял на протезах.

Сколько же ему тогда было?

– В девятнадцатом веке я был бы уже трупом, тогда столько не жили, – смеялся обычно Понизовский.

Борис Юрьевич делал кукол и маски, сам лепил декорации, создавал авторские брошки, писал статьи, разрабатывал и, главное, ставил спектакли.

Чего он только не делал…

Олег Григорьев [20]

Когда я задерживалась с репетициями до глубокого вечера, в мои обязанности входило в том числе и выпроваживание последних посетителей, об этом была особая договоренность. Понизовского уже раз грабили, воры зашли через вечно гостеприимно открытую дверь театра, и Борис Юрьевич на своей лежанке мог только ждать, когда же гады, сочтя его неопасным для себя, подойдут поближе. Но этого не произошло.

Иногда к Борису Юрьевичу наведывался пьяненький бомжеватый типчик, который мило и немного виновато улыбался, беседуя с Понизовским и нередко получая от него какие-то небольшие деньги.

Когда он уходил, Борис Юрьевич утирал рукавом лицо, демонстрируя, как он устал от общения. Впрочем, бомжик приходил снова, и Борис Юрьевич оставлял дела, чтобы снова беседовать с ним об искусстве.

Однажды тип заявился, когда я уже собиралась домой, и оставь я его в театре, он мог бы проболтаться там и до утра. Или, еще не легче, ушел бы, оставив дверь открытой. Сам Борис Юрьевич гостей не гнал из чистого принципа. Что делать? Доложить жене Понизовского Галине, и пусть она сама следит за дверью и бомжиком. До соседней квартиры два шага, но звонком или стуком в дверь я наверняка разбужу ребенка.

Ждать? С гарантией не успеваю на метро.

Я обвела глазами репетиционный зал, только тут обнаружив халат уборщицы и косынку. Решение пришло само собой. Напялив на себя то и другое и вооружившись шваброй, я с ворчанием начала елозить ею по полу, бурча себе под нос что-то о посетителях, которые ходят ночью и днем и грязь носят.

Понизовский улыбнулся со своего места, бомжик же съежился и устремился было вглубь сцены, откуда я выгнала его, быстро орудуя своим орудием труда.

– Ну что вы все ходите и ходите, работать мешаете? – ворчала я до тех пор, пока не оттеснила позднего гостя к дверям. – Завтра приходите, а сегодня театр закрывается. Завтра, завтра…

Я дождалась, когда за посетителем закрылась дверь, после чего переоделась и, посмеявшись вместе с Борисом Юрьевичем, уехала домой. К слову, как раз поспела на последнюю электричку.

О том, кого я выгнала в ту ночь из театра, я узнала через несколько дней, как следует получив по носу за свою импровизацию.

В тот день я, как обычно, явилась на репетицию и тут же была

сражена известием о смерти поэта Олега Григорьева, стихи которого очень любила. На столе Бориса Юрьевича стоял портрет поэта. Портрет того вечно пьяненького бомжика, которого я выгнала из театра.

В итоге я репетировала под музыку голоса Бориса Юрьевича, который взял на себя организацию похорон. Наконец я не выдержала и присела рядом с не менее уставшим Понизовским. Он вручил мне список людей, которых нужно было обзвонить. Весь оставшийся день я была вынуждена сообщать людям о смерти Олега Григорьева.

– Представляете, он заходил ко мне буквально вчера, – Понизовский подпирает тяжелую голову кулаком. – Я ему говорю, давай посидим, чаю попьем или, может быть…

А он – ничего не хочу, я так устал…

Странно, вроде ничего плохого я Олегу не сделала тогда, выгоняя его из театра. Возможно, сам Понизовский ему потом рассказал о шутке, наверное, посидели, посмеялись… А вот мне до сих пор тошно, как вспомню. Комок к горлу. Один из любимых поэтов все-таки…

Маска

Для какого-то спектакля Борис Юрьевич решил сделать несколько масок. Дело хорошее. И я сразу согласилась поучаствовать в процессе. Нет, разумеется, не делать маски, я вообще руками плохо работаю. Разве что по клавишам стучу резво. Массаж еще хорошо сделать могу. Но маску!..

Борис Юрьевич сообщил заранее, что мое лицо сначала будет покрыто несколькими слоями марли, и только затем на нее наложат гипс. Ненадолго, он быстро схватится, и тогда можно будет его снять. Если я не буду шевелиться, получится замечательная посмертная маска. А чтобы я не задохнулась при этом, в нос мне будут вставлены две трубочки, через которые можно будет дышать.

В общем, на первый взгляд все нормально. В театре ОФ мы уже делали гипсовые головы, но по другой технологии – сажали на табурет человека и затем забинтовывали ему голову мокрым гипсовым бинтом; потом, когда гипс застывал, срезали по краю и все.

Но тут меня ждали сюрпризы.

Понизовский и его ассистент – мальчик-бурят (Влад Мантоев) положили меня на заранее расчищенный стол, вместо обещанных трубочек бурят предложил использовать пластмассовые авторучки, из которых вынимали стержень и свинчивали колпачок. Я вставила обе ручки себе в нос и, убедившись, что дышится нормально, дала добро на дальнейшую процедуру.

Гипс был теплой и приятной на ощупь, так что поначалу мне все нравилось. Сначала масса была положена на мой лоб, после утяжелила веки. При этом Понизовский рассказывал о фараонах и гробницах, и я радовалась, что уши мне никто не собирается закрывать и я дослушаю интересную историю до конца.

Неприятности начались, когда проклятая гипсовая масса закрыла мне переносицу и обтекла проклятые трубочки, закрыв тончайшие щелки, благодаря которым в нос поступало больше воздуха. Вот тут я по-настоящему испугалась, когда поняла, что через трубочки дышать вообще невозможно.

Когда я пробовала дышать через авторучки, я не закрывала ноздри полностью, а теперь мне было не вдохнуть и не выдохнуть. Грудь налилась свинцовой тяжестью, было невероятно больно из-за запертого внутри воздуха, я попыталась скинуть проклятую маску, но Борис Юрьевич схватил меня за руки, не давая пошевельнуться, при этом Влад держал меня за ноги.

– Заметьте, сударь, вот что я называю по-настоящему

трагическим темпераментом, – ласково пояснил он. – Сейчас ей кажется, что она попала в гробницу фараона и задыхается в ней, в то время как все это чистой воды фантазия.

Я попыталась дернуться еще, и тут же два садиста придавили меня сверху, точно песком в пустыне завалило. При этом они спокойно продолжали вести надо мной свой непринужденный искусствоведческий диалог, по ходу дела комментируя мои предсмертные судороги.

Ах, если бы я могла выдохнуть через проклятые трубочки, просто выдохнуть… Грудь отчаянно болела, я уже почти не слышала, о чем вещал Понизовский.

Пытка прекратилась неожиданно, кто-то потянул на себя маску, и тут же я одновременно получила возможность дышать и обрела свободу.

Театр расплывался и вибрировал, краем глаза я заметила, как мужчины занялись полученной формой для маски. Я же безвольно стекла под стол, где на какое-то время вырубилась.

Когда реальность снова начала заползать в сознание, я огляделась, заметив рядом с собой ноги бурята и коляску Понизовского. Медленно подняла голову, ощущая чудовищную слабость.

– А, вот и Юленька проснулась! – ласково приветствовал меня Борис Юрьевич. – Не прошло и года. – А оттиск получился замечательный!

Фроленок

Свой первый роман «Феникс», девичье имя «Бездна», я отнесла в издательство «Азбука», где в дверях меня встретил охранник с автоматом, а в редакции за столом сидел человек с лицом Иисуса, мягкие волосы которого ложились по плечам, а глаза словно говорили: «Верь каждому моему слову».

Я бы и поверила, но судьба велела мне двигаться дальше, проплывая мимо божественно прекрасного Арсена Мирзаева[21], вглубь издательских недр на встречу с моим редактором Сергеем Фроленком.

Я отдала две тяжелые папки машинописного текста с тридцатилистовиком и обещала вернуться за ответом через месяц.

Но Фроленок назначил мне встречу неожиданно скоро, аж через две недели. Я снова встретилась глазами с Арсеном, жалея, что не он мой редактор, впрочем, на этот раз Фроленок умудрился произвести на меня более сильное впечатление, нежели поэт Мирзаев. Начнем с того, что, едва я переступила порог издательства и добралась до нужной мне редакции, во всем здании вырубили свет. Непроглядной тьмы не получилось, потому что был день и свет лился из окон. Но не освещенные ничем коридоры и лестницы были охвачены таинственным сумраком. По этим самым коридорам тут же забегали какие-то люди, то и дело открывались и тут же захлопывались двери. Кто-то спрашивал, куда подевался электрик, кто-то звонил в аварийку. Я стояла посреди редакции забытая всеми, когда вдруг прямо на меня откуда-то из темного коридора издательства выскочил Сергей Фроленок. Выскочил и тут же остановился напротив с выпученными глазами и моими папками в руках.

– Я не знаю, как следует оценивать ваш роман, вы написали его в настоящем времени! Во времени действия, так сказать. Кроме того, там совсем нет слов автора, только прямая речь! Не думаю, что это можно переделать. Я в шоке! – с этими словами редактор развел руками и исчез, юркнув в нору одного из коридоров.

Роман в настоящем времени? Что он хотел этим сказать?

Не помню, как я вышла из издательства, не исключено, что прошла через стену, так как вояка у дверей меня так и не тормознул.

Но самое странное началось много позже, когда я ходила с

романом по издательствам и везде меня встречали одним и тем же: «Феникс». Как же, как же. Сергей Фроленок говорил, что это очень странный текст, вообще без слов автора и в настоящем времени. А так бывает?»

Получается, что Фроленок ходил по питерским, нет, тогда ленинградским издательствам, и рассказывал, с какой странной штукой его угораздило соприкоснуться.

Дивно сие.

Фрол – Сергей Фроленок, или все-таки более привычно Фрол, родился в 1965 году в Риге. Человек, переживший знаменитый бой на перевале Саланг в Афганистане, бой, о котором принято говорить, что дышали там гарью, огнем и вздымающимся песком и пылью.

Сергей закончил филфак ЛГУ. Работал переводчиком и редактором в различных издательствах Москвы и Петербурга («Северо-Запад», «Центрполиграф», «Азбука» и др.), писал стихи.

Этот сильный и выносливый человек после Афгана жил странной, мало заметной жизнью и умер так же странно и нелепо в 2009 году, совсем недавно.

Со слов Арсена Мирзаева: перед Новым годом Фроленок решил непременно ехать в лес за елкой. Через три дня, 31 декабря, он позвонил жене и сообщил, что находится в больнице с обморожением обеих ног. Его нашли в лесу где-то под Гатчиной.

В больнице Сергей оставаться не пожелал, опасаясь, что врачи захотят ему ноги отрезать. Пришлось возить пострадавшего через день в травмпункт. Делали какие-то ванночки, Сергей принимал лекарства и вроде как пошел на поправку. Во всяком случае, ноги зажили. Но потом вдруг ему сделалось резко хуже: давление, высокая температура, полное отсутствие аппетита.

Диагнозы ставились разные – от панкреатита до сепсиса, возникшего на фоне разрушения сердечного клапана.

«Еще врач сказал, что у Сергея иммунитет был просто на нуле, организм напрочь отказывался бороться» (из «Живого Журнала» Арсена Мирзаева). Все это привело к заражению крови и смерти.

Сергей Фроленок скончался 23 марта, в понедельник. Ему было 43 года.

И вот еще одна необъяснимая странность: казалось бы, не дружили мы с Сергеем, даже знакомы, можно сказать, не были. Но, когда его не стало, я с мамой и дочкой были в санатории под Санкт-Петербургом – уехали на детские каникулы отдыхать от суеты. Когда же вернулись, в моем компьютере оказалось десятка

два писем с сообщением о смерти и отпевании Сергея Фроленка.

Неужели он меня, несмотря на недолгое общение, все-таки умудрился приобщить к своим друзьям?

Знать бы раньше…

Птица Сирин

– Сейчас я покажу тебе что-то такое, чего ты не видела. Птицу Сирин, она как живая! Мне друг-художник перед смертью оставил хранить. Птица Сирин – душа его золотая, хрупкая, трепетная. Я лет семь холсты не разворачивал, – смеется старый мим, клоун Коля Никитин, подталкивая меня вглубь театра «ДаНет». – Я их сюда месяц назад со старой квартиры перетащил. Ты первая увидишь.

Первая и последняя.

Когда пьяный и восторженный Коля вытащил из большого прогнившего мешка свернутые в рулоны холсты, из которых сыпалось золотое крошево, я уже поняла, что картины пропали, а душа художника…

Ни о чем еще не догадываясь, Коля разворачивает помеченный косым крестом холст, и несколько мгновений я вижу дивное женское лицо с голубыми живыми глазами, птичьим телом и золотыми крыльями. Мгновение – и глаза стекают вместе с лицом, крылья взмахивают, и я невольно подставляю руки, наивно пытаясь не дать Сирину покинуть холст, и ловлю лишь разноцветное крошево.

Птица улетела…

– Надо же… А мне никто не говорил, что холсты нельзя хранить в свернутом виде! – сокрушается Коля. – Птица Сирин – душа моего друга, большим художником был…

– Художником… – машинально повторяю я. – А как фамилия художника?

– Фамилия? – Коля смотрит на меня большими печальными глазами. – А зачем фамилия, птица Сирин все равно уже улетела…

Коля Никитин

«Лучший мим – тот, который молчит»

Ник. Ник.

Последние годы жизни Никитин жил так, словно давно умер и только по какой-то странной прихоти судьбы не был похоронен и распределен, согласно грехам и добрым деяниям, в ад или в рай.

Николай Никитин – легендарный мим. Марсель Марсо, увидев выступление Никитина, назвал его «русским Петрушкой», высоко оценив работу своего русского коллеги. Человек, которого называли своим учителем и духовным вдохновителем актеры театров «Лицедеи» и «Дерево». Он блестяще владел техникой классической пантомимы, «он мыслил зрительными образами на глазах у зрителя. Смех ли, грусть, ужас или изумление, даже ярость, – реакция следовала неизменно» [22].

С начала шестидесятых годов Николай Никитин выступал как мим. Он объездил весь Советский Союз и был первым мимом, работавшим отделение. В 1975-м сыграл главную роль в фильме «Бурный поток».

Маленький, длинноволосый, бородатый клоун Коля, вечно аскающий на чашечку кофе в «Сайгоне» или других кафешках, точно призрак, просачивающийся в репетиционные помещения знакомых театров.

Впрочем, он редко критиковал, почти никогда не хвалил, лишь иногда вспыхивал внутренним пламенем, словно вспоминая нечто прекрасное, дотрагиваясь душой до подлинного своего счастья.

– Ты знаешь, у меня ведь все шло хорошо. Даже очень хорошо. Как отлично налаженный механизм. Но потом я вдруг поймал это ощущение. Я увидел машину, управляющую всем, осознал себя в этой машине!

Я не хочу быть машиной. Не хочу быть предсказуемым. Я хочу только сорваться с ее шестеренок, перестать действовать в лад и, если получится, сбежать… Ты понимаешь меня?

Я киваю.

– Ты только думаешь, что понимаешь. Я тоже поначалу подумал, что ты сможешь понять, и ты поняла. Стало быть, снова произошло предсказуемое действие, я не вылез. Я все еще в этой чертовой машине!..

Реквием лету

Вот снег листа
На нём воспоминанья
Вы извините…
Много нам природа дарит
Словарь тех слов
А я бродяга снов —
Природа записи
Лишь молоко природы
Пролитое…
Ребёнком ставшим
И смывшим капли сна
Любовь моя
Хрусталь той люстры осветил лицо ночлега
Да осветил любовь моя
Пробелы памяти ночлега
А память к ним вернётся
А гибкость мысли
Залива гибкость обогнёт
Нечаянно погибнет робко словно птица
В опущенных глазах ресницы тают
Но обогнув зеркальное пятно движением дыханья, надежды
И растворяя влагу холод теплом земли дыханьем лёгких листьев словно дым
Мне жалко не расскажет, лишь напомнит
Кто знает тайну песни, с рассеянностью странно спорить!
Рассеянность моя и крошки памяти
Возможно всё…
Я вновь молчу
Изгнанник, изгнанник я?
Сиренью звука весна придёт
Растерянно проталины лицо
Внизу остаток дар реки постели
Убыток прошлого – прошедший день
Влекомый вниз прошедший день
Прошедший день…
Лишь то познанье
Печаль прошедшего
Нужна импровизация листа
Николай Никитин

Новая галерея

Художественно-литературная группа «Новые символисты» догадалась нарождаться как раз тогда, когда все мастерские на Пушкинской, 10, были уже разобраны. Каждый метр огромного здания распределен и перераспределен.

Что же делать? Собравшись на военный совет матери-основательницы – художницы Настя Нелюбина (Ася Голицына-Кац) и искусствовед Ольга Касьяненко (Леля Гостинцева) – ломали головы над извечным русским вопросом: «Что делать?», как выпросить у мрачного Сергея Ковальского[23] единственное свободное помещение, квартиру под роковым номером 77, из которой только что съехал бывший постоялец. Потому как, с одной стороны, есть общество, литераторы, художники, танцовщики, а с другой стороны – много нас таких, на всех помещений не наберешься! Думали, думали и вдруг вспомнили, что как-то Сергей Ковальский очень смачно рассказывал о том, как в Санкт-Петербурге и только в нем одном, исстари было принято жарить корюшку, не обваливая ее в муке, как это делают сейчас, а нежно панируя манкой, отчего корюшка становится хрустящей и потрясающе вкусной.

Говоря это, Ковальский блаженно улыбался, думая о весне и времени, когда в городе снова запахнет свежими огурчиками и можно будет вкушать традиционное блюдо. Лицо генерального директора расплывалось в довольной, почти чеширской улыбке, в глазах светилось желание…

– А не пожарить ли ему корюшки? – предложила Настя.

На следующий день рыба была куплена и пожарена в точности по старинному рецепту. Свое же послание «Новые символисты» положили на блюдо, щедро засыпанное золотистыми рыбками.

Вот оно:

> «Пан Ковальский, просим дать «Новым символистам» помещение под галерею. Бьем челом к твоей милости, уповаем на положительное решение. Выдай, батюшка, нам ключи»!

План сработал, и не ожидающий подвоха Сергей Ковальский с удовольствием слямзал корюшку, лишь в последний момент обнаружив измазанное маслом и рыбьим соком роковое письмо.

Рыба была съедена, и, что называется, назад не повернешь.

«Новые символисты» получили свои ключи, и вскоре в 77-ю

квартиру въехали полотна, красный диван и воцарилась атмосфера питерских салонов начала века…

Помню первый свой визит в 77-ю квартиру. Была ранняя весна, вечер, на Пушкинской в целом подъезде отключен свет, но мероприятие не отменено. Участники и зрители встречаются во дворе и затем направляются в освещенный расставленными по ступеням свечами подъезд. Куда-то вверх, по щербатым стенам с рисунками известных и неизвестных художников, перемежающимися с более новыми подонковатыми пасквилями, тянутся тени приходящих на первый вечер «Новых символистов» поэтов. Тени ползут все выше и выше, туда, где смутно угадывается потолок.

Впрочем, кто сказал, что в таких мистических местах есть потолок? Судя по холодине, отопление тоже по ходу дел отключено, над нами черное небо. Именно туда спешат наши извивающиеся по стенам и лестничным проемам тени, за которыми, точно привязанные, шествуем мы…

О том, какие идеи могут родиться от обыкновенной плесени

В один из таких нерадостно холодных дней на Пушкинскую, 10 забрел Сергей Курехин. Впрочем, он и раньше неоднократно посещал «Фонд русской поэзии», где они вместе с Николаем Якимчуком строили смелые планы, пили коньяк или просто фантазировали о том, что бы еще сотворить такого, дабы не скучно было.

Однажды, рассказывает Николай Якимчук, на Пушкинской было особенно холодно и тоскливо. По стенам текла вода, все пропахло сыростью и гнилью, а в туалете на стене образовалась роскошная, невероятной, неземной красоты плесень, которую никто не спешил убирать.

И вот прибегает в один из таких дней Сергей Курехин и сразу же с морозца – в туалет.

Влетает, и тут же Николай слышит его восторженный крик:

– Вот это картинка! Надо знакомых фотографов прислать, такое чудо заснять! В жизни не видел ничего подобного!

И вот в холодном, сыром помещении, где, казалось бы, могут ужиться лишь плесень да ревматизм, замечательный музыкант Сергей Курехин с воодушевлением рассказывает, как было бы классно снять здесь мистически-артистическое кино! И отправить его затем на Каннский фестиваль!

А действительно, где-нибудь в Голливуде нужно специально создавать декорации, мочить стены, пока обои на них не начнут подниматься разнообразными волдырями, заказывать художникам лепить плесень, а у нас ведь все натуральное! Пол проваливается, из стен кирпичи вылезают, иней на окнах, и сосульки в жилых помещениях! Красота!

Вот только красоту эту не всякий увидеть может.

Как это у Владимира Маяковского: «А вы фокстрот сыграть могли бы на флейте водосточных труб?».

Воробьиная оратория, или Привет от Курехина

О Курехине можно говорить много и интересно. Впрочем, большинство историй уже и без меня прописаны. У нас же с Сергеем общих проектов никогда не было. Работали, что называется, на параллельных площадках. Параллелили. Хотя и были друг другу представлены.

Но вот – интересное совпадение, знак или даже «привет».

А было это так. Рассказал Николай Якимчук о том, что Сергей, мол, мечтал поставить в Питере памятник воробью и искал на этот проект средства.

Покрутила я эту историю так и эдак. Ничего не получается, не вытанцовывается, не цепляет.

Ну, не получилось – и фиг с ней. Выбросила, спать легла, все равно уже светает, стало быть, с воробьем этим я часа четыре провозилась.

Просыпаюсь днем, первым делом включаю комп и что же – на моей стене неведомый мне поэт возьми и прикрепи курехинскую «Воробьиную ораторию»!

С того дня проект словно ожил, люди начали подтягиваться, из далекой дали появляться бывшие партнеры и знакомцы. Так, словно сам Сережа Курехин, светлый человек, над книгой моей добрым ангелом в небе появился.

План работы

Получить от Ковальского ключи от помещения оказалось не так уж и сложно, и «Новые символисты» на некоторое время забыли о былых страхах, обосновавшись на новом месте. Чтобы оправдать как-то номер на входной двери, новую галерею так и назвали – «77», теперь все вроде бы встало на свои места, и подружки-основательницы мирно устраивали выставки, чаевничая с время от времени заходившими на огонек гостями.

И эта идиллия могла бы длиться сколь угодно долго, если бы в декабре 1995 года, идя по двору Пушкинской, 10, Настя Нелюбина неожиданно для себя не столкнулась с мрачным более обычного Ковальским.

Оказалось, что со дня заселения прошло больше года, и «Новые символисты» просто обязаны сдать отчет о проделанной работе.

Какой отчет?

Для отчета нужно же было вести какую-то документацию, что-то записывать, фиксировать, «до того ль голубчик было»…

Что делать?

Решив не откладывать дело в долгий ящик, Настя направилась к Ольге. Все-таки одна голова хорошо, а две лучше.

– Давай, – говорит, – вместе думать.

Сели. Написали красивое заглавие: «Отчет о проделанной работе галереи 77 за 1995».

А дальше-то что?

Точно этот отчет сам с неба или с потолка, сто лет не беленого, в белые рученьки галерейщиц свалится.

– Ладно, что мы с тобой делали в январе прошлого года? – бодрится Настя, а у самой по спине выводок мурашек.

– Да чего мы только не делали… На новогодних праздниках Вовик Савельев приходил, водку пили, – нехотя вспоминает Оля.

– Вовик, – Настя на мгновение задумывается, – Вовик у нас кто? Сотрудник Русского музея, основатель галереи «Борей» [24], ее куратор. Прекрасно, пишем: «5 января – круглый стол по вопросам артбизнеса и галерейного дела в СПб».

Отлично! А теперь, что мы делали в феврале?

– Георгий Невский (скульптор) с Наташей Карс (композитор) приходили, шампанское пили.

– Понятно! – входит в раж Нелюбина, – запишем так:

«10 февраля – конференция по вопросам синтетического искусства. Синтез скульптуры и звука в современном искусстве».

А в марте? На весенних праздниках?..

– На Восьмое марта, точно помню, Анна Крутикова забегала выставку посмотреть, пили пиво с какими-то финскими дамами.

– «Международное совещание по вопросам культурных связей с Финляндией. Дальше».

– В апреле точно не помню, вроде Зинка Курбатова с тортиком забегала, чай пили… Постой! Дай я сама: «Подготовка к ток-шоу на телевидении по вопросам позиции визуального искусства в культурологическом контексте телевидения!» Курбатова же у нас на телевидении трудится.

В общем, так месяц за месяцем девушки расписали весь прошедший год. Солидно получилось, не стыдно строгому начальству на стол положить. Хотя… смех смехом, но самое забавное, что подруги все это делали на самом деле. Были и совещания с галерейщиками, и переговоры о будущих выставках и зарубежных программах. Были многочисленные выставки, перформансы, вечера и поездки, поездки, поездки… Просто начальству ведь не объяснишь, что именно так, за чашкой чая или чего покрепче, за непринужденной беседой и рассказами анекдотов и свежих сплетен, дела и делаются.

Намордники и ущелье гоблинов

Перестройка и радовала, и одновременно с тем, пугала. Радовали и удивляли появившиеся возле станций метро ряды кооперативщиков – так называли людей, взявших патент на индивидуальную трудовую деятельность и теперь вдруг начавших лепить глиняных дракончиков, изготавливать аляповатые значки, невиданные прежде серьги-ёжики и прочую ерунду.

К кооперативщикам ходили поглазеть на небывалое при совке разнообразие продаваемой продукции, прикупить что-то для хорошего настроения.

Пугало то, что все больше и больше людей от сорока лет и выше ни за что, ни про что теряли работу. Когда под сокращение попала моя мама, я узнала, что такое ужас человека, привыкшего, что работа есть всегда. Но работы не было.

Потекли унизительные визиты на биржу труда, стояние в очереди и объяснение с инспектором по поводу предоставленных биржей вакансий. Невозможно было просто отказаться от поступившего предложения, если таковые были, потенциальный наниматель должен был отказаться от вас сам.

Предложения были одно отвратнее другого, то на другом конце города, куда ни на метро, ни на трамвае не доберешься, разве что на Змее Горыныче долетишь, да и то за копеечку… А то и вовсе в заявке работодатель пишет, что ему нужен мужчина, а биржа словно нарочно присылает теток.

Самое плохое, если потенциальный работодатель дал заявку, а сам разорился или неправильно указал свой адрес. Ведь нужно было принести письменный отказ с печатью. А что ты тут будешь делать, если означенного в документе дома нет и никогда не было в природе?

Штраф, а то и вылет с пособия.

Многие тогда, не будь дураками, обзавелись в своих трудовых книжках записями о невероятно больших зарплатах, вот и получали затем полгода повышенные пособия, мастерски обходя все предложенные вакансии. Через полгода безуспешных поисков пособие сокращалось вдвое, впрочем, если изначально оно было большое, так еще можно было жить.

Первый раз на биржу труда я сама попала из конторы, в которой бедным актерам вообще не платили, бухгалтерша так честно и написала, из-за чего пособие было с гулькин нос.

Ну да ничего. Покуковав таким образом с пособием, которого хватало только на месячную карточку проезда в городском транспорте, я отыскала людей с печатью какой-то липовой фирмы

и дальше уже жила как белый человек на повышенном пособии.

Отсутствие работы как таковой лично меня не пугало, потому что сразу же после училища я успела проработать на государство всего каких-нибудь два года. Регулярная зарплата, обязательный отпуск с содержанием, бесплатные путевки от профсоюза и прочие блага не успели стать обыденной реальностью, врасти в плоть и кровь.

Как раз наоборот, я привыкла, что работу нужно искать, и с успехом находила ее. Не постоянную. Постоянно я была нужна в театре, постоянно я писала, все остальное было преходящим. Оно приходило и благополучно уходило, не успев осточертеть.

Шваброй помахать – нет проблем, плевать что грязно, уберу и будет чисто. Текстик кому-нибудь набрать тоже без проблем. Что-нибудь за лодыря-писателя написать – только дайте.

Куда хуже пришлось маме, которую пугала неизвестность. Пенсия еще нескоро, мы с братом не пристроены…

Попробовала газеты по ящикам раскладывать – тяжело, да и страшно, мало ли с кем в подъездах можно встретиться. Листовки по улицам раздавала…

А меж тем то тут, то там появлялись коммерческие ларьки с невиданным иноземным товаром. Шоколадные батончики, обилие вкусных ликеров, соки не в банках, а в симпатичных пакетах – все это так хотелось попробовать хотя бы раз.

В отсутствие средств мама ходила по городу, играя сама с собой в игру «что я куплю, когда появятся деньги».

Один раз подвернулось шить ватно-марлевые намордники, шили вместе.

В мою комнату по такому случаю были вкатаны две огромные, в метр в высоту катушки с марлей, вата размещалась в пакете почти с меня ростом.

Заказчица быстро показала, как следует резать марлю, начинять ее ватой, как сворачивать и затем прошивать.

Мы менялись с мамой: один день она подготавливала повязки, а я прошивала, другой наоборот.

До своей постели я добиралась ползком, через мягкие тряпичные валуны, занявшие все пространство комнаты.

В темноте комната выглядела как ущелье гоблинов. Я юркала в постель и засыпала в окружении чудищ, готовых ожить в любой момент, что караулили меня всю ночь…

Золотая лавина и волшебный дар

Однажды маме повезло – она устроилась товароведом в фирму, торгующую фруктами. До этого мы долгое время жили фиг знает как и на что, отчего у меня начался жуткий авитаминоз. Гноились и отваливались ногти на пальцах рук, время от времени поднималась температура.

Я продолжала репетиции у Понизовского, пока могла нормально танцевать, но то и дело задевала больные места, испытывая сильную боль. Из деликатности Борис Юрьевич делал вид, что не замечает моих страданий. Когда же гнойники появились на лице, пришлось оставить репетиции и сидеть дома.

Помню огромные сумки с фруктами, которые мама как работник фирмы покупала на работе по дешевке. Мама притаскивала домой эти неподъемные сумки каждый день, и затем фрукты золотой волной рассыпались по полу. Иначе загнили бы, так их было много.

Яркие после голодной зимы апельсины, невиданные прежде, сочащиеся соком нектарины, виноград.

Я выползала из своего убежища, брала себе самую здоровенную ветку винограда и уползала обратно.

Витаминов было столько, сколько и на юге нет, а получивший шок организм упорно не желал пробуждаться и жить.

Однажды во время этой затянувшейся болезни позвонили незнакомые ребята, прочитавшие мои стихи в газете «Алло». Поговорили. Слово за слово, меня пригласили на мой же квартирник. Мой вечер, который должен был проходить где-то на Васильевском, в большой коммунальной квартире устроителей.

Первая мысль – не идти, куда в таком виде?.. сменилась другой – а откуда им знать, какой я должна быть?

Язвочки уже были не ярко-красные, а те, что под носом могли сойти за слишком крупные и уродливые родинки. В общем, я решилась пойти.

…Я брела мимо Смоленского кладбища с папочкой стихов и невеселыми думами.

Шла и слушала неравномерное постукивание собственных каблуков, еще бы ему быть равномерным: на правом еще была набойка, а на левом уже нет. И каблук помялся так, что ни один сапожник не восстановил бы. Туфли разваливались, а других не было. И денег тоже не было. Начал накрапывать противный дождик, а я не могла даже сесть на троллейбус…

Уже месяца два мама получала за работу одними фруктами,

мне же было не до поиска работы…

Проходя мимо часовенки, я вдруг взмолилась богу о том, чтобы подсказал, что мне дальше делать. Может, мои проблемы из-за того, что я пру не туда, куда надо? Может…

И…

Вдруг прямо передо мной на асфальте неведомо откуда возник пакет с парой черных изящных туфелек. Померила. Туфли пришлись мне тютелька в тютельку.

Как же расшифровать посланный мне ответ? Я надела новые туфли.

«Иди», – шевельнулось в голове.

И я пошла…

Цветики-цветочки

Все когда-то происходит впервые, первый шаг, первый крик, первая улыбка, первый поцелуй. Первый выход в свет, проникновение в новую для себя, манящую и притягательную среду, в общество, в котором хотелось бы остаться.

Примерно в 1984 году такой день настал и для Виктора Беньковского, тогда еще никакого не писателя, а программиста; не степенного, не толстого, а как раз наоборот – худого и сутулого молодого человека с черными длинными волосами и чуть виноватыми зеленоватыми глазами.

Тот день не сулил для Виктора ничего судьбоносного. Просто давно хотелось увидеть настоящих литераторов, да все возможности не подворачивалось. А тут его вдруг совершенно неожиданно пригласили на литературную тусовку, где можно будет поглазеть на настоящих поэтов-писателей и, авось, даже поговорить с кем-нибудь из них Когда еще такая возможность подвернется?

Впрочем, он заранее решил, что форсировать события не станет. Сядет где-нибудь в последних рядах и досидит до самого финала. А там кривая вывезет.

Но грубая действительность опрокинула все надежды. Едва Виктор толкнул перед собой тяжелую дверь Дома народного творчества на ул. Рубинштейна, на него тотчас с криками налетела какая-то немолодая тетка, которая вцепилась в ничего не понимающего программиста, вопя на всю округу, что он-де спёр ее стихотворные образы и выдал за свои!

Ну не хрена себе заявление! Чужого Виктор отродясь без спросу не брал, чьи-то там стихотворные образы ему нужны были как козе – баян. Да и сам виршей не кропал, не считая стишат для дружков-зубоскалов к очередному празднеству

Вытаращился на тетку Беньковский, но ретироваться не стал, ибо отступать с поля боя был не приучен.

Оторвав от себя загребущие руки поэтессы, молвил учтиво:

– Простите, гражданка, я знать вас не знаю. И стихи ваши мне даром не нужны. Хотя и готов поверить, что они хороши. Но я технарь, а не поэт. И образы ваши мне приставить не к чему.

Тетка осмыслила ситуацию и отвалила. Виктор вошел в зал и едва лишь уселся, как та же истеричка, не медля ни секунды, водрузилась на сцене и ну читать свои вирши, ну читать…

Разумеется, ни имени скандальной поэтессы, ни о чем ее произведения, он не запомнил. Да и не было там ничего такого, что следовало запоминать. Лютики-цветочки… Все это сто раз

слышано. Ничего нового!

Ну, ежели за лютики-цветочки на живых людей так кидаются, подумал Виктор, то что же говорить о серьезной прозе? Там, наверное, вообще, смертоубийство.

Наутро рассказал Беньковский про сей забавный случай дружкам-зубоскалам. Те поржали. И вроде забылось все, а думка подспудная осталась.

Прошло много лет. Виктор забросил программирование и сделался писателем. Ищет новое. Литературные тусовки не жалует. А к поэтессам относится с легкой настороженностью.

«Северо-Запад»

В основе любого достойного внимания явления должна лежать какая-нибудь захватывающая легенда. Это как с людьми: давно отмечено, что по-настоящему интересные, творческие личности непременно зачинаются с какими-нибудь приключениями или хотя бы с большим выбросом энергии. С огоньком, так сказать.

А хмурые и не интересующиеся в жизни ничем, кроме как набить брюхо, выпить и оттянуться на выходных, делаются в спокойной, скучной обстановке, так что родители даже обычно не догадываются, какое именно соитие в результате обернулось их отпрыском.

Знаменитое издательство «Северо-Запад» зачиналось как раз так, как и должно зачинаться поистине великое издательство, то есть в обстановке приключений и авантюр.

Согласно сказочной версии Сергея Курехина, – а автору нравится именно этот вариант развития событий, стало быть ее мы и будем придерживаться, – отцы-основатели «Северо-Запада», хотя в ту пору они наверное еще не помышляли о своей высокой миссии, бежали в доперестроечное время на китобойном судне в Англию. Там они какое-то время болтались в портовых кабаках, где и познакомились с писателем-фантастом Майклом Джоном Муркоком[25], который подарил им бессмертные тексты и познакомил со множеством авторов, благословив таким образом отчаянных русских на создание первого в стране коммерческого издательства.

К сожалению, сама я была знакома с Курехиным чисто шапочно и не слышала этой истории непосредственно от него, иначе замучила бы вопросами. Эту историю пересказал для радиостанции «Открытый город», на котором я работала два года, редактор секции фантастики «Северо-Запада» Геннадий Белов[26] в ходе интервью.

«На самом деле издательство «Северо-Запад» выросло из журнала «Звезда», бессменным главным редактором которого был и остается Яков Гордин. Там и возник «Северо-Запад», о котором мы знаем. Яков Гордин помог создавать первое независимое издательство, то есть буквально стоял у истоков.

Первенцы – «Прощальный крик Ястреба» Иосифа Бродского, книги Курта Воннегута и Майкла Муркока, Роджера Желязны и Пирса Энтони сразу же определили направление развития новорожденного.

Первый корпус текстов брался из личных запасов (библиотек)

организаторов. Приходилось рыться в Публичной библиотеке, отыскивать имена и сюжеты в кинофильмах. Потом, встав на ноги и попробовав совершить первые несколько шагов, мы сделали свой первый заказ в Англии и получили 100 – 150 текстов».

Поначалу «Северо-Запад» ориентировался именно на переводные тексты. Поэтому, когда в издательство приходили новые переводчики, им указывали на огромную, доверху забитую книгами коробку, из которой предлагалось выбрать что-то по своему вкусу и сделать пробу.

– Что переводить? – спросил впервые перешагнувший порог «Северо-Запада» Виктор Беньковский.

– Все! – Белов кивнул в сторону драгоценной коробки. – Все должно быть переведено и издано.

Виктор выбрал толстенькую книжку Пирса Энтони «Макроскоп» и, не веря до конца в свою удачу, поспешил скрыться, пряча на груди добытую драгоценность. Ведь не каждому переводчику удается переводить именно то, что ему по-настоящему нравится.

Это была действительно особая примета перестроечного времени: ощущение, что перед тобой открыты все пути. В стране остро ощущался дефицит хороших книжек, требовалось срочно познакомить читателей с признанными шедеврами иностранных авторов, показать новые горизонты, веяния, возможности, уровень.

А поскольку переводной литературы было еще мало, можно было смело брать практически любого интересного автора и, начиная с него, разматывать волшебный клубок, вытаскивая все новые и новые имена и тексты.

Интерес читателя был огромен и всеяден, из-за чего русские авторы были временно оттеснены на второй план. Единственный способ заниматься любимым делом и получать за это деньги был – взять себе псевдоним, кося под иностранного писателя.

Первую книгу русского, питерского автора-фантаста «Северо-Запад» издал под псевдонимом Мэделайн Симмонс. Книга эта называлась «Меч и радуга», а под маской Симмонс выступила широко известная впоследствии писательница Елена Хаецкая[27].

Книга вышла огромным тиражом и сразу же полюбилась не догадывающемуся о сути интриги читателю.

Было написано множество рецензий, авторы которых хвалили качество перевода, уверяя, что читали «Меч и радугу» в подлиннике и знают творчество уважаемого автора.

Часто такие рецензии сопровождались выдержками из энциклопедий фантастики, которые, «разумеется», содержали

информацию о знаменитой Симмонс.

В общем, год от года книга обрастала легендами, в подлинности которых не оставалось сомнения.

Пожар в Доме писателя

Дом писателя, в котором располагалось издательство «Северо-Запад», был сожран огнем буквально за одну роковую ноябрьскую ночь 1993 года.

– Это страшно, когда ты видишь, как на твоих глазах сгорает твой труд и труд твоих друзей. Как ежатся в огне обложки книг, оплавляются переплеты, погибают картины и рукописи. Как погибает труд огромного количества людей, их надежды, мечты, любовь, – рассказывает Геннадий Белов. Его хорошо поставленный голос при этом приобретает особые, неуловимо надрывные интонации. Он уже не говорит, а, скорее, с усилием выдавливает из себя слова, будто бы в который раз прокручивая перед глазами события тяжелой ночи.

«Работа над книгами – судьба. А когда в огне за какие-то считанные часы сгорают судьбы людей… это по-настоящему страшно!

Была ночь, зима, но весь коллектив издательства умудрился прибыть на пожар, собравшись по звонку. Кто-то поднялся прямо с постели, кто-то был оторван от домашних дел. Среди явившихся спасать свое детище были люди в пижамах и домашних халатах, жившие неподалеку, которые наспех накинули на себя что-то и понеслись на выручку.

Помещения «Северо-Запада» выгорели полностью, должно быть, с них и начался пожар. Там, наверху, мало что удалось спасти. Но ниже располагался собственно Дом Писателя с его замечательной библиотекой. Увы, огонь и пена пожарных почти ничего не оставили и от нее.

На следующее Елена Хаецкая вместе со своим тогдашним соавтором Виктором Беньковским посетили пожарище.

«Здание было все черное, стены обгорели, окна были выбиты, и повсюду свисали уродливые серые бороды замерзшей пены», – вспоминает Виктор Беньковский.

С этим пожаром закончился какой-то этап культурной жизни города. Исчез не просто дом, а центр притяжения, собиравший творческих людей. То самое место-куда-можно-прийти, где замысливались новые проекты, складывались творческие союзы и где творилась сама алхимия литературной жизни.

После трагедии в «Северо-Западе» и Доме писателя все авторы, имеющие договоры с издательством, безвозмездно скрупулезно восстанавливали все те вещи, над которыми они в

свое время работали для издательства.

Прошло немного времени, и не только само издательство «Северо-Запад», но и знаменитый пожар вошли в историю, с каждым днем все более обрастая разнообразными легендами. Сохранилось название издательства, что-то выпускалось, но это все уже было не то, не то…

В 2006 году на выставке в Доме художника в Москве, где проходила презентация моей «Изнанки веера», я увидела несколько книг со странными шершавыми, точно оплавленными переплетами.

«Это оттуда. С того самого пожара в питерском Доме писателя», – объяснили мне.

Юкки из города Золотого дракона

Так бывает, иногда человек ходит на занятия годами. Учится, пытается, что-то делает, преодолевает… капля за каплей накапливается, как накапывается, бесценный опыт. Глина сперва становится мягкой, течет между пальцев гончара, постепенно принимая желанную форму сосуда, скульптуры, бог знает чего…

А бывает, что человек приходит и все-то у него получается сразу, как будто до этого он ни учился, ни потел, ни выл от боли, когда ему вытягивали мышцы, ни терял сознание на голодании.

Такой была пришедшая в наш театр девушка Юкки. Откуда явилась Юкки, никто толком не знал, а интересоваться было не принято. Сейчас, вспоминая те события, я не могу с точностью припомнить, откуда у нас появился тот или иной новенький. Точно являлись все они из воздуха и земли, нарождались от невской воды или все же прибредали, прилетали, приезжали, притянутые, привлеченные странной магией Питера, его неповторимым очарованием и силой.

Вот она, черноволосая плосколицая бурятка, а вот и нет ее, только в воздухе кружится сумасшедший шаманский вихрь.

Помещение на Пушкинской, 10 мы использовали с утра и до утра, частенько заранее расписывая сутки, разделяя их на удобные дольки, точно мультяшные звери дольки апельсина: «Мы делили апельсин, много нас, а он один»…

Пришедшие раньше времени ожидали своей очереди, коротая время за чаем на кухне.

Чай приносили по очереди, а вот пожевать было порой и нечего.

– Однажды я, гуляя по заливу, забрел на секретный объект, – рассказывал свою историю зашедший на огонек психолог Яков. – Шел, шел, сперва были складские помещения, коридоры, лестницы, цеха, потом пошли офисы.

Люди таращились на меня, будто я был выходцем с того света, привидением, живым трупаком-нежитью… Ходил, ходил. Обращаюсь к кому-то:

– Где выход?

Ответ:

– Сами бы хотели знать, где выход.

Потом вышел к вахте. Спрашиваю, как выбраться.

Вахтеры тоже таращились минуты две, а потом старший спрашивает: «А вы как зашли-то?»

Я ему мол, шел, шел да и зашел… Что тут такого особенного?

– А вот как зашли, так теперь и выходите.

Ну, я, делать нечего, пошел обратно. Шел, шел и как-то вышел.

Подошедшая за спичками Юкки смачно затягивается, выпуская клубы ванильного дыма из самодельной ореховой трубочки, похожей на голову духа.

Свистит чайник. Кто-то заваривает в кастрюле вторяк. Рядом трется о ноги черная пушистая кошка Шишка. Почмокав трубочкой, Юкки возвращается в зал, подошедший Леша Пупкин из группы «Рождество» привычным движением расчехлил гитару. «Город золотого дракона» – любимая песня Юкки. Но, должно быть, она заранее попросила Алексея поиграть, дверь в репетиционный зал приоткрыта.

Неожиданно идиллию прервал грохот и крик. Мы побросали чашки и бросились в зал. Юкки лежит на полу и стонет, за коленку держится, а коленка у нее какая-то неправильная, и нога вроде как не в ту сторону вывернута, да и с телом тоже что-то недоброе. Словно девушку выкрутил кто-то, точно белье, да так и оставил.

В общем, чтобы понятнее было – задница почти что спереди.

– Лежи. Сейчас скорую вызовем, – шепчет Яша. Бледнеет, выходит, из прихожей доносится звук падающего тела.

– Скорую, быстро! – ору я, подсаживаясь к белой, словно сырое тесто, Юкки.

И хотела бы помочь, да только как тут подступишься? Ее вообще шевелить нельзя.

Юкки тихо поскуливает на полу, Леша вроде как вызвал скорую и теперь вернулся к нам, нервно посасывая сигаретку.

Яша в обмороке, ему хорошо.

Я глажу Юкки по голове – типа, все будет хорошо, приедут ангелы в белых халатах и тебя развинтят. Они поди и не такое развинчивали, повальное увлечение йогой, понимать надо.

– Слушай, Юль, а что сказали вахтеры Яше, когда он на секретном заводе потерялся? – шепчет умирающая Юкки.

– «Как зашел, так и выходи», – ответил за меня Леша, продолжая посасывать незажженную сигарету.

– «Как зашел, так и выходи», – почему-то со сталинским акцентом произносит Юкки. – А ты дракона играл?

– Золотого дракона, то есть «Город золотого дракона», – поправляется он, отчего-то смущаясь.

– Сыграй еще раз.

Леша выходит на кухню и вскоре возвращается с гитарой. Последняя воля приговоренного…

– Как зашел, так и выходи, – глубокомысленно произносит

Юкки, и вдруг ее выкрученное против всех законов анатомии тело начинает двигаться в ритме золотого дракона.

– Ты что, ненормальная?! – пытаюсь остановить ее, и тут же мне в лицо летит Юккина пятка. Хрясь! Нет, это не мой нос и даже не зубы, это ее сустав встал на место.

Нога в лучших традициях постановочного боя не долетает трех сантиметров до лица.

А Юкки уже выгнулась всем телом и теперь вертится, перекувыркиваясь и пластаясь по полу.

Хрясь! Второй сустав встал на место. Потом целая серия отщелков, позвоночник проверяет себя на пригодность.

Все!

С последними аккордами песни шаманка падает к нашим ногам, тяжело дыша и орошая пол каплями здорового молодого пота.

Травматизм на площадках

С уличными перформансами не всегда все получается удачно, иногда так и вовсе плохо. Ирка Андреева – жена или нет, тогда уже вдова легендарного Фрэнка[28], горела на перформансе, устроенном Антоном Адасинским[29]. Свои ожоги получил не справившийся с разгулявшимся пламенем Саша Яровой.

Володя Бойков в Прибалтике, делая свой знаменитый перформанс вместе с женой-художницей Инной Рассохиной, обливаясь поочередно тремя ведрами краски, чуть не задохнулся, подобно золотому мальчику Леонардо да Винчи.

А было это так: в тот день в Эстонии праздновали какой-то свой национальный праздник. Володя, поддерживая патриотический настрой населения, обливался поочередно тремя цветами флага – синим, черным и белым, моментально перекрашиваясь под восторженные вопли толпы.

Это по-настоящему завораживающее зрелище, когда вдруг обыкновенный бородатый, ничем не примечательный низкорослый мужичок становится белым, как статуя, а потом…

Эффектно – нечего сказать, но весьма опасно!

Дело в том, что когда человека красят кисточкой художники, всегда оставляют на теле полоску кожи, через которую тело дышит. Обычно это волосяная часть головы или полоска вдоль позвоночника.

Некоторые говорят, что проще всего не закрашивать стопы: мол, кто их увидит, но это неверно. Потому что во время подготовки модели много краски проливается на пол, и шлепающая босиком модель неминуемо закрашивает себе стопы. В случае же с обливанием краской на теле не остается ни одного сантиметра чистой кожи.

Когда этот перформанс проходил в России, Инна с легкостью отмывала своего благоверного в ближайшем кафе или в фирме, заказавшей действо, но за рубежом все оказалось сложнее, и едва закончился перформанс, народ разошелся кто куда, оставив незадачливого актера и художницу одних.

Первым делом Инна постучалась в кафе, рядом с которым проходило представление, но толстый хозяин загородил проход в свое заведение.

– Позвольте ему помыться в вашем туалете, мы актеры из Петербурга, вы видели нас только что на площади.

– Нэт, – хозяин кафе скрестил жирные руки на груди.

– Но вы не понимаете, если он не смоет краску в течение

сорока минут, он может задохнуться, – попыталась объяснить сложность ситуации Инна.

– Нэт, – за спиной хозяина возникли два его помощника.

– Но он же только что танцевал на вашем национальном празднике! Неужели вы не понимаете?

Меж тем то ли от нервов, то ли краска действительно начала действовать, но Володя ощутил головокружение и был вынужден присесть прямо на пороге. В глазах потемнело, сердце со скрипом мельничьих жерновов тяжело перекачивало кровь.

– Мы понимаем, но его здесь мыть нельзя.

– Но он же гость страны!

– Пусть его КГБ отмывает.

Инну бесцеремонно вытолкнули на улицу, дверь закрылась.

Она бросилась к другому кафе, тот же результат. К третьему. Предусмотрительные хозяева закрыли дверь задолго до того, как русские подошли к их заведению.

В машины крашеного актера не брали. Гостиница, в которой у них был снят номер, находилась на другом конце города. Положение складывалось отчаянное!

Наконец Инна остановила-таки машину и втолкнула туда уже мало что соображающего мужа.

К счастью, все закончилось хорошо и Володя вскоре пришел в норму, хотя именно эта история представляется мне наиболее страшной.

В старых, еще довоенных театрах завистники могли сбросить с колосников на голову примадонне кошку, подсыпать извести в грим, стекол в танцевальные туфли… но все это были случаи сознательной мести, мести, имеющей какой-то практический смысл – продвижение по служебной лестнице, элементарная зависть, а это… ведь Бойков мог реально погибнуть, а эти люди просто стояли бы у дверей своих кафе и наблюдали за его агонией, как до этого наблюдали за перформансом… Непостижимо…

Костяная нога

Эту историю я записала со слов своей бывшей партнерши по театру, а ныне певицы Полины Руновской. Однажды на одном из уличных спектаклей наша актриса Юля Петрова сломала ногу.

Они тогда выстраивали некую живую пирамиду, Юлька не удержала равновесия и, рухнув с высоты, была вынуждена откатиться в сторону и до конца спектакля изображать из себя нечто «рожденное ползать».

Не будешь же орать на всю улицу, что, мол, на ноги не подняться, лежишь и вибрируешь в такт музыке, молясь только об одном, чтобы боженька не ниспослал сверху еще какого-нибудь бедолагу тебе на голову.

Ну, закончился спектакль, Юльке вызвали скорую, а Полька отправилась в больницу вместе с ней, поддержать чем сможет.

И вот лежит Юлька посреди скорой на специальном таком белом лежаке, сама тоже белая от боли, тихо постанывает, чтобы Польку лишний раз не пугать.

Рядом медбрат пристроился, ему же приятно потолковать с двумя симпатичными девушками.

А Юлька лежала, лежала, да вдруг посмотрела на медбратика и спрашивает:

– Скажите, пожалуйста, а мне большой гипс сделают?

– Вам? Вам большой, – авторитетно заявляет молодой человек. – Бедро поломано, так что на всю ногу.

– Ага. Большой и белый… – Юля на несколько минут уходит в размышления, Полинка трещит о чем-то с медбратом.

– Белый и большой. Поль, представляешь, как может измениться пластика, если на одной ноге будет огромный негнущийся гипс?

– Ага, все тело будет змеиться, а гипс стоять как каменный, – верно истолковала мысль подруги Руновская.

– Можно вообще крутиться вокруг этого гипса, как змея вокруг… ну, на что это похоже? Вокруг постамента, что ли…

Юлька вскакивает, глаза горят неподдельным восторгом.

– А представляешь: черное вечернее платье, глубокое декольте, перчатки и снежно-белый гипс?! – предложила новую версию Полька.

– Нет, свадебное платье! Атас!!! – Юлька блаженно падает обратно на кушетку. – Сделайте мне самый большой гипс! Самый белый! Только поскорее, поскорее, умоляю…

Идущие по радуге

О так называемом деле Бродского я читала несколько лет назад в газетах, что-то проскальзывало в Интернете о том, как поэт Николай Якимчук допрашивал прокурора города… допрашивал? Кто? Как это вообще могло быть?

Когда прокурор допрашивает поэта, это нормально, привычно и даже где-то обыденно и скучно, но наоборот… безусловно, я пишу фантастику, и не такое могу придумать, но вся эта книга изначально планировалась как книга непридуманных историй.

– Так каким образом и главное для чего ты допрашивал прокурора города? – пристаю я к Николаю Якимчуку, все еще думая, что это очередной писательский анекдот.

– Не только прокурора, но и председателя обкома товарища Толстикова, и…

Николай спокойно выжидает, когда я справлюсь с шоком. И начинает свое повествование. Мы сидим в заставленной книгами и картинами комнате на Пушкинской, 10 вход в которую предваряет стенд, посвященный Бродскому. Последний раз мы виделись, когда я писала своего «Феникса», а в «Юбилейном» был творческий вечер Евтушенко. Давно это было, и вот новая встреча. Николай немного пополнел, но глаза те же.

Быстрый, веселый, звонкий… Смотря на изменившегося Якимчука, я вдруг ясно представляю, что такой человек действительно запросто мог собраться и доехать до Нью-Йорка. Буквально пихнул пару рубашек в чемодан и на выход. Мог сорваться с места и полететь в Израиль или даже на другую планету.

– В то время, – начинает Николай, ставя свой стул напротив моего, я включаю диктофон, – в то время так получилось, что я познакомился с поэтом Евгением Рейном, другом Бродского. Топоров писал, что Рейн научил его пить портвейн, а ведь Бродский тоже считал Рейна своим учителем… м-да…

Николай делает выразительную паузу и тут же продолжает, его речь, совершенно чистая, красивая, но без вычурностей, льется, как прозрачный ручеек.

В то время Николай работал в газете «Коммунист» – тихое, спокойное место, сулившее кусок хлеба за не особо хлопотную работу. Многие так работали, тихо, неспешно, застрахованно от бед и тревог, и так бы продолжалось долгие годы, если бы не один странный звонок, перевернувший жизнь. Позвонили из журнала «Юность».

Речь зашла о деле Бродского. Звонивший настаивал, что не все понятно с этим, с позволения сказать, процессом, что тут есть в чем разобраться. Короче говоря, требовалось провести частное расследование. Почему частное?

Ну, наверное, потому, чтобы в случае чего всю вину за содеянное можно было смело списать на одного человека.

«Вы ведь живете в Ленинграде. Вот и разберитесь, карты вам в руки, – настаивал невидимый собеседник. – Наверное, остались люди, которые судили Бродского, расспросите их».

После чего Николаю действительно дали несколько имен.

Нужно было что-то решать: либо оставаться в газете, либо заниматься делом Бродского. С одной стороны, Бродский и газета «Коммунист» как-то слабо сочетались, с другой, было страшновато покидать насиженное место. В поисках решения Якимчук обзванивал своих друзей, каждый из которых отговаривал его бросать работу.

В результате Николай поступил противоположно тому, что ему советовали друзья, – уволился и занялся делом Бродского.

Бывший секретарь обкома Василий СергеевичТолстиков встретил поэта недружелюбно, на всякий случай разговаривая с ним через дверную цепочку. Они обменивались вопросами и ответами через узкую щель, почти не видя друг друга, потом, должно быть, почувствовав доверие к незваному гостю, Толстиков соизволил выйти на лестничную площадку.

– Какой Бродский? Не знаю я никакого Бродского! Никогда прежде не слышал эту фамилию! – отпирался бывший секретарь обкома.

Он врал, и это было видно. Почему-то во что бы то ни стало Толстиков не хотел признать сам факт своего участия в проклятом процессе.

«Он не хочет оставаться черным человеком»! – пришел к изумившему его самого выводу Якимчук.

– Но Горбовскому мы ведь помогли! – проникновенно заглядывая в глаза собеседнику, вдруг сообщает вопрошаемый.

Странное дело, если Толстиков не помнит Иосифа Бродского и не знает, за что его преследовали, почему вдруг возникла эта ассоциация с Глебом Горбовским? Или это оправдание, последняя соломинка, за которую хватается утопающий… луковка, которую очень злая, жестокая женщина когда-то и отчего-то вдруг подала нищенке. История из детской сказки: луковка – единственное доброе дело злодейки, за которое нищенка пыталась втащить ее в рай…

Но если человек приготовил аргументы для своей защиты, следовательно, он знал, что нужно будет защищаться. А раз знал,

то прекрасно понимал, в чем дело, и о ком его спрашивают.

Второй визит к прокурору города – и снова знакомая песня: «Кто такой этот Бродский? Никогда не слышал».

Должно быть, Якимчук сделал паузу, потому что прокурор вдруг неожиданно продолжил начатую фразу: «Кто такой этот Бродский? Никогда не слышал, но судили его по неправильному указу. И я это могу вам доказать!»

Опять странности, если никогда не слышал об осужденном, откуда тогда сведения, по какому указу его судили? Ничего себе построение предложения!

Впрочем, это скорее редакторская ремарка.

Прокурор действительно оказался профессионалом и вскоре подготовил для Якимчука и проклятый указ, и подробные объяснения, что в этом указе плохо.

«Дело Бродского» вышло общим тиражом 3 млн экземпляров, и через какое-то время Николай вылетел в Нью-Йорк, где собирался встретиться с Иосифом Бродским, чтобы наконец познакомиться лично и вручить сборник «Капподакия», в который вошли и стихи Бродского. Они созвонились и договорились о встрече на Манхэттене. Это неподалеку от Мортон стрит, 44, где жил Бродский, а также от места, где убили Джона Леннона.

До места встречи Николай шел целых три часа, ориентируясь по карте. В метро зайти не решился, опасаясь, что непременно заблудится в нью-йоркской подземке. Другое дело – ни на кого не полагаясь, добраться самому.

Впрочем, масштаб карты он, видимо, не учел, и Иосифу Александровичу пришлось ждать его в условленном месте.

Бродский нервно ждал, нервно жил. В воспоминании Николая он остался как некий рыжий факел, впечатление возникало не только из-за цвета волос, в то время они были уже обильно подернуты сединой, – Бродский вибрировал и полыхал изнутри.ый звонок, перевернувший жизнь если бы не один странный звонок, перевернувший жизнь асивая, но без вычурностей, лиется, как пр

– И вот тут я увидел субстанцию поэта. Поэт без кожи, – говорит Николай Якимчук. – Бродский все время извинялся, потому что что-то его не устраивало в сборнике, в жизни…

И я заметил, что если у всех людей линейное мышление, у него оно по радуге.

– Как помочь России?

Его не устраивало качество бумаги, на которой были напечатаны его стихи. Да, в стране в это время были проблемы с бумагой.

Бродский прекрасно понимал свою миссию.

– Как помочь фонду? У меня много знакомых шведских бизнесменов, они приезжают в Россию, их там все время обманывают. Вот если бы вы, поэты, ходили по фирмам и спрашивали, честные они или нет. И тогда шведы из чувства благодарности давали бы вам бумагу!

Замечательная идея! Хотя и чисто фантастическая.

– Я представил себе, как Владимир Иосифович Уфлянд с палочкой начнет ходить по фирмам, наивно заглядывая в холеные рожи бизнесменов и спрашивая, честные они или нет, – смеется Николай. Но в том-то и дело, что Бродский не мог фантазировать более приземленно.

Все по радуге…

Предложение, от которого невозможно отказаться

Мамина знакомая попросила помочь ей, подежурить недельку в ее офисе на одной из многочисленных Советских улиц. Офисик крошечный, грязненький, тетка снимала его под туристическую фирму, подготавливающую загранпаспорта и торгующую турами.

– У меня такие проблемы, такие проблемы. Взяла сдуру деньги у бандюков, а отдавать нечем, сестра сперва обещалась мотануться в Китай за товаром, а потом отдать. Но ее с остальными челноками тормознули на таможне, кукует там теперь, пока погранцы прикидывают, сколько с кого стрясти.

– Ну, а я чем могу помочь? – не выдержала неизвестности я. – У меня явно нет таких денег.

– Да не в деньгах дело, деньги сестра привезет или я у бывшего мужа подзайму, нужно недельку в конторе посидеть, пока там опасно. То есть пока я буду мотаться по городу в поисках денег или других бандитов, которые разрулят ситуацию, офис по-любому должен работать. Клиенты заплатили за паспорта, и их нужно выдавать под роспись. В общем, не сочти за хамство, брать на работу девочку с улицы, убьют – жалко. Словом, посиди, пожалуйста, у меня в офисе!

Какое-то время я хлопала глазами, прокручивая в голове полученное предложение. Новоявленная работодательница явно так до конца и не поняла, что брякнула.

Ничего себе, девочку с улицы пожалела, а меня…. Впрочем, а ведь если я сейчас откажусь от ТАКОГО предложения, больше уже никто и ничего подобного не предложит.

То есть втихомолку, втайне подставить – это без проблем, а вот так в открытую послать человека под пули…

Разумеется, я тут же согласились и целую неделю затем просидела в странном месте, читая интересные книги и пописывая стихи.

В верхнем ящике рабочего стола лежали несколько паспортов, которые я должна была отдавать под расписку заказавшим их людям.

В среднем лежал, по словам хозяйки, заряженный пистолет, старый, тяжелый, с крутящимся барабаном, как для «русской рулетки».

От греха подальше я старалась не заглядывать в этот ящик и не брать в руки опасное оружие. Все-таки в офисе было так

скучно… так скучно…

Перестройка-перестрелка

Работа моей мамы в торговой фирме имела неожиданный гангстерский финал, превратившись из доброй буржуазной сказки в вестерн.

О том, что, возможно, придется отступать и выводить людей, руководство фирмы узнало загодя и приготовило забитый прежде досками и заваленный картонками и плакатами собачий лаз.

Всем находящимся в бухгалтерии и иных помещениях работницам было заранее указано, куда следует двигаться в случае «наезда». Начальник охраны специально инструктировал каждого сотрудника по отдельности, особо упирая на то, что сигареты в курилке должны быть потушены, все электроприборы отключены, после чего… а, впрочем, если будут стрелять, сначала нужно было упасть на пол и закрыть голову руками, чтобы не пораниться осколками.

Собачий лаз проведывали в обязательном порядке. Бухгалтерша должна была забрать с собой оказавшиеся у нее в этот момент на столе документы и ключи от сейфа.

Впрочем, никто особенно не пугался, а о предстоящем говорили чуть ли не в шутку.

Не испугались даже тогда, когда раздались выстрелы и посыпались стекла. Находящиеся в этот момент в бухгалтерии тетки, как и было оговорено заранее, попадали на пол, устроившись под прикрытием своих столов. Затем вслед за охранниками все, хохоча и повизгивая, под непрекращающимся огнем поползли на карачках к заветному лазу.

Почему смеялись?

А как тут не смеяться, когда в этот день, как по заказу, ни одна из работниц не явилась на службу в брюках. Все были одеты в юбочки, из-под которых то и дело мелькали трусики и резинки чулок.

– А я вижу! Вижу! – надрывалась от хохота приемщица товара. – У нашей Ольги Дмитриевны голубые трусишки в горошек!

– Ой! – взвизгивала стоящая раком бухгалтерша, поспешно одергивая юбку. – А у Тамарочки вообще панталоны допотопные! Вот!

Ползущая перед бухгалтершей экспедиторша от хохота чуть было не начала движение по-пластунски.

– А у секретарши шефа… у секретарши шефа…

Все вытянули головы, силясь разглядеть запретное…

Тра-та-рах, гремели выстрелы, весело рассыпалось стекло,

летела щепа от столов…

Умирающие от смеха сотрудницы некогда процветающий фирмы выползали из собачьего лаза, волоча за собой продуктовые сумки, недоделанные отчеты, недоеденные в обед бутерброды.

– Знаешь! А нас сегодня расстреливали! – весело сообщила мама, перешагнув порог дома. – Так интересно было!!!

«Сайгон» и его обитатели

Много раз, гуляя по Невскому, я невольно притормаживала на углу Владимирского проспекта, косясь на странных волосатых, одетых в драные джинсы и кожаные потертые куртки людей. В «Сайгон» входили люди с гитарами и иными музыкальными инструментами, появлялись персонажи с живыми крысами на плече, или художники с мольбертами. Все они знали друг друга, шутили, разговаривали, убегали и возвращались, пили кофе прямо на улице. В общем, мирок «Сайгон» жил своей собственной жизнью.

Он-то жил себе и жил, а вот я ходила вокруг да около, мечтая попасть внутрь. С одной стороны, казалось бы, что может быть проще – есть ноги, войди. Но почему-то именно такой простой выход, точнее вход, мне и не приходил в голову. Или приходил, но казался неправильным.

Хотелось войти в «Сайгон» если и не как своя, то хотя бы с кем-то из «аборигенов». Чтобы вот так же весело болтать, непринужденно обмениваясь новостями, просить кого-нибудь из стоящих в очереди взять тебе маленький двойной или…

Возможность попасть в «Сайгон» нашла меня сама собой. Юра Самерханов (Юрий Хан[30]), с которым я поступила в «До-театр» [31], предложил зайти куда-нибудь после тренировки попить кофе и вдруг нежданно-негаданно привел именно сюда.

С замиранием сердца первый раз я входила в «Сайгон», в предбаннике которого валялся лохматый и потертый его страж Витя Колесо (Колесников). Колесо был вдрызг пьян. Чтобы пройти в кафе или выйти из него, приходилось перешагивать через его вытянутые ноги, что я посчитала отдельным ритуалом.

Бросив меня у одного из столиков, Юрка отыскал в длинной очереди Иру Андрееву, с которой мы полчаса как расстались в ДК «Мир», и, сунув ей деньги, попросил купить нам две чашечки кофе, после чего немедленно вернулся ко мне.

– Странно, а почему очередь не возмущалась? – на всякий случай тихо спросила я.

– А кому придет в голову возмущаться, здесь же все свои. Сегодня Ирка купит нам кофе, завтра мы ей. Те, кто стоит в очереди, тоже понимают, что, возможно, уже в следующий раз им придется просить кого-нибудь, и что тогда?..

Вскоре Ира действительно помахала нам рукой, и Юрка кинулся за нашими чашечками. Кофе оказался необыкновенно вкусным и сладким, такого я прежде не пила. К Ире подходили лохматые, одетые в кожу и странные хламиды люди, брали свои

«заказы», отходили в сторону. Среди прочих я приметила Фрэнка, Иркиного мужа, который часто приходил к нам в театр. Заметив меня, Фрэнк не улыбнулся как обычно, а зыркнув на Юру, чуть ли не застонал, обливая пальцы горячим кофе.

– Ее-то зачем привел?

Кто-то толкнул Франка, тот обернулся, беззлобно выругавшись, поставил чашку к нам на стол. Вслед за Фрэнком подошла и Ира.

– В общем так, – обратился Фрэнк к супруге, тыча в мою сторону пальцем с обломанным ногтем, – помнишь, что я тебе сказал ночью о Юле. Считай, что она моя младшая сестра. И ежели только кто-то ее обидит…

Не закончив начатую было речь, Франк махнул кому-то и, проглотив залпом кофе, кивнул нам на прощание.

– Что это с ним? – не поняла я.

Лицо Ирки осветила таинственная улыбка Джоконды. Юра, который уважал Фрэнка как музыканта и немного пасовал перед его сайгоновским авторитетом, ошарашенно смотрел в одну точку.

– Этой ночью Фрэнка посетило озарение, – продолжая наблюдать за спиной мужа, изрекла Ирка. – Он проснулся, сел на постели и вдруг говорит: «Юлька ведь Андреева»? Андреева, отвечаю. «Так я ведь тоже Андреев, и ты Андреева – значит, мы родственники».

– Может, и родственники, кто знает, – говорю, а сама тяну на себя одеяло. Он ведь, Фрэнк, как сел думу думать, завернулся в одеяло так, что я только что голой не осталась. А у нас в доме сквозняки еще те…

– А раз родственники, да еще она и младше нас с тобой – значит, мы и должны за ней следить, чтобы не обидел никто, чтобы в дурную компанию не попала и вообще...

Я восприняла сказанное Иркой как шутку. Мы посмеялись и разошлись. Но вот что забавно. С того самого дня Ирка и Фрэнк действительно как бы взяли надо мной шефство. Ирка, бывало, так и говорила: «Для Фрэнка ты как младшая сестра, так что я как его жена должна о тебе, младшая сестра, заботиться».

Первое, что сделала Ира, был подгон совершенно потрясающей рубашки, белой в голубую полосу, причем полосы рисовались вручную. Рубашка была такая длинная и широкая, что могла сойти за платье. И что уже было совершенно в Иркином стиле, она вдобавок была и не дошита, так что над этим подарком пришлось еще немного поколдовать, прежде чем прикид стал под стать «Сайгону».

Впрочем, я никогда не хотела походить на этих людей. То есть внешне не хотела походить. В остальном-то они мне очень нравились. Немного освоившись в «Сайгоне», я стала приходить туда в длинной черной шелковой блузе с вырезом, поверх которой красовались бабушкины, тоже черные бусы. Там так никто не одевался, поэтому я оказалась весьма приметной.

Интересно, как Ирка подарила мне ту полосатую рубаху. Был мой день рожденья, я пригласила ребят из театра. После репетиции мы собрались всей компанией и отправились ко мне на Гражданку. Все, кроме Иры, которая в этот день встречала маму. Ирка и Фрэнк должны были пожаловать своим ходом, для этой цели я написала им адрес и нарисовала подробную схему проезда, которую они тут же благополучно куда-то подевали.

Ирка везла с собой Фрэнка до площади Мужества, где он вдруг вспомнил, что договорился с кем-то из знакомых, и сделал ноги, оставив на супругу и подарки, и огромный, чуть ли не с нее размером букет жасмина. Сама же Ира вышла на станции метро «Гражданский проспект», после чего ей оставалось лишь полагаться на собственную интуицию. Из моих объяснений она поняла, что двигаться следует куда-то к концу города, то есть к Суздальскому. Туда она и направилась, запоздало соображая, что даже при наличии в кармане спасительной двушки и нераздолбанных телефонных будок около домов, она все равно не помнит моего номера телефона.

Пройдя первый двор и оказавшись в точно таком же втором, Ирка высунула нос из-за своего невероятного букета и, заприметив мирно курящих в стороне мальчишек, подгребла к ним.

На счастье, она запомнила, что у меня есть младший брат Виталик. Ребята, на счастье оказавшиеся нашими соседями , тут же указали ей путь. И через несколько минут Ирка уже звонила в мою дверь.

Вне и насквозь…

В «Сайгоне» я бывала достаточно часто. Мы договаривались там о квартирных просмотрах каких-нибудь интересных видеофильмов, только что привезенного кем-либо из знакомых или даже незнакомых, кто-то приглашал к себе на лекции и семинары.

Всем актерам, работающим в «До-театре» у Жени Козлова, были розданы толстые тома с различными философскими системами, которые мы должны были прочитать, а затем пересказать своими словами. Не помню, что досталось мне, так как хваталась я за все это новое с жадностью голодного человека; помню лекцию по Фрейду, устроенную Иркой Андреевой.

Точнее, не саму лекцию, а то, как она смущалась, рассказывая, что господин Фрейд говорил, что все мужское похоже на вытянутый предмет, например палка, а женское – на округлое. При этом она никак не хотела объяснить, откуда взялись эти аналогии, хихикая, улыбаясь и то и дело пожимая плечами. А Володя Бойков и Козлов всячески подтрунивали над ней, ожидая катарсиса.

Однажды в «Сайгоне» ко мне за столик присоседился художник, вырезающий силуэты. В тот день, занятая своими мыслями, я не была расположена беседовать с незнакомцами. А тот как назло прицепился к моим прямым волосам и прибалтийскому профилю, называя меня русалкой. За маленький двойной он сделал мне силуэт, утверждая при этом, что вырезает меня из рисунка реальности. Впрочем, потом, должно быть, спохватился и все-таки наклеил белый силуэт на красный картон, из-за чего тот вдруг словно загорелся.

Худой как вобла, с длинными птичьими ногтями и глубоко посаженными глазами – казалось на этого человека можно было смотреть лишь в профиль.

Наверное, он и сам за годы работы с ножницами и тенями сделался схожим со своими бумажными силуэтами.

– Не догадываешься, зачем я вырезал тебя из рисунка реальности? – допив свой кофе, поинтересовался он у меня.

Я не знала.

– И я не знаю, – он патетически вздохнул. – Ты и так как бы вне всего и проходишь насквозь… – он печально вздохнул. – Ну, ладно, – профиль художника прорезал полумесяц улыбки. Отчего-то он избегал смотреть прямо в глаза, – вот вам картина. В следующий раз будут деньги – отдадите. Или еще раз кофе

напоите, вот мы и в расчете.

Он резко кивнул, точно забил лбом гвоздь, и тут же исчез.

Странное дело, но сколько раз после той встречи я ни была в «Сайгоне», сколько ни бродила по Невскому, я ни разу больше не видела этого странного художника. Умер, что ли? А кого мне теперь кофе поить?! [32]

Иуда

Однажды после спектакля ко мне за кулисы прорвался молодой человек, которого я не знала. Что-то спросил о Гротовском, Питере Бруке, Антонене Арто[33]. В общем, еще плохо умеющая отличать своих от чужих, я развесила уши и, непрестанно кивая новому знакомому, отвела его к Козлову. Пущай режиссер сам разбирается.

Человек с полчасика потусовался с Женей, после чего, догнав меня уже на выходе из театра, предложил донести сумки.

Сразу скажу, что он мне не понравился: коротко подстриженный, в очках, с прозрачными глазами рептилии и тонким, похожим на щель для монет ртом. Андрей работал в милиции следователем. С одной стороны, работа как работа, кто-то ворует, кто-то ловит воров. Вскоре Андрей зачастил на наши репетиции, он расспрашивал об актерах и тех, кто к ним приходит. При этом у него была странная манера требовать, чтобы во время разговора ему непременно смотрели в глаза, кроме этого он неизменно просил повторять имена по нескольку раз, пока не запоминал.

Все это было очень неприятно, и после спектаклей я несколько раз была вынуждена просить Володьку Бойкова, чтобы тот говорил Андрею, будто я обязана остаться и помочь с декорациями.

Однажды, во время разговора в садике у «Эльфа» Андрей особенно стал приставать, чтобы я рассказала ему о моих отношениях с сайгоновцами. Ну что-нибудь этакое. Я и сама хотела было рассказать ему какую-то веселую историю.Но осеклась, заметив странный интерес, , после чего произошло нечто странное. Андрей резко развернул меня к себе и стал требовать пояснений, заставляя, смотреть ему в глаза, . Где проходят лекции? У кого на квартире? Адрес? Хозяин? Как найти? Как постучать?

Перепуганная, я быстро поднялась с лавочки и, приметив возле «Эльфа» знакомых музыкантов, пошла к ним, стараясь не оглядываться на неприятного типа.

Взять ту же историю о том, как снимался фильм «Йя-ХХа[34]» (второе название «Камчатка»). Режиссер привел на съемки потрясающе красивую девушку и вместо того, чтобы снимать Кинчева и Цоя, занимался ею. Не просто снимал, а потом еще и заставил зачем-то ее лечь в Иркину постель. Лечь вместе с Фрэнком, как будто они муж и жена.

Сама Ирка в это время курила на кухне.

Странный эпизод. В принципе, ничего не значащий. Но Андрей прицепился к нему как клещ, требуя, чтобы я сообщила имя режиссера.

Сама я человек откровенный и о себе могу болтать все что угодно. Другое дело, что, болтая о себе, я неизменно буду говорить что-то и о своих друзьях. А вот что будет делать с этой информацией следователь?

Как научиться фильтровать, что можно говорить, а что нет, я не понимала, поэтому решила по возможности вообще воздерживаться от общения с этим человеком

Иногда Андрей приносил пиво и угощал всех наших. Впрочем, он ни разу не ходил с нами в «Сайгон», всякий раз отговариваясь неотложными делами. В общем, с Андреем была связана какая-то тайна, причем из разряда таких, которые раскрыть хоть и нужно, но раскрывший неизменно запачкается по самые уши.

Но он был плохим актером и не мог долго скрывать своих истинных намерений. Однажды я встретила Андрея недалеко от ДК «Мир», где мы репетировали. По всему было видно, что он идет из студии. Лицо его перекашивала дикая злоба, тонкие губы шевелились.

– Привет, – я кивнула и хотела пройти мимо, когда Андрей вдруг схватил меня за рукав, да так сильно, что ткань треснула.

– Не ходи сегодня в ваш б…ский «Сайгон», поняла? Вообще туда не ходи! – процедил он сквозь зубы.

– А в чем дело? – я попыталась вырваться, но куда там.

– Ирка, Фрэнк, Наумов… – наркоманская кодла! Сколько ваши спектакли смотрел, сразу видно, кто есть кто. Впрочем, может, и ты?

Он резко отдернул рукав моей блузки, поднес близорукие глаза к запястью, затем, не обращая внимания на мои протесты, проверил второе.

– Не колешься, а с наркоманьем тусуешься. Скоро их всех повяжут. Вот где у меня ваш «Сайгон», – он резко провел ребром ладони по горлу. – Днями и его закроют, и Фрэнка этого вашего… и остальных…

Я вырвалась и побежала в сторону ДК.

– Только вздумай предупредить, сама сядешь! В одной камере будешь с активными лесбиянками сидеть, враз поумнеешь! – бились в спину угрозы.

Разумеется, я тут же всё рассказала Ирке, и она через сарафанное радио передала друзьям.

А «Сайгон» на следующий день действительно закрыли.

То, чего мы не знаем, но с чем каждый день сталкиваемся

Танец – древнейший язык общения с духами и богами. Живопись, музыка – все это универсальные способы общения, передачи чувственной, эмоциональной информации, разработанные древними людьми и утратившие на сегодняшний день свое первоначальное значение.

Володя Бойков любил повторять, что когда-то человек использовал слово как мантру, он мог сказать слово и укрыться им. Вот какая была силища. Теперь же все болтают словами, жестами, музыкальными фразами, рисунками, не задумываясь о подлинном значении, о магии того, что вступает в жизнь вместе с незамысловатым стихотворением или графическим этюдом.

Кирилл Миллер[35] как-то рассказывал о своих опытах в боди-арте: очень часто, во время подготовки модели к перформансу, люди, которых он красил, незамысловато падали в обморок. Причем, не только нежные, впечатлительные девушки, для которых высшая форма эротики – движение мокрой кисти по обнаженному телу; нередко теряли сознание и здоровые мужики.

Почему?

Сам Кирилл говорил о неизвестных мандалах, которые он невольно воспроизводил на человеческом теле, соединяя линией биоактивные точки.

– Я-то рисую, скажем, ветку дерева. У меня есть задача. Я ее решаю. А моя кисточка при этом скользит по ноге модели, поднимаясь все выше и выше, и невольно задействует энергетические центры. Включается древняя магия, постичь которую я не в состоянии, но магия эта сильна и весьма опасна…

Не случайно в исламе запрещено изображать человека, а эзотерические школы остерегают срисовывать след человека, фотографироваться или рисовать портреты, наступать на тень… Все это так или иначе связано с душой, которую можно пленить и поработить одним из вышеперечисленных способов.

Однажды что-то подобное коснулось и меня. Ни с того ни с сего навалилось какое-то странное состояние полной изолированности и закрытости от людей, от природы, от окружающего мира. Я не ощущала холода, голодала тридцать дней и не похудела ни на грамм. Все, что я делала в этот период, жило только во мне или вокруг меня.

Я не могла ни влюбиться, ни подружиться, ни вообще

общаться с кем-либо…

Такое ощущение, будто сверху на меня кто-то поставил стакан, заключив меня под его прозрачную оболочку. Знаете, так бывает: видишь, понимаешь, осознаешь, а достать не можешь. Ну, вообще ничего не можешь.

И денег вроде как, слава богу, хватает, и не нужно ничего, а тоска сердце разъедает, и одиночество, хоть волком вой.

Иногда, резко подняв глаза на небо, я буквально видела над собой стеклянную сферу, из-за которой не могла дышать.

Прошло полгода, и вдруг я натолкнулась на старое объявление о выставке в Манеже, произошедшей недели за две до того, как я попала «под стакан». На этой самой выставке была устроена инсталляция, представлявшая собой алхимическую лабораторию: колбы, банки, разноцветные прозрачные шланги, циркулирующая в замкнутом пространстве вода. И во всех этих колбах – мои портреты.

Кто сотворил сие, узнать не удалось, но доподлинно известно, что стакан, под которым долгие месяцы я себя ощущала, появился аккурат после осенней выставки в Манеже.

Возможно, кто-то скажет, что это простое совпадение. Не знаю. Но знакомая певица после четырехмесячного кровотечения, возникшего после разрыва с мужем, избавилась от убивающей ее болезни, выколов глаза на фотографии бывшего возлюбленного.

С ним, кстати, ничего после этого не случилось, а она получила моральное удовлетворение и резко пошла на поправку.

О том, как можно загнать человека в гроб

С небольшим театриком мы делали перформансы во дворах и парках, на улицах, в музеях, в разных ДК и, естественно, в театрах.

Однажды я должна была играть полуимпровизированный спектакль по «Панночке» Николая Васильевича Гоголя в помещении одного из музеев.

Полуимпровизированный – это когда свои действия знаешь лишь в общих чертах. То есть Гоголя, разумеется, все читали, и не по одному разу, мизансцену приблизительно представляешь. Знаешь, откуда выйдет философ Хома Брут, куда он направится, откуда начнет читать и на какой фразе я могу, как это и приличествует нормальной нечистой силе, выбираться из гроба. А дальше уже полутанец-полубой до финальной точки в фонограмме, когда кричит петух и поверженный философ падает мертвым.

Спектакль начинается сразу же с первой ночи у гроба, причем, вот незадача, согласно режиссерскому решению панночка уже должна была находиться в гробу, где ее находят Хома и зрители, которые вошли в музей, а попали… в общем, попали.

И как раз с этим-то и были сложности, потому что зрителей запускали сразу же после открытия и у меня не было ни единого шанса забраться в гроб незамеченной.

Ну что тут будешь делать?!

Оставалось очевидное я должна была провести ночь в гробу.

Поначалу задача показалась мне не такой уж и страшной. Гроб бутафорский, музей под охраной. Кто меня там тронет? Поэтому, загримировавшись с вечера и, разумеется, не предупредив охрану (они бы мне такого в жизни не позволили), я заняла исходную позицию.

Поначалу все шло более-менее спокойно.

Меня не закрыли крышкой, так что я могла выбраться в любую секунду. Всегда мечтала переночевать в музее. Во сне видела много раз, но в реале это был первый опыт.

Гулко прозвучали в пустых залах шаги охранников, свет мигнул пару раз и заметно убавился, сделавшись желтоватым.

Когда все стихло, я действительно выбралась из гроба и, стараясь не создавать шума, танцевала какое-то время для смотрящих на меня во все глаза африканских масок и псевдоегипетских статуй.

Время шло, отчаянно хотелось чая. У меня с собой была только бутылка воды, но ее следовало экономить до утра.

Я побродила немного по музею, представляя себя то хозяйкой этого призрачного дворца, то пробравшейся внутрь воровкой.

И тут мне стало по-настоящему страшно: ведь если меня обнаружит охрана, меня обвинят именно в попытке воровства. И никакие пусть даже очень смелые и новаторские режиссерские решения тут не помогут.

Обливаясь холодным потом, я заторопилась к своему ставшему уже родным гробу, как вдруг услышала впереди дробящиеся эхом голоса, шаги и хлопанье дверями.

Этого еще не хватало!

Быть может, в музей действительно забрались воры?

Не доходя до площадки, на которой завтра должна была импровизировать, я спряталась за колонну.

Вокруг моего гроба стояли и о чем-то спорили аж три охранника.

Я застыла на месте, пытаясь угадать, что именно их так заинтересовало. Неужели обнаружили бутылку с водой?

Впрочем, скорее следовало плакать по поводу того, чего они там как раз и не обнаружили. То есть меня!

И скорее всего получилось следующее: кто-то запомнил, что гроб должен быть пустым, а кто-то, что в гробу лежало нечто.

С моего места было видно, как обеспокоенные охранники бестолково оглядывали огромную экспозицию. Впрочем, если они искали меня, сиречь бутафорский труп, то здесь его просто некуда было бы засунуть.

«Сейчас вызовут милицию и все», – тряслась я, стоя за массивной колонной.

Однако вскоре все закончилось само по себе. Охранники разошлись, так и не решив, что делать, я же сидела на корточках, ощущая, как холод мраморной колонны проникает в мою спину. По всему телу бегали здоровенные мурашки, ко всему прочему отчаянно хотелось спать, а еще – в туалет.

На музейных часах было полтретьего.

Понимая, что у меня теперь всего два шанса – либо сдаться, либо ложиться в гроб, я никак не могла выбрать наилучший вариант.

С одной стороны, сдавшисьохранникам, я могла надеяться уговорить их не вызывать милицию, а заодно, глядишь, и погреться чайком. Тем не менее, я решила еще какое-то время потрепыхаться и все-таки сыграть свой перформанс.

Я спустилась на цокольный этаж в туалет и, поскольку никого из охранников не было видно, вернулась на свое место.

Тело приятно расслабилось в уютном гробике, спина устала и начинала ныть.

Я попробовала подложить под голову руку – локоть уперся в деревянную стенку, лечь на бок – еще хуже.

В музее сделалось еще холоднее, должно быть, где-то открыто окно или дверь. Но разве можно открывать дверь ночью?

Вдруг мне показалось, что кто-то коснулся моей руки. Я открыла глаза и чуть не закричала от ужаса. Из-за стенки гроба на меня с любопытством глазела серая крыса.

Посмотрела, посмотрела и куда-то сгинула.

Все оставшееся до спектакля время я бодрствовала, слушая, как мой гроб подгрызают снизу, и ожидая, что проклятая тварь вот-вот прожрет доску подо мной и тогда я провалюсь в обоих смыслах этого слова.

Но ничего такого не произошло и утром. К стыду своему, я была разбужена не крысой и даже не обнаружившей меня охраной, а не на шутку перепуганным моим упорным нежеланием восставать из гроба философом Хомой Брутом, Оттарабанив свой текст и так и не дождавшись моей реакции, тот был вынужден приблизиться к гробу, где и узрел созданный гением нашего визажиста покойницкий грим. И не нашел ничего лучшего, как трясти меня, требуя, чтобы я немедленно открыла глаза и поговорила с ним.

Николай Васильевич Гоголь, наверное, порадовался бы на новый и столь удачный финал своего произведения. Хома Брут воскресил-таки нечаянно убиенную им панночку, благодаря чему и сам счастливо избежал заслуженной кары!

Особенности восприятия

Я уже писала об особенности восприятия людей творческих, когда рассказывала о том, как сломавшая себе на перформансе ногу танцовщица решала, как можно теперь использовать невольное приобретение – длинный, во всю ногу, белый гипс.

Однажды разболелся зуб, я была вынуждена спешно обращаться в поликлинику, и – – о ужас! – меня тут же отправили на операцию. Киста – гадость еще та. Но я вовремя взяла себя в руки. Операция при местном наркозе – это ведь такой жизненный опыт! Опыт, который может как-то помочь в дальнейшем, вдруг придется описывать это в каком-нибудь рассказе.

Да уж, «опыт, сын ошибок трудных». Ошибкой было уже мое отношение к таинствам производимой операции. Но все ли тайны следует раскрывать? Ой, не все!!!

Сделав необходимые уколы, меня посадили в стоматологическое кресло в операционной, накрыли сверху белоснежной простыней, а другую поменьше положили на лицо.

– Это еще зачем?! – я тряхнула головой, так что простынка съехала на лоб. – Хочу видеть, что будет происходить. Мне надо.

Ой, лучше бы я этого не говорила!

Первое, что я увидела и вида чего мне хватило на всю оставшуюся жизнь, была круглая, противно визжащая костная пила: трудясь над моей десной, она издавала мерзкие визжащие звуки, голова при этом тряслась так, что медсестре пришлось ее держать.

Не знаю как, но я умудрилась как-то спрятать глаза под спасительную тряпочку, зажмурившись и слушая адский вой распиливающей меня хреновины.

На лицо брызнуло горячим. Я затарабанила про себя молитву Богородице, уже не ожидая, что выберусь живой.

Потом, когда уже были наложены швы, сердобольные медсестры, прикрыв мне глаза руками, вытерли мою окровавленную моську, сменили загаженные кровью и гноем простыни на чистые и только после этого разрешили мне открыть глаза.

Да, «не все йогурты одинаково полезны», не во всякий жизненный опыт следовало вникать.

После злополучной операции я с месяц могла читать только об инквизиции, продолжая внутренне содрогаться от засевшего в сознании звука пилы. Работала над историческим романом «Палач, сын палача».

Впрочем, далеко не у всех тяжелые моменты жизни вызывают

столь же тягостные ассоциации. Например, отличный писатель и мой друг Сергей Арно[36], работавший то могильщиком на Богословском кладбище, то старшим санитаром в психиатрической больнице на Пряжке, имеет настолько необычное восприятие, что порой диву даешься, как это у него получается. Как можно находить смешное в похоронах, вскрытии или сценах убийства? А меж тем читаешь «Квадрат для покойников» или «Живодерню» и в отдельных местах просто животик надрываешь от смеха.

Например, сцена с расчлененными трупами, которые приходится собирать, точно какой-то странный конструктор: эта ножка к этой тушке, эта ручка к той. Ой, почему у одного жмура сразу две левые руки, а у этого вместо рук две пары ног…

Должно быть страшно – а тут смешно. И ничего с этим не поделать.

– Расскажи что-нибудь интересное для моей книги, – обращаюсь я к Сергею.

– Что я могу рассказать? – пытается он уйти от ответа.

– Ну, смешное что-нибудь.

– Смешное? – Сергей задумывается, чешет бороду. – Да что тут смешного? Хоронили писателя Валерия Сурова… – начинает он, так что я чуть не роняю от неожиданности диктофон. Впрочем, что называется, сама напросилась. А рассказ вот он, я в нем ни слова не изменила. Страшно, больно и смешно одновременно…

Рассказ Сергея Арно

Хоронили писателя Валерия Сурова на Волковском кладбище. Литераторы и родственники собрались в местной церкви, гроб посреди церкви – все торжественно. Печальные коллеги по цеху кладут в гроб цветочки, скорбят, вздыхают. Мне жена шепотом на ухо говорит:

– А это вроде не Суров.

– Да как же? – говорю. – Должен быть Суров: писатели-то все здесь.

Поближе к гробу протискиваюсь, и точно, лежит какой-то мужик, совсем незнакомый, но все к нему относятся без подозрений как к Сурову, и вдова. А все равно не верится, что он, – не похож. Потом догадались, в чем дело. Какая-то сволочь, пользуясь его беспомощностью, сбрила Сурову усы. Он всю жизнь носил усы черные, густые, а им там в морге все пофиг – они всех под одну гребенку.

Поэтому я жене настрого завещал проследить, чтобы в морге, когда время придет, мне бороду не сбрили (пускай хоть там ночует), а то никто не поверит, что Арно похоронили.

Отпели, крышкой гроб накрыли, но сомнения в подлинности покойника все равно терзали, и не нас одних, похоже. Выносим к месту последнего пристанища. Торжественно. Впереди священник с кадилом молитву творит, за ним мы, писатели, гроб тащим: Владимир Рекшан, Сергей Федоров, Илья Бояшов и я. Тяжелый гроб, как будто в нем двое. Сзади скорбная процессия из писателей с цветами и венками, вздыхают…

Далеко идти. Минут уже двадцать по кладбищу шествуем, священник впереди оглядывается с подозрением, в народе шумок прошел, а у нас в гробу, судя по весу уже даже не двое, а трое почти.

– А где могила-то, идти куда? – спрашивает священник, оборачиваясь.

Все только плечами пожимают. Мало того, что неизвестно кого несем, так еще и неизвестно куда.

Посылали вперед гонцов могилу искать, так они не возвращались, пропадали куда-то. Настроение у писателей уже не скорбно-торжественное, а какое-то встревоженное.

– А где распорядитель похорон? – спрашивает Володя Рекшан.

Все плечами пожимают, ну откуда ж ему взяться – распорядителю. Писатели предлагали далеко не ходить, передохнуть да закусить, пока могила не сыщется.

Нашли могилу чудом каким-то. Оказывается, ходили вокруг нее, а двое могильщиков с лопатами следили за нами и понять не могли, чего мы все покойника кругами носим, может, ритуал такой языческий.

Веселый все-таки был человек – писатель Валерий Суров.

О моем патологоанатоме

Когда умру, не хочу, чтобы меня вскрывали.

Не то чтобы я после смерти вдруг начну стыдиться своего развороченного нутра. Ни боже мой! Но как представлю себе, что какой-то уставший от самой жизни, не проспавшийся после вчерашних возлияний хмырь начнет с унылой мордой копаться в моих потрохах…

Скучное, безынтересное лицо моего патологоанатома… Вот чего мне не хотелось бы после моей смерти.

Другое дело, если он бы копался во мне с интересом, если бы в нем ощущались пламя озарения, буря восторга или просто живой человеческий или маньячный интерес.

Такое дело, как смерть, лучше подгадать на мусульманские страны или Израиль, где запрещено делать вскрытие.

О контрактниках

Николай был старше меня года на три и заканчивал училище, когда я в него поступала, так что мы практически не общались, просто как-то увидела и запомнила. А почему запомнила? На самом деле во внешности Кольки не было ничего сколько-нибудь примечательного, просто не всех тогда забирали служить в Афганистан. А Николай сам просился. Странный человек.

Тогда говорили, что будут брать только темненьких, мол, чтобы ежели что, могли смешаться с местным населением. Причем лучше, чтобы не очень большого роста. А он – Николай – даром что сам под метр девяносто, плечи такие, словно под джемпером латы рыцарские надеты, да еще и яркий блондин с голубыми прозрачными глазами. Ну просто лучше мишени не найти.

Впрочем, почему странный, это же нормально, что мальчишки играют в войнушку, а девчонки в кукол, подиумы и театры. Представляют себя великими актрисами, знаменитыми фотомоделями, путешественницами и женами миллиардеров.

А Николай, он еще с самого детства мечтал жениться на девушке с обложки модного журнала. Так и получилось, то есть почти что получилось, они с Наташей не были женаты, только помолвлены. Наташа – красивая украинка с черной длинной косой в руку толщиной, высокая, с пышной грудью и глазами с поволокой, выучилась на модель и время от времени участвовала в различных фотосессиях. Впрочем, все мы, кто имел какое-то отношение к театру, время от времени снимались для выставок, рекламы да и просто так.

Отношения с камерой – штука тонкая, тут нужны определенный навык и привычка, чтобы не испугаться и не начать играть лицом. А то все пойдет насмарку, и больше могут не пригласить.

Николай вернулся долечивать ранение, а после снова укатил, но уже по контракту. Они не расписались только потому, что Колька отчего-то вбил себе в голову: если они поженятся, Наташка непременно останется вдовой.

Хотя ревновал бешено. Просто африканские страсти. Наши даже опасались, как с ним жить потом, ведь если мужик начал подозревать, он же эти свои подозрения непременно должен будет проверять, и может открыться та-акое… Наташка никогда не отличалась высокой нравственностью, а Николай хорошей выдержкой и умением тормозить.

В общем, никто не считал их слишком удачной парой,

поэтому мы начали Наташку уговаривать к приезду любимого завязывать с фотосъемками. И уж тем более с заграничными турне. Впрочем, она и сама хотела завести семью, а тут уже не побегаешь по студиям, не поездишь по заграницам. Деньги у нее были, где жить – тоже.

Решила отработать последнюю недельку, чтобы на студии успели отснять все, что было заранее запланировано, а затем на все лето поехать к родителям в Крым. Никаких новых контрактов не заключала принципиально. Сразу же всем сказала, что должна отдохнуть и набраться сил, загореть под нормальным солнышком, а не в соляриях, где цвет получается ненатуральный.

Разумеется, о том, что она собралась свалить из бизнеса, говорить не следовало, уж слишком Наташка была красива, чтобы ее вот так запросто отпустили на все четыре стороны, явно ведь заперли бы в каком-нибудь подвале и заставили отрабатывать вложенные деньги.

Вообще-то считается, что из модельного бизнеса девушек просто так не отпускают, но если по уму, если не пороть горячку, а действовать разумно, выбраться можно. Ведь желающих подсидеть тебя всегда будет с избытком, и вчерашняя мисс Петербург или мисс Россия завтра может пополнеть, травмироваться или даже постареть и тут же выйдет в тираж. Беременность в расчет не идет, потому что большинство контрактов заводить детей запрещают и тут будет явное нарушение. В общем, что греха таить, умный человек завсегда для себя может самый удобный вариант отмазки найти, так что не придерешься. Наташка же рассчитывала, что, если уедет на несколько месяцев, здесь о ней быстро забудут и можно будет начать новую жизнь.

В свою последнюю неделю в Питере Наташка и работала, и отдыхала, и даже сотворила что-то типа отвальной.

И тут неожиданно пришло письмо от Николая, в котором он сообщал, что опять валяется в госпитале и теперь уже выхаживать его придется долго. Подробностей не сообщалось, но Наташка испугалась не на шутку. Все ее деньги были вложены в покупку недвижимости, ведь всем ясно, сколько мужики на войне зарабатывают – шубу жене не купить, не то что… а тут еще и после ранения, ясное дело, работать не будет. А ведь и кормить, и лечить его на что-то нужно.

Что делать? Новый контракт, новая поездка отпадают сами собой. Кто же будет за мужиком ходить, пока она за рубежом у шеста крутится или для журнала снимается?

Мы лихорадочно пытались предложить Наташке хоть что-то. Но что мы могли, она была на порядок впереди нас всех?

Ничего никому не говоря, Наташа подписала контракт на эротическую съемку в какой-то заштатной студии, с которой рассчитывала срубить больше, чем обычно. Студия была левая, но мы тогда об этом понятия не имели.

Наташка отработала все пять дней, наши видели ее пьяной, в компании каких-то малоприятных горцев с золотыми зубами, которые возили нашу красавицу в роскошной машине и покупали ей подарки.

Понимая, что у Наташки уже билет в Крым в кармане, мы догадывались, что она запланировала кидалово. Что сейчас она получит деньги за работу, возьмет еще сколько сможет с этих южных гостей,а затем рванет домой к маме и Николаю. Но вышло все иначе. Плохо все вышло.

В назначенный день Наташка никуда не уехала. Мы напрасно прождали ее на вокзале.

Ее телефон молчал, и никто не мог даже предположить, куда она пропала.

Через месяц явился Николай, который включился в поиски. Почему-то до последнего мы надеялись, что подруга находится на даче у кого-нибудь из ее нанимателей, что по пьяни она раскрыла свои планы и теперь ее держат где-нибудь за городом, но когда-нибудь непременно…

Наташу нашли через полтора месяца в лесу, где-то возле шоссе в Финляндию, нашли случайно, заваленную ветками ели. Ее красивое лицо было изуродовано до неузнаваемости, так что опознать бывшую модель можно было только по черной, в руку толщиной косе.

Николай потом долго искал ее убийц, даже своих боевых друзей в Питер выписал, но все безрезультатно. Под горячую руку попали даже наши девушки, от которых он пытался получить единственный интересующий его ответ: «Кто и за что?» Но что ему могли ответить…

Мы с девчонками решили не говорить ему о том, что Наташка пыталась найти денег для него. Подобный поворот, пожалуй, убил бы парня. Но если бы мы не говорили ему ничего или вообще сослались на то, что, мол, сами ничего не знали, пожалуй, он поубивал бы и нас.

Сошлись на том, что предъявили ему Наташкин контракт на работу в студии. Подписала – значит, должна была ехать куда скажут. А уж что там …

– Ты сам контрактник, мог бы ты отказаться идти в бой? – спросила работающая менеджером по рекламе Тамара. – Мог бы, если бы четко знал, что тебя там могут убить?

Николай замотал головой. На войне могут убить в любой момент. Вопрос был нелепым.

– Но здесь не война, это другое…

– Зато здесь тоже убивают.

Какое-то время я не видела и ничего не слышала о Николае. Вроде как его пригрела у себя Тамарка. Года два после смерти Наташки он еще рвался куда-нибудь в горячие точки, но его не брали. А потом вроде как ничего, успокоился, все-таки девушка с обложки журнала – это хорошо, а теплая, хозяйственная жена под боком – гораздо лучше.

Питер – пиитов град

Питер – пиитов град. Рифмопад в сияющую своими белостишьями призрачную ночь. Петербургскую ночь с ее обнаженными и полуобнаженными богинями в Летнем саду, с ее ступенями на спусках к воде, словно приглашающими продолжить свое знакомство с городом по его водным магистралям. По рекам с отражением все того же Питера.

Поэтического города, энергетического центра земли, места силы пиитов.

Здесь они кормятся от сосцов Большой Медведицы, крестятся то Южным, то Северным крестами, шепчут, ругаются, ворожат. Поэты заполняют этот город сверху донизу, шелестят страницами, скрипят перьями, щелкают на клавиатурах компьютеров.

Поэты любят этот город, и город любит своих поэтов. Не материнской всепобеждающей, всепрощающей любовью и нежностью, а так, как может любить ревнивый закомплексованный невротик, желающий, чтобы предмет его воздыханий – поэт – принадлежал единственно ему. Чтобы сопереживал, вникал и поклонялся этому извергу – городу, построенному вопреки логике и здравому смыслу, но основываясь исключительно лишь на поэтических видениях, мистических откровениях, на снах, бреде. Да по причине, чтобы было красиво…

Это Блок его заколдовал белыми ночами, это Достоевский припечатал непонятными страхами, клаустрофобией доходных домов, сквозными ранами переулков. Это Гоголь наложил на него заклятье любви и восторга, а Геннадий Алексеев показал лазейки, сквозь которые можно вдруг скользнуть в прошлое, где ждет тебя любовь единственная. Питер – пиитов град, со всеми своими статуями, песнями и спешащими куда-то прототипами будущих, еще не воплощенных, не сотворенных в этом мире героев.

Питер – болезнь моя, мечта, надежда и отрада.

Легенда о Бродском

Иосиф Бродский всегда хотел вернуться в Ленинград, об этом многие говорят и говорили. И вот родилась легенда, что Иосиф Бродский и Михаил Барышников в один прекрасный день вдруг возьмут и приедут в Ленинград (именно в Ленинград, а не Санкт-Петербург). Приплывут инкогнито на пароме из Финляндии и пробудут здесь целый день. Будут гулять по улицам города, обмениваясь впечатлениями, пить кофе в Доме актера. А люди будут смотреть на них и говорить: «Вот как похож на Бродского, а этот на Барышникова…».

А они будут просто присутствовать, просто смотреть, просто находиться в Ленинграде – Санкт-Петербурге, родном Питере. Пробудут целый день, а потом опять сядут на паром и уплывут…

Эту легенду я услышала от Николая Якимчука.

А на следующий день праздновался День рождения города и устраивался праздник мороженого.

На улицах царил карнавал, были расставлены передвижные сцены, на которых целый день шли представления.

Подумалось, что если бы вдруг в этом городе среди толпы мелькнуло знакомое лицо… показался бы, сверкнул рыжий факел. И тут же исчез, будто и не было…

А может, Бродский действительно наведывался в Питер? Может, время от времени по улицам его среди обычных людей движутся ангелы… люди, влюбленные в этот город и не представляющие себе ни жизни, ни смерти вне его вымышленных пределов?

Очень возможно…

Не делай добра, не получишь…

Ирка родила лет в сорок, если не старше, раньше как-то не получалось, а тут перестройка, пустые прилавки в магазинах и главное – никакой работы, никаких перспектив.

Закрывались заводы и фабрики, а людей, сильных, умных, нормальных людей, выбрасывали на улицу. После сорока найти работу было проблематично. В ту пору многие отцы семейств кончали с собой из-за того, что, имея руки и ноги, не могли устроиться работать даже грузчиками.

Ирка же страдала жуткими болями. Швы после кесарева сечения срастались плохо, она почти не вставала с постели, а денег на обезболивающее не было, впрочем, равно как и денег на все остальное.

Однажды, уже к ночи, Ирка позвонила мне и попросила принести какие-нибудь травки, что-нибудь успокоительное, чтобы не так болело.

Они с мужем жили буквально через двор, ехать никуда было не нужно. Побросав травки в рюкзак, я выскочила из квартиры и побежала по лестнице. Пробегая мимо третьего этажа, я заметила на площадке человека в спортивной куртке. Человек стоял и смотрел в окно на улицу. Решив, что это кто-то из соседей или их гостей, я пролетела мимо незнакомца, когда тот вдруг резко повернулся, схватил меня за шиворот и со всего размаху прижал к стене, придавив сзади.

В горло кольнуло острым.

– Деньги, быстро! – скомандовал он. Нож отплясывал на моем горле что-то зажигательное. Человек жутко нервничал.

– У меня нет денег, я на минуту к подружке выскочила, – попыталась лопотать я, – можете посмотреть.

Рюкзак рванулся в сторону, больно дернулось плечо. Я стояла, стараясь не делать резких движений. Передо мной был не бандит, точнее, не обычный вор. Все значительно хуже. Когда вор понимает, что ничего не сможет получить, он просто убегает прочь. Этот же явно не был профессионалом. Вообще, он мог быть кем угодно: соседом, которого я не знала в лицо, но который теперь имел причину опасаться, что я опознаю и выдам его, просто человеком в тяжелой ситуации, который теперь лучше убьет, нежели позволит еще больше ухудшить свое положение.

Высыпав содержимое рюкзака и выругавшись, мужик отпихнул меня в сторону и наконец ретировался.

С трудом унимая дрожь в руках, я кое-как собрала рассыпанные по днищу рюкзака травы и побрела к Ирке; бандиты

бандитами, а ей нужна моя помощь.

Ирка открыла дверь, сгибаясь в три погибели, и тут же завалилась обратно в постель. Я отправилась на кухню и быстро сварила отвар из полыни с корнем валерианы. Мы болтали обо всем на свете, веселясь и вспоминая смешные истории, свидетелями которых мы с ней когда-то были.

Неожиданно я услышала, как в замке проворачивается ключ, и вопросительно посмотрела на Иру.

– Это Алексей. Ходил к друзьям попросить денег в долг. Сам-то уже давно не работает. А я пилю его за то, что не может купить мне даже анальгин, хотя какой толк в этом анальгине, только желудок портить. Бедный он, совсем я его довела.

Открылась дверь, и я чуть не закричала, увидав на пороге моего сегодняшнего грабителя.

Не знаю, что подумала по поводу нашей немой сцены Ирка…

…Потом я ей говорила, что Алексей ужасно похож на одного моего знакомого продюсера, что не ожидала, что он так быстро войдет в комнату, что нервы у меня никуда…

Он поставил чайник, и мы пили все вместе чай с пустой булкой и без сахара.

А когда я собралась уходить, Ирка вдруг потребовала, чтобы Алексей непременно проводил меня до моего подъезда.

– Не надо, не надо! Что там, через двор пробежать. Отдыхайте, – заторопилась я, пятясь к спасительной двери.

– Да ты что?! Знаешь, как сейчас опасно! – не отставала она.

Ирка вообще хороший человек, а тут ей еще и хотелось сделать мне приятное, чувствуя себя в долгу.

– Алеша сейчас тебя проводит до подъезда, и все тут.

Мы вышли вместе. Когда закрылась дверь в квартиру, я почувствовала себя в западне. Ноги подкосились, я только и успела, что схватиться рукой за лестничные перила.

– Ну что ты, пойдем, – услышала я низкий и, как мне тогда показалось, какой-то загробный голос Алексея. Невольно глянула в лестничный провал – внизу был подвал, оттуда несло крысами.

«Вот там он меня и закопает», – пронеслось в мозгу.

Я сделала шаг, ноги стали ватными, вообще без костей, так что я чуть не села на грязную ступеньку, хватаясь за руку моего «убийцы» и буквально повисая на ней.

Таким макаром мы спустились вниз, вышли на улицу.

Ах, какая замечательная была погода, чуть розовое вечернее небо, шорох осенней листвы под ногами, начало сумерек.

Мы бесконечно долго шли через наш двор, Алексей молча открыл передо мной дверь в мой подъезд и, вызвав лифт, буквально загрузил меня внутрь кабинки, где я совсем раскисла

от страха.

Обнимая его за руку, чтобы не упасть, я невольно прощупывала ближайший карман. Ножа вроде не ощущалось, хотя он мог быть в другом кармане, в кармане пиджака, например, и это было особенно страшным.

Доставив меня до квартиры, он извинился и поспешно ушел. А я стояла еще какое-то время, слушая его шаги на лестнице и ожидая, что он вот-вот вернется.

Позже я узнала от Ирки, что Алексей был ведущим программистом в одном исследовательском институте. Как только подвалила вакансия в американскую фирму, мы тотчас же пристроили его туда.

Американцы такого специалиста были готовы с руками и ногами оторвать, поэтому вскоре они всей семьей уехали на в США навсегда. О том, что я как-то участвовала в деле трудоустройства неудавшегося бандита, я попросила не говорить.

А через несколько лет использовала этот эпизод в романе «Мертвым не понять» – не пропадать же.

О писательской фантазии

Работая над этой книгой, я то и дело приставала к знакомым с различными вопросами: «Что происходило в издательствах в самом начале перестройки?», «Как проходили конвенты при совке?», «С какими редакторами удалось поработать?». Никто не всесущ, никто не может одновременно находиться сразу же в нескольких местах. Я вот репетировала с утра до ночи, а ночью сидела за пишущей машинкой, не видя ничего вокруг.

Откуда материал-то брать?

А ведь жизнь бурлила, каждый день происходило что-то новенькое, интересное, замечательное.

– Был у тебя какой-нибудь интересный случай с редакторами? – цепляюсь я к Виктору Беньковскому, расположившись на табуретке у него на кухне.

– У Мурра спроси, – Витя протирает очки, чуть наклоняется вперед, словно хочет шепнуть что-то на ухо. – У Мурра была дивная история с Титом. Спроси, он непременно расскажет.

Мурр – Олег Кулаков – друг Беньковского. И мой друг тоже. Как раз на выходных обещался зайти ко мне, дабы сразиться с вредным червем, проникшим под броню моего железного друга и теперь блокирующим работы полезных программ. Отлично, что Беньковский вспомнил.

– А о чем спрашивать-то, расскажи хотя бы в общих чертах.

– Значит, так, – Витька вольготно откидывается назад, облокачиваясь на спинку стула, отчего его пивное брюшко чуть вздергивается вверх, точно проснулось и тоже готово слушать увлекательный рассказ.

– Было это так. В старом «Северо-Западе» под началом Гены Белова работал редактором Кирилл Титов (Тит). Так вот, настало в издательстве время, когда совсем не было денег. А Мурр писал какой-то заказанный роман, сидел с ним денно и нощно, сдал вовремя, и ему, разумеется, не заплатили. Ну, не было денег ни копейки, и взять неоткуда, – Витька затягивается сигареткой. – Олег звонит в издательство, а ему: денег нет. День звонил, два звонил, неделю, месяц… В доме реально продукты закончились. Довели, в общем, мужика. Начал он орать по телефону на Тита, мол, жрать уже нечего!

Хорошо, сказал Тит, взял свое пневматическое ружье и пошел на утиную охоту. Поохотился, раздобыл несколько уток и заявился прямо в болотниках, с ружьецом и трофеями к голодному писателю. «Вот, – говорит. – Ешь».

– Замечательная история, – аплодирую я, – обязательно у Мурра спрошу, что да как. Заодно и разрешение получу историю в книжку вставить.

Подходят выходные, приезжает Олег. Я тут же диктофон ему в зубы.

– Рассказывай, – говорю, – об утках.

– Утки как утки, – пожимает плечами Мурр.

– А история? – не отстаю я.

– История как история. Чего ты, собственно, хочешь?

– Ну, Беньковский рассказал… – пересказываю Витькин рассказец.

– Утки были, – не отрицает Олег. – Съели мы этих уток, но все остальное… А дело было так: работал я на «Северо-Запад», денег не платили, я поговорил по телефону с одним редактором, с другим, а потом к Аньке Кучанской, жене Тита, поехал. Тит на охоте. Сидим, дожидаемся. Денег-то реально не было, и дома жрать нечего. О чем я в издательстве и заявил.

Является Тит, за спиной пневматическое ружье, в руках кряква и селезень.

– Вот, – говорит, – сейчас как раз и пожрем.

Пожарили мы этих уток и съели. И никто мне гонораров утками не платил.

– М-да… – разочарованно выключаю диктофон я. – У Беньковского интереснее выходило. Кому же понравится читать о том, как редактор с автором уток ели… Кабы вы подрались хотя бы, морды друг другу набили, а так…

На некоторое время Олег склоняется над лежащим на боку с уже снятой боковой панелью системным блоком, я выжидаючи наблюдаю за ним. Может, еще вспомнит что-нибудь интересненькое, может, все-таки брал плату дичью, только сказать стесняется… Может…

Неожиданно Мурр разгибается, выразительно смотрит на меня.

– Ты права, у Беньковского действительно интереснее получилось. Напиши, что брал я утками за романы, кто теперь проверять-то будет?!

– И все-таки я ел тех уток! – возмутился Беньковский, когда я заявилась к нему в очередной раз. – И Хаецкая ела, она подтвердит, а Мурр их у себя дома сам ощипывал и потрошил. И нас в гости на уток зазвал. Дивные были утки и весьма вкусные. А Мурр тогда всю эту историю и поведал. Что же, по-твоему, я сам ее выдумал?!

Вот и разберись теперь с этими писателями, кто что придумал. А история действительно замечательная.

Ложка меда

Мне двадцать четыре, ему сорок четыре – это же по всем меркам в два раза интереснее! Художник, скрипач, шизофреник! В общем – повезло!

Ночью не спит, потому что художники и музыканты ночью не спят. Днем его носит по Пушкинской, буквально с утреца, когда первые непризнанные гении сего чудного места, помятые алконавты, только-только начинают выползать на промысел, трясут своих и чужих на опохмелку, потом – в более дальние мастерские знакомых художников. Репетиции, выставки, съемка программы для Германии.

Время у него ускоренное, за час успевает больше, чем иной за день, так что и мне пришлось невольно подтянуться к невероятному ритму, каждый вечер проверки, сколько успела создать. Танец, стихи… пока я танцую, он подыгрывает мне на альте или записывает на камеру и потом накладывает звук. Пока читаю, рисует.

В общем, шум, гам и – в буквальном смысле слова – ни дня без строчки…

Зашла как-то к подруге Шурке, а у нее горе. С любимым не заладилось, а у меня, как назло, все на подъеме, да еще на каком подъеме! У нее депрессия, сценарий не идет, пилотный выпуск передачи никак запустить не могут (она на телевидении работала). У меня с работой все более-менее, тихо и мирно выдаю по журнальному развороту в день, живу как-то.

В общем, наверное, было бы лучше, если бы к Шурке я в тот день не заходила. Все как-то изначально не шло – где у нее минус, у меня плюс. Да я тут еще и настроение ей поднять решила, хотела ее к нам в журнал порекомендовать. Там хотя бы реальные деньги, не то что у нее на телевидении – одни обещания.

Шурка вытерла стол, поставила китайские чашки с веерами, которые мне всегда очень нравились. На сладкое мед в крохотных розеточках. С ним она отчего-то долго возилась на кухне, я даже хотела было помочь ей, вышла следом на кухню, а тапки гостевые у Шурочки мягонькие, приятные, шагов в них не слышно.

Вышла на кухню, гляжу и поверить глазам не могу – подружка моя что-то в ступке трет, злобно так приговаривая себе под нос: мол, любимый у нее, работа у нее, деньги у нее! Жри, так тебе и надо!!!

Потом платочек на столе разложила и на него ссыпала из

ступки битое стекло. Секунду подержала в руке, о чем-то думая, а потом чуток подсыпала в одну из розеточек.

Я тихо вернулась в комнату, села на прежнее место у стола, сделала вид, будто бы увлечена ее сценарием.

Шурка тем временем поставила на стол розетки, разлила по чашкам пахучий чай.

– Пей, – говорит, – сахара нет, варенья тоже, будем мед есть кубанский. Мне сестра прислала.

А сама глаза отводит.

Ну, что тут было делать, не скажешь ведь, что все видела. Получится, что я за ней подглядывала, что не доверяю.

Спросить напрямик? Не лучше, а может быть, даже и хуже. Человека обижу.

Взяла ложку в правую, розетку с медом в левую. Смотря на Шурочку, поднесла ложку ко рту. Лизнула. Положила на язык, начала медленно рассасывать.

Шурка болтала о чем-то отвлеченном, то и дело вспоминая своего бывшего и смахивая слезу.

Осколков в меду оказалось много, первый даже слишком большой, остальные – так, мелкое крошево.

Я растапливала мед на языке и аккуратно сплевывала осколки в ложечку, думая, что Шурка должна обязательно понять, что то, что она задумала, плохо. Она должна была понять это и попытаться остановить меня. Сделать что-то, чтобы спасти меня и нашу дружбу.

Шло время, Шурочка болтала о пустяках, с интересом поглядывая на меня.

Никогда прежде я не ела так долго. К концу трапезы мед из сладкого сделался противно соленым.

А я все надеялась, что Шурочка остановит меня, вышибет ударом ложку, сбросит на пол чашки и розетки. Сделает хотя бы шаг для того, чтобы отвести беду.

Мы нежно попрощались, обнявшись напоследок. Язык был весь изранен и слегка даже опух, во рту стоял непривычный вкус крови и меда.

На следующий день она позвонила, спросив, как я.

Я сказала, что у меня все хорошо.

На том мы и расстались.

Медицинский совет

Не токмо корысти ради, а еще и из-за спортивного азарта время от времени пописывала, да и что греха таить, пописываю книжки по медицине. Народные рецепты из серии советы побывавшего в неисчислимом количестве заварушек кота, который вышел из них с честью и чудом уцелевшим хвостом и теперь делится приобретенным опытом: как грамотно, продуктивно и, главное, недорого зализать раны.

Вот история одного рецепта.

Однажды ночью я отправилась опробовать дороги с байкерами, а заодно и приобщиться к прекрасному, рок-концерт на открытом воздухе послушать.

Правда, на этот раз я опростоволосилась и надела вместо джинсов коротенькую юбчонку, за что и поплатилась – обожгла ногу о выхлопную трубу.

Причем обожгла сильно и весьма болезненно. Так что, когда мы добрались до места, встав метрах в ста от поляны, где должен был происходить рок-концерт, ради которого я, дура, так и вырядилась, я уже не то что не могла созерцать красоты природы или общаться с народом, а готова была выть в голос, настроение – впору на цепь сажать, не то всех покусаю.

Да тут еще и мои спутники, вместо того, чтобы как-то помочь мне, первым делом рванули за пивом в ближайший магазинчик.

Я молча страдала, карауля их мотоциклы. Или не совсем молча, то есть не выла, конечно, – очень нужно до такого дешевого драматизма опускаться. Скорее, на моем лице было написано нечто, направившее ко мне интеллигентного вида бомжа. Заметив ожог, тот сочувственно покачал головой и попросил выделить ему десять рублей.

– За сочувствие? – зло съязвила я и, сунув руку в сумочку, извлекла из нее две десятки. – На, и больше не подходи. Понял?

– Зачем же двадцать, хватит и десяти, – заволновался бомжик, возвращая мне вторую десятку, – вы только, милая барышня, далеко не уходите, ладно. А я сейчас.

Я хотела было уточнить, что деньги он получил исключительно за исчезновение, но его и след простыл.

Бомж появился через несколько минут и торжественно вручил мне тюбик с зубной пастой и сдачу.

– Ментол остудит ваш ожог и уменьшит боль, – пояснил он, а когда я не поверила, грациозно опустился на одно колено и сам помазал мою ногу, стараясь при этом действовать как можно ловчее.

Боль отступила почти мгновенно. Я смотрела на все еще коленопреклоненного рыцаря совершенно другими глазами. Он был, без сомнения, прекрасен: длинные седые волосы, благородный профиль, высокий лоб…

Вернувшиеся из магазина байкеры вдруг показались мне неприятными. С трудом сдерживая чувства, я попросила поделиться с моим спасителем пивом, после чего он полночи читал мне Есенина, а музыка…

Странно, я отчетливо помню, как завывала гитара и гремели ударные, но отчего-то до сих пор мне кажется, что в ту ночь я слышала лютню и клавесин…

Мы, Юлия I и господа офицеры

Было это в те времена, когда мужчины бывшего совка впервые в жизни увидели обнаженное женское тело. Удивились, испугались и, естественно, обрадовались.

То есть, разумеется, на сцене впервые увидели. Сразу и много.

В то время народ был искренний, но глупый и доставлял массу хлопот устроителям стрип– и топлесс-шоу. Потому как, едва увидав на сцене у шеста обнаженную плоть, человек мужского пола сразу же либо застывал, скованный внезапным страхом, точно ребенок, впервые застигнутый взрослыми за подглядыванием в замочную скважину, либо кидался в сторону сцены, пытаясь, пока не подоспеет охрана, облапить беззащитную перед его напором диву, или, если повезет, еще и выговорить у нее номер телефона. Последнее, учитывая скорость реакции охранников, было делом практически безнадежным.

Забавное было время, ничего не скажешь. Научные центры, институты, фабрики и заводы закрывались, и выброшенные на улицу люди бродили по городу с видом отбившихся от стада коров.

Тогда очень сложно было трудоустриться после сорока лет, и сильные, здоровые мужчины, оказавшись вдруг не у дел, должны были либо соглашаться на любую, пусть даже самую тяжелую и непрестижную работу, либо кончали жизнь самоубийством.

А бывшие военные-контрактники, прошедшие не одну войну, не могли докумекать, отчего они вдруг сделались никому не нужны.

В охрану при клубах, например, брали внушительного вида и, как правило, весьма неповоротливых и крайне тупых «шкафов». Из тех, кто умел наводить ужас одним видом.

Правда, один раз мне посчастливилось работать в клубе, куда начальник, сам из бывших воинов-афганцев, набрал в охрану своих боевых друзей.

Впрочем, обо всем по порядку.

Шоу, которое мы сделали вдвоем с Алексеем, называлось «Ностальгия». Да и сами мы звались – дуэт «Ностальгия», так что не проблема запомнить.

Программа предполагала около десяти номеров, по четыре сольника и два парных номера. Совсем неплохо для провинциального клуба с дискотекой.

Вот дискотека нам сразу же и не понравилась. Точнее,

дискотека как дискотека. Дело обычное, я и сама не дура потанцевать, но тут ситуация складывалась специфическая. Проходить на сцену от гримерки или от выхода можно было только через зал. А это значит – через толпу пьяных или обдолбанных подростков, от которых можно ожидать чего угодно, но только не куртуазности поведения.

Не сговариваясь, мы с Алексеем застыли было на пороге, предвкушая большие проблемы.

– Что касается выхода на сцену, – прервал наши размышления начальник охраны, – то порядок следующий: обычно ведущий объявляет следующий номер и просит освободить проход для актеров. Но если понадобится, охрана будет создавать для вас живой коридор, по которому вы будете проходить в полной безопасности. А когда закончится шоу, провожать вас до машины будут и личные охранники, по одному на человека, чтобы быть уверенными, что вы уйдете отсюда в полном здравии. На самом деле проблемы могут возникнуть в конце шоу, если вас не захотят отпускать, но это уже наша работа.

Несмотря на веселый тон, в голосе бывшего военного сквозили неуверенные нотки, и оно понятно, мало ли какой важный чел припрется оттянуться в клубешник. Местность дикая, глухой пригород Питера, судя по всему, это единственный достойный кабак с дискотекой, где показывают стриптиз и можно снять парочку малолеток.

Появится такой барин, ткнет жирным пальцем в понравившуюся танцовщицу, и бравой охране с несколькими войнами за плечами придется отдавать барышню без боя.

Да что там без боя, прикажут – так еще и упакуют, еще и в машину к богатому дяде посадят и наручники на запястьях застегнут.

А русским офицерам – белая кость – чувством своего достоинства и заодно честью придется разве что подтереться.

Впрочем, спорить себе дороже, потому мы мирно потопали в гримерку и принялись готовиться к выходу.

До первого выхода охрана нас не беспокоила, занятая своими делами. Мы не видели их, они – нас. И все при этом отлично себя чувствовали.

В тот день все было как обычно, мы оттанцевали свои номера и, уже переодевшись в обычную одежду и смыв с лиц грим, принялись ждать машину, потягивая чай из термоса.

Вопреки мрачным прогнозам Алексея транспортное средство было подано достаточно быстро. И тут я увидела работу наших военных.

– Быстро рассредоточиться по территории! Занять свои места.

Шаг назад, создать коридор! – услышала я команды и изумилась, когда дергающаяся передо мной толпа танцующих вдруг была словно рассечена ножом.

– Выходите по одному, – гаркнул у самого моего носа начальник охраны, и я с двумя объемными мешками двинулась за изрядно перетрусившим партнером.

– Выходите все! – раздалось у меня за спиной, и в тот же момент кто-то тронул меня за плечо.

– Почему не выходят остальные танцовщицы? Мы не можем вечно сдерживать толпу, – с беспокойством поинтересовался командир. На его лице был написан ужас. «Все пропало, баб покрали, нас всех уволят!»

– Какие остальные? – откровенно изумилась я. – В дуэте обычно двое участников.

– Позвольте, у меня написано десять номеров, из них четыре исполнял мужчина лично, четыре – разные девушки, и еще два мужчина и еще две актрисы, итого семь человек! Куда делись еще пять?

На самом деле бывший вояка сделал мне комплимент, за который мне захотелось расцеловать его. Причем приговор должен был быть приведен в исполнение немедленно. Ведь это же не всем удается быть такой разной!

Когда хотят похвалить актера, ему говорят, что он хорошо вжился в образ, что его не сразу узнали, что он полностью перевоплотился, вошел в роль. Вся прелесть невольного комплимента начальника охраны заключалась как раз в том, что он поверил – девушек было несколько…

Я надолго запомнила расторопных, прекрасно организованных военных. Представляю, как бы смотрелись эти ребята, скажем, при взятии средневековой крепости, при перестрелке в горах или во время разведки боем. Да, профессионалы везде профессионалы.

Одного не могу понять – отчего кому-нибудь из этих галантных офицеров было не донести мои баулы до авто?..

Загадка…

Разведка герл

Перестройка раскрыла массу любопытных возможностей, но не все они были, что называется, на пользу. Возьмем, к примеру, возможность отправиться поработать за границу. Ведь если разобраться, это же прелесть. Смотришь новую страну, учишь язык, общаешься с людьми, работаешь, постепенно въезжаешь, что делаешь что-то не так, изменяешь внешность, программу, пытаешься выучиться чему-то новому. Класс!

Рядом нет ни папы, ни мамы, ты полностью, от начала до конца, отвечаешь за свои действия. Влипаешь в неприятности, сама же себя оттуда вытаскиваешь, приобретаешь опыт, растешь.

С другой стороны, по большому счету, нет никаких гарантий, что ты живой и невредимый вернешься домой. То есть, если контракт на работу за границей настоящий и фирма, нанимающая на работу, подлинная, ты либо вернешься своими ногами, либо тебя доставят в цинковом гробу. Об этом даже пункт есть специальный. Личные вещи и никому не нужное тело отправляются в Россию за счет фирмы-нанимателя.

Если же ты угодил в фирму, которая создана только для того, чтобы заманивать наших простофиль, то с тобой вообще может произойти все что угодно.

Многих девочек буквально с первого дня работы в клубах принудительно сажали на наркотики или незамысловато подсовывали оные в качестве витаминов, подсыпали в коктейли. Когда же возникала зависимость, с ней можно было поступать как угодно.

Моя подруга Рената, например, работала в дуэте с другой девушкой – Жанной. Сделали себе дорогое роскошное портфолио, прошли кастинг, после чего заключили контракт на весьма выгодных для себя условиях. Конечно, русская фирма, предоставляющая дуэту такой шанс, тоже наваривала будьте нате, но исполнителям все равно доставалось столько, сколько дома они не заработали бы ни за что на свете.

Поняв, что фирма-наниматель должна быть заинтересована в том, чтобы девочки работали там положенные шесть месяцев, «отстегивая» им весьма недурственные комиссионные, подруги расслабились.

Все как будто складывалось отлично, вот только одно: дорога до места работы – графство Люксембург – фирмой не оплачивалась. Живущая с богатеньким бой-френдом Жанна решила лететь на самолете, а вот Рената при всем своем желании могла накопить только на поезд.

Впрочем, в чем проблема, язык, как говорится, до Киева доведет, поэтому девчонки не особенно переживали: Жанна явится в «Люкс» первой и встретит там Ренату.

Но, как это обычно получается, жизнь распорядилась по-своему. И приехавшая в графство Люксембург Рената не нашла там Жанну… Вместо нее навстречу девушке вышла весьма дородная и недовольная дама-менеджер от принимающей стороны.

– Твоя партнерша была здесь и все испортила! – вместо приветствия сообщила встречающая ее толстуха. – Ей, видите ли, вдруг позвонил ее парень и потребовал, чтобы та немедленно возвращалась домой, или он уходит от нее. Так что теперь не знаю, что с вами и делать! Я сама попала на весьма кругленькую сумму неустойки за то, что не привезла заказанного дуэта.

– И что же теперь? – Рената почувствовала, как ноги ее подгибаются от страха, а в животе сделалось холодно.

– А теперь все! Уезжай в свою Россию!

– Но у меня нет денег на билет! – глаза Ренаты наполнились слезами.

– Тогда остается одно. Я тебя продам! – тяжело выдохнула администраторша.

– Как продадите?

– Очень просто. Я устрою тебя в клуб, хозяин которого отдаст мне мои деньги, те, которые я потеряла из-за тебя и твоей подруги, а потом ты отработаешь их и будешь работать на себя. Устраивает?

Рената согласилась. А что она могла поделать? Вернуться домой – невозможно. Попробовать как-то устроиться в Люксембурге… Тоже маловероятно.

На самом деле я знаю несколько случаев, когда девушки работали сами от себя, но обычно этот «экспромт» получался после обязательной работы на дядю.

Работаешь, обрастаешь знакомыми, находишь новое место, а потом уже…

Рената начала танцевать в клубе, каждый день считая заработанные на ней хозяином деньги.

Растущая по крохам сумма медленно, но верно приближала ее к тому дню, когда она освободится и будет работать на себя…

А дальше начиналась какая-то странная магия. Изначально Рената поступила в клуб с долгом в три тысячи долларов, но едва она отработала хозяину две с половиной, тот сообщил, что дела его резко пошатнулись и он вынужден спешно перепродать танцовщицу своему приятелю.

И вот снова на ней долг в три тысячи баксов, и текут, ползут, вяло тащатся тошнотворные дни в грязном, пропахшем сивухой и табаком кабаке.

И опять все повторилось в точности: едва сумма перевалила за пару тысяч, новый хозяин сбыл ее с рук.

Я описывала эту историю в «Изнанке веера». Подлинная, между прочим, история. Впрочем, как и все остальные.

И похожих случаев тьма!

Я долго думала, как же не попасться. Сама-то я ездила по настоящим контрактам, там, где нас и встречали, и регистрировали в полиции. Все честь по чести.

Я не говорю об отчаянных головушках, отправляющихся в Египет, чтобы оттуда нелегально перейти пустыню ради устройства на работу в публичный дом Израиля. Тут уж кому что нравится. Кто-то и в собственном доме как на каторге, заложница «женского счастья». Для мужа – раба, для ребенка – служанка.

Я говорю о девушках, не собирающихся торговать собой, а желающих честно работать и честно же зарабатывать себе на жизнь. Им-то что делать? Им-то как разобраться в сложившейся ситуации? Как правильно прочитать контракт, понимая, какие мины замедленного действия заложены между его строк?

Вращаясь в актерской тусовке, я была вынуждена с завидной регулярностью слышать о новых и новых жертвах нечестной игры торговцев человеческими жизнями.

На самом деле больше всего раздражало маниакальное желание похитителей людей подписывать на работу в публичных домах девчонок, которым подобная жизнь была, мягко говоря, чужда.

Ведь что скрывать, кого-кого, а представительниц древнейшей профессии во все времена было с избытком. Почему бы в конце концов для работы в борделях не набрать потаскух, которые и опытнее, и смышленее в таких делах, и кочевряжиться, если что, не станут, изобразят и покорность, и доминантность – что изволите.

Хотите б…й с артистическими способностями – возьмите шлюх с актерским образованием. Уверена, таких найдется больше чем нужно. Или идите сразу же в один известный клуб на Невском, где крейзи-меню и, по слухам, можно запихнуть руку по локоть в вагину танцовщицы.

Но для чего непременно нужно втаптывать в грязь человека, который этой самой грязи чурается?!

После того как у меня буквально из под носа увели, дай бог памяти, десятую девочку, которую я знала лично, решила хоть

как-то разобраться в этом вопросе.

Одну из фирм-кидал я знала. Не самих работодателей, паразиты числились дочерней компанией фирмочки посолиднее, но не пойдешь же прямо в офис к шефу, чтобы поговорить с ним по душам.

Впрочем, почему же не пойти? Только что именно эти гады отправили группу парней и девушек в Италию, где морили их голодом и били до тех пор, пока те не согласились «добровольно» стоять на панели.

Так что некоторые счеты к фирмочке у меня были, и этим бы, собственно, и ограничилось, не доведи они меня до состояния, когда уже на все наплевать. Знаете, нечто подобное бывает во время боя, когда не чувствуешь боли и просто летишь куда-то, не понимая уже, какие делаешь движения, бьешь сам или отражаешь удары, когда уже не командуешь руками и ногами, а как бы наблюдаешь извне за тем, как прыгает на ниточках чем-то похожий на тебя тряпичный паяц.

Я заранее заявилась в фирму под каким-то благовидным предлогом и свела дружбу с секретаршей. Девочка оказалась словоохотливой, и я без особого труда выяснила, когда в офисе никого нет. То есть вообще никого: она на обеде, шеф еще не проснулся, уборку либо уже сделали, либо только собираются. То есть идеальное во всех отношениях время.

Ну, перетрусила я, конечно, не то слово. Явилась, поднялась на нужный этаж. Все как и должно быть, секретарши на месте нет, у шефа кабинет открыт, по пустынным коридорам, судя по звукам, кто-то методично шваброй елозит.

Страшно, конечно, до жути, но что поделаешь, не сыщика же нанимать, да и какие мои средства.

Вошла я в кабинет, дверь специально оставила открытой, где бумаги лежат, знала заранее. Девушка, которая приходила наниматься на работу в Германию, говорила.

Села в барское кресло и только-только расположилась вольготно с чужими бумаженциями, на пороге возникает сам хозяин конторы.

Внешность – отпад! Вот никак не ожидала, что воровать наших девок будет мужчина явно гомосексуальной ориентации. Причем, типичный «passive» с подкрашенными ресничками, с розовым галстуком на шейке.

Наверное, нужно было бежать. Или что-то объяснять. Впрочем, что я говорю? Внизу полно охраны, и стоит этому красавцу только нажать на какую-нибудь кнопку и…

Что делать?

А, была не была!..

Бросаюсь ему на шею и начинаю бешено целовать!

Он сначала попытался вырваться, а потом тонко так, противно заверещал: мол, не трогайте меня, девушка!

Гневно отталкиваю его, с размаха бью по лицу с криком: «Ах ты, педик проклятый!» и потом с обиженным видом вылетаю из кабинета.

Эффект что надо. Человек, напрочь забыв о промышленном шпионаже, сначала понял, что его нагло домогались на рабочем месте, а потом еще и побили, выяснив его сексуальную ориентацию.

Думаю, именно эта тактика дала мне некоторую фору во времени. Я пробежала по коридору, чуть не сбив уборщицу, затем кубарем скатилась с лестницы, пролетела мимо флегматично уставившихся на меня «шкафов»-охранников (я же говорила, что они тупые и неповоротливые). И, вылетев на улицу, ринулась ловить машину.

Кстати, со страху я все-таки обнаружила там то, что искала. В такие минуты внутренне мобилизуешься как-то и обычно выдаешь что-нибудь такое, чего нипочем не сотворила бы в нормальном состоянии.

В контракте, в пункте об оплате значится, сколько девочка должна получать, и тут необходимо смотреть, когда конкретно ей должны быть вручены деньги. Ведь если там стоит, что платить ей будут по завершении работы через шесть месяцев, то возникает резонный вопрос: а чем она будет питаться означенные полгода? Не из дома же мешок сухарей тащить.

Да и мама из России вряд ли много прислать сможет.

Поэтому в некоторых клубах поступают так: деньги мы тебе честно заплатим, все до последнего цента по завершении работы. А если есть хочешь, думай. Работу мы тебе всегда найти сможем.

Пойдет она на сторону калымить – поймают, побьют, обратно притащат. И ничего не сделаешь, контракт надо было дома читать.

Сию благую весть я распечатала на всех возможных сайтах, позже не раз помещала информацию в разные свои книги и даже как-то говорила об этом по телевидению и радио. А сама вышеупомянутая история есть в романе «Интернат боли». Вот как все перекручено.

Рассказывая про это, не боялась ли я?

Ни капельки, потому что к тому времени, как я начала открыто говорить о своей вылазке, никого из этой фирмы уже не было в живых. Прошли очередные и весьма своевременные

бандитские разборки, и… преследовать меня оказалось некому.

Разве что во сне иногда ужас такой приснится. Все кажется, что на самом деле ни фига я не выбралась из того кабинета.… Ищу, ищу выход. А его нет…

Прощальные письма

Спортсмены, танцовщики, актеры – все мы привыкли менять площадки и амплуа. Сегодня ты играешь роль в родном театре, завтра эпизод в каком-нибудь сериале, послезавтра выступление в ночном клубе или на детском утреннике. Кто-то примеряет диковинный костюм в виде ростральной колонны на питерском карнавале, кто-то одевается Вини Пухом и шалит полдня на детском празднике. Не стала исключением и работа каскадером-дублером.

Нет, разумеется, никаких сверх-опасных трюков мы не делали, тут без профессионалов не обойдешься. А вот по мелочи: коня на ходу остановить, в горящую избу войти, падать, когда вокруг тебя сбились в кучу кони, люди, и прикидываться равнодушным мертвяком, чувствуя как сотрясается в сантиметре от тебя земля под лошадиными копытами и дешевой просроченной китайской пиротехникой. В общем, каждый развлекается как может.

Набирающие неквалифицированных каскадеров студии, обычно арендовали помещения под офис на том же Ленфильме, картотекой которого пользовались для поиска актеров. Разумеется, все это было бесконтрольно и малозаконно. Но на безденежье не то что под губернаторскую карету ринешься – с крыши низвергнешься, лишь бы за это платили.

Два дня я отработала на картине, получив за это вполне приличную сумму, а на третий свалилась на моих киношников какая-то злющая комиссия, и трясла их, пока сверху генеральный спонсор не просыпался «зеленью».

После чего всем нам был дан сигнал явиться на работу имея при себе письмо, что мол, такой-то или такая-то будучи в здравом уме и твердой памяти… В общем, сама дура и если что, никого винить не нужно.

Документ следовало уложить в полиэтиленовый пакетик и во время всей съемки держать в нагрудном кармане.

Поворчав и, как обычно, смирившись с неизбежным, мы накатали «прощальные письма» и явились с ними в администрацию.

Нимало не смущаясь своей ролью, толстая помрежка в очках-телескопах и плохо сходящейся на груди и животе дубленке принимала нас согласно образовавшейся очереди.

– Написала?

– Написала.

– В полиэтиленовый пакет положила?

– Положила.

– Это еще не всё. – Она вздохнула, поднимая на меня полные теплоты и материнской нежности глаза в «телескопах». – Обязательно запаяй его, а то, как мы потом...

Параноик или все же… снайпер

Всегда считала себя великой искусницей разрывать отжившие связи. Раз – и нет, хлопнула дверью и забыла. Сказала – отрезала.

Не сразу, конечно, забыла. Рана еще долго болит, место среза кровоточит, но что поделаешь, тут уж что-то одно: либо порвать и потом маяться, пока не зарубцуется, либо терпеть долгие годы в надежде, что само отсохнет.

Давний роман, роман, которому в реале был месяц или два, затянулся, продолжая напоминать о себе уже после своей смерти, после разрыва. Человек звонил, осыпая проклятьями меня и мою семью, то и дело доставал моих знакомых и друзей.

И главное, сделать ничего не можешь, как в песне «сумасшедший, что возьмешь», выльет ведро дерьма, исчезнет на полгодика, считай – повезло. Обтекаю…

Разборки не чинила сама и никого не просила вписываться, сезонные обострения – они всегда резкие и неприятные, а человек по жизни талантливый, безумие – плата за талант.

Звонил, иногда просил о встрече: появиться на пути, вильнуть хвостом и опять исчезнуть. Карма…

Я почти уже привыкла к выкрутасам своего бывшего, привыкла к мысли, что «только смерть разлучит нас», но тут стала замечать, что и меня саму вдруг стали терзать странные предчувствия, непонятные и незнакомые ранее ощущения. То, возвращаясь ночью с репетиции, вдруг кажется, что кто-то идет за тобой, так что оглядываешься, оглядываешься, оглядываешься… пока не навернешься на какой-нибудь колдобине или же пока прохожие не начинают пальцами показывать – вот очередная городская сумасшедшая. Или вдруг возникает ощущение, что за тобой установлена форменная слежка.

Почему-то это чувство усиливалось в театре, где я в то время работала. Буквально стоило подойти к окну в танцзале, как появлялось четкое ощущение взгляда, направленного ровнехонько в переносицу. А по дороге в театр, когда я шла по Пушкинской улице, все казалось, что вот-вот кирпич на голову свалится или пьяный из подворотни выскочит.

Дорога из театра тоже не радовала, поэтому я специально ускоряла шаг, чтобы как можно скорее достичь безопасного метро.

– Наверное, в прошлой жизни ты уже была здесь и что-то плохое сделала, – вяло предположила работающая со мной танцовщица Яна. – Убила кого-нибудь.

– Тогда уж не одного, – согласилась я. – За одного так мучить

не будут. Паранойя у меня явная. Лечиться нужно.

– Паранойя не паранойя, – вступил в разговор тихий и спокойный охранник Толик из бара «Атлантида», где мы частенько подхалтуривали в ночной программе, – а проверить имеет смысл.

– Что проверять? – не поняла я.

– Ты где это чаще всего на себе ловишь?

– Да прямо здесь! – я подошла к проклятому окну, ощущая движение мурашек по спине.

– А направление, откуда идет ощущение, указать можешь? – он бесшумно подошел ко мне, встав за спиной.

– Мурашки бегут от пяток к голове, хотя теперь уже и не знаю, – я поежилась.

– Нет, откуда это приходит извне? – он бросил быстрый оценивающий взгляд на дом напротив. – Будь я снайпером, засел бы вот на том чердачке… Не показывай пальцем.

Я посмотрела в сторону чердака, но ничего подозрительного там не обнаружила.

– Снайпер – это целое состояние, – отчего-то зашипела Оля.

– Враги есть?

– А то, – ответила она за меня. – Конкурентки, бывшие мужики, да мало ли…

– Давай проверим, – охранник потянул меня за рукав от окна. – Сделаем так, я пойду первым, чтобы не привлекать внимание, а ты минут через пять после меня. Поднимайся сразу же наверх и ничего не бойся.

Идея, конечно, была идиотская, очень похожа на ловлю привидений, но по мне лучше уж такая, чем беспомощное бездействие.

Я дождалась, когда Толик перейдет через дорогу и скроется в подъезде напротив, после чего накинула курточку и не торопясь вышла сама.

Идею о снайпере я отвергла сразу же как нереальную. Но поглядеть, что там делается, по-любому было интересно.

Соседний дом являл собой, что называется, старый фонд с добротными лестницами и огромными пролетами, выкрашенными в отвратительно болотный стенами. Должно быть, когда-то они были очень красивыми. Во всяком случае, вдоль стен сохранился цветочный узор, а перила выглядели просто королевскими.

Поднявшись на самый верх, я обнаружила приоткрытую дверь чердака, и тут же мне навстречу вышел Толик с фонариком в руках.

«Странно, не видела, чтобы он его забирал из театра», –

только и успела подумать я, когда охранник потянул меня за собой.

– Не поверишь, что я тут нашел! – обычно мрачное и сосредоточенное лицо Толика светилось детской радостью. – Настоящее лежбище.

– Бомжи, что ли? – безрадостно поинтересовалась я.

И тут он подвел меня к круглому окошку, возле которого лежал ватник, стоял стакан и валялась куча знакомых мне сигаретных окурков.

– За тобой наблюдают из этого окна! Факт! Погляди только – здесь нет пыли! Почему? Он вытер ее, чтобы не ходить грязным, или сама стерлась, потому что нужно было где-то сидеть, за что-то браться. Вот и окошечко чистенькое, точно рачительная хозяйка его мыла, а вот здесь, – он показал на гвоздик, на котором болталась мохеровая синяя нитка, – вот здесь он стоит и фотографирует тебя или смотрит в бинокль. Еще доказательства? Завтра же приду сюда с ребятами, хорошая оптика нам не помешает, а если он вооружен… – Толик мечтательно закатил глаза…

Я сняла с гвоздя мохеровую нитку. Люблю вязать мохер, во-первых, на шерсть у меня аллергия, а во-вторых, мохер отлично тянется и с ним не приходится долго возиться, буквально пара вечеров перед телевизором с мамой.

– Только чтобы не калечить, – попросила я, и Толик меня понял, расплывшись в довольной улыбке. Небось боялся, что я вообще запрещу всяческую коммерческую деятельность с отобранным в бою трофеем.

На следующий день, перед тем, как пройти в репетиционный зал, я долго смотрела на чердак напротив, пытаясь разглядеть через круглое, похожее на иллюминатор окошко некогда любимое лицо.

Репетиция не задалась. Пришлось раньше времени сделать перерыв. Девчонки притащили какие-то салатики и домашнее вино.

В разгар трапезы в дверях появился Толик с черным длинным футляром, под мышкой болтался штатив.

Так, в тот день я излечилась от необъяснимых страхов, и с тех пор лишь иногда, когда на душе бывает особенно паскудно, забираюсь на какой-нибудь чердак или в полуразрушенный дом, что на капремонте, в поисках бог знает чьих следов, секретов и артефактов.

А на самом деле Толик, конечно, – свинтус порядочный. На мои расспросы, как все прошло, скупо обмолвился, что, мол,

мордобитие не состоялось, а обнаруженный на чердаке чел со страху им сам все отдал.

Мог бы и меня на задержание пригласить. Все какой-никакой материал. Да и отобранную технику они с друзьями пропили, а меня – можно сказать, главное действующее лицо, даже в кафе-мороженое не пригласили.

Жмоты!

Интернет-привычки

Чтобы быть правильно понятой в Интернете, приходится пользоваться смайликами. Веселое личико, хитрая моська, печальная рожа. Это делается для того, чтобы показать настроение, с которым ты пишешь.

Потому что иногда самая простая фраза: «От меня ушел этот козел!» – может прочитаться и как плач, и как вздох облегчения, и как заговорческий шепот.

Поэтому и ставим: «От меня ушел этот козел!» – и (, чтобы никто уже не подумал, что очень «скотинку» жалко.

Привычка настолько сильная, что, набирая этот текст, я то и дело ловлю себя на желании поставить смайлик.

Впрочем, внимательный редактор все несанкционированные рожи без особого труда выбросит из текста. (

Другое дело, как приятно и, главное, просто найти нужную строчку в собственном электронном тексте интересную информацию в «великой паутине» и как муторно рыться в собственной библиотеке или бельевом шкафу, силясь отыскать нужную вещь.

Несколько раз реально хваталась за пульт от телевизора, силясь набрать на нем название утерянного предмета. (

Контакт

Домогался пообщаться по мэйл-агенту какой-то вьюнош. Спрашиваю, чем, собственно, могу быть полезной? Ответ: «В очко будешь?»

Резонно спрашиваю: «В чьё?»

Больше писем не было.

Застенчивый.

Кидала

Нормальный писатель не склонен попадать в истории, он их придумывает, чего не скажешь обо мне любимой. Хотя, возможно, термин «нормальный» подходит далеко не всем. Ну да это скорее вопрос к философам, я же хотела рассказать вот какую историю.

В странные девяностые годы на улицах города можно было запросто встретиться нос к носу с эльфом, гномом или пещерным троллем. Почему только в девяностые? Не знаю, тогда кого угодно можно было встретить на улицах или в метро. Я как-то лично видела живого Элвиса – стоял на ступенях Казанского собора и пил пиво, а подруга встретила Александра Пушкина в метро. Не суть, хотя и обидно, что последнее время увеличилось поголовье гоблинского племени и куда-то запропали эльфы.

Впрочем, я не об этом. Виталий появился в моей жизни по объявлению, которое розовым квадратиком зазывало не куда-нибудь, а в самую настоящую школу ведьм. Тогда подобных объявлений можно было отыскать в изобилии, и я не удивилась.

Не удивилась и подумала: а не вписаться ли в очередную авантюру. Может, танцы для шабаша можно будет поставить, может, пробью наконец тему «Танцетерапия»[37].

В общем, позвонила, и тут же мне было назначено явиться на встречу.

Новоявленные ведьмаки прибыли в Питер из Москвы. Здесь они сняли трехкомнатную квартиру, где намеревались устроить временную базу.

Виталий был неплохим гипнотизером, из тех, что проводили шоу с большим количеством народа с введением в транс и тому подобным.

Обычно после проводимых сеансов к нему за кулисы приходили дамы, жаждущие приключений с заезжим магом, благодаря чему он жил, мягко говоря, не скучно.

Я же была поражена чудесами иного рода. Чудесами ума этого человека. Вообще, должна признаться, что всегда уважала технарей. С ними как-то проще, чем с нашим братом гуманитарием. Они и доходчивее все могут объяснить, разложить по полочкам, и это обычно не кажется им сверхсложным.

Виталий же превосходил в этом всех моих знакомых.

Начнем с того, как он зарабатывал деньги на жизнь.

Он просто шел в ближайший магазин, где бродил несколько часов кряду, после чего четко уже знал, дефицит чего наблюдается в данном городе , а по дороге домой принимал решение, как этот самый дефицитный продукт создать, потратив

на производство минимум средств и энергии.

При этом он мыслил чертежами и сметами и сходу мог выдать техзадание хоть на производство часов с кукушкой, хоть на строительство цементного завода. Все сразу, с окончательным расчетом, списком необходимых специалистов и перспективами дальнейшего развития.

Однажды у Виталия появилась юная барышня, заветной мечтой которой было стать диктором на телевидении. Не проблема. Думаете, он пошел проторенной дорожкой – дал кому-то взятку?

Ничего подобного, он создал собственную программу на телевидении, точнее, собственную коммерческую телестудию, где и стала работать его девочка.

Дальше больше. Появилась другая красотка, пожелавшая стать актрисой. И снова не проблема: новое телевидение нуждается в фильмах, каких? Для начала учебных, так как уже существующие тогда школы гипноза, самообороны, психологии и прочего нужно было рекламировать.

Так были созданы учебные фильмы, которые с успехом продавались на телеканалы и тиражировались на видеокассетах.

Однажды сдающий им помещение хозяин, сильно напившись, велел новоявленным телевизионщикам убираться. К тому времени Виталий успел расстаться с обеими барышнями и не мог решить, кому же из своего немногочисленного персонала поручить такое хлопотное дело, как телестудия.

Воспользовавшись скандалом, он в одночасье собрал все свое нехитрое оборудование. На следующий день явившийся предложить распить мировую хозяин застал только голые стены.

В наш город Виталий приехал конкретно за деньгами. Правда, мне он об этом ничего не сказал, предложив организовать вместе с ним фирму.

Почему бы и нет, все с чего-то начинают, откроем фирму, рассуждала я, а затем я буду вести свои курсы, помогать снимать фильмы, раскручивать новые проекты.

Виталий начал заезжать ко мне, дарил цветы, часами разговаривал с домашними о том, насколько он любит меня и какие у нас с ним замечательные перспективы. Еще бы, ведь если для своих любовниц он мог создавать телестудии, для жены он сделает в двадцать, да что там – в сто раз больше.

Я инстинктивно сопротивлялась предстоящему замужеству. Точнее, своего согласия на брак я так и не дала. Буквально ходила и вбивала в себя мысль, что пора бы уже заводить собственную семью. Всегда же мечтала не просто о муже, а о

настоящем спутнике жизни, соратнике, если угодно. Хотела, чтобы у нас с ним было общее дело, темы, которые мы могли бы обсуждать, что-то такое, что роднило бы нас, делая единым целым.

К сожалению, ничего этого не произошло. Виталий приехал, чтобы получить деньги, а я была нужна ему как ступенька, через которую он должен был перешагнуть к лучшей жизни – не более.

Однажды возвращаясь из арт-галереи «Борей» и по уже заведенной привычке уговаривая себя, что замуж все-таки выходить придется, так почему не за него, встречаю знакомую экстрасеншу Серафиму, с которой мы время от времени пересекались в редакции газета «Аномалия».

– А ну, подойди сюда, – властно приказала мне та, поманив пальцем из открытого «мерседеса».

– Привет! – улыбнулась я. – Как дела?

– Ты спрашиваешь, как у меня дела? Это как у тебя дела, с таким сильным приворотом? Неужели не чувствуешь, что на тебе самый настоящий черный приворот?!

Чуть ли не насильно усадив меня в машину, она отвезла меня к себе домой, по дороге в точности описав приметы Виталия и дав мне советы, как самостоятельно избавиться от наваждения.

– Черный приворот, подруга, просто так не делается. Либо ты полюбишь и сделаешь как он хочет, либо умрешь! – разливая по чашкам чай, сообщила она. – Чего он от тебя требует? Постель? Почему он постоянно усиливает свое заклинание, ведь это может привести только к твоей смерти?

– Постель у нас с ним и так есть, – я пожала плечами. – Наверное, это мне его следовало приворотом стимулировать, чтобы подольше все длилось. А так?.. – я задумалась.

– Чего же он хочет от тебя еще?

– Жениться хочет.

– Небось без прописки и без копейки денег, знаем таких, – она довольно почесала руки. – Обычное дело – приворожить, чтоб хорошо жить.

– Прописка московская, денег куры не клюют.

Мне сделалось не по себе. До сих пор эта дама ни разу не ошиблась, тем более что Виталий действительно был сильным гипнотизером и владел магией, а значит, мог.

– Тогда твое дело плохо, – она отпила из чашки и подошла к окну с новенькими занавесками. Не видела я их прежде у нее. Должно быть, недавнее приобретение.

– Думай, что ему нужно от тебя? В чем выгода? Ведь приворот – дело весьма опасное для обоих. И если мужик с головой, при деньгах и вообще… Для чего ему рисковать

собственной душой?

Я не знала, что и ответить. Впрочем, версия Серафимы как раз и объясняла странное состояние, в котором я пребывала все последнее время. С одной стороны, мне хотелось быть с этим человеком, а с другой – я просто на аркане тащила себя к алтарю. Зачем?

А действительно, зачем?

Если я не хочу расписываться, отчего не жить в гражданском браке?

«Нет, не хочу и так!» – вопило что-то внутри, так истошно и громко, что уши закладывало.

Можно встречаться время от времени. Против встреч-то я ничего не имею? Но после сказанного я не спешила делать выводы.

Мешало и то, что с Виталием я познакомилась после безумно страстного и тяжелого романа с Антоном. Искала работу. Чтобы не зацикливаться на этом, нашла себе любовника, чтобы отвлечься по полной программе. Переключиться, что ли…

И вот теперь, прежде чем ответить на вопрос, хочу ли я вообще встречаться с этим человеком, мне следовало очиститься от минимальных воздействий извне.

Прежде всего попросила ратующих за немедленную свадьбу подружек оставить меня с этой темой недели на две, потом уговорила маму не заводить об этом разговоры. После этого я была готова попытаться самостоятельно снять приворот.

Когда в следующий раз я встретилась с Виталием, моя голова была холодной, а сердце пристыженно не вякало о любви.

Я помогала Виталию снять новую квартиру, в которой он собирался жить отдельно от своей свиты.

Я знала, что из-за больной печени он не может употреблять алкоголь. Сам однажды разоткровенничался, будто бы не в состоянии управлять собой, будучи пьяным.

Отлично. Я взяла два коктейля – безалкогольный и со слабым алкоголем и подошла к нему. Глотнули, после чего я попросила разрешения попробовать содержимое его стакана. Все шло как надо. После того как я сняла пробу с его коктейля, он глотнул из моего кубка.

А дальше понеслось.

Моментально захмелев, он, хихикая, повалился в кресло. Я опустилась на подлокотник рядом.

– А ведь ты меня совсем не любишь, правда? – проникновенно глядя в глаза пьяному Виталию, поинтересовалась я.

– Конечно, не люблю. Давно догадалась?

– А для чего ты хочешь жениться на мне?

– Вот это как раз хочу. Хочу, чтобы, когда мы с тобой зарегистрируем предприятие и я возьму кредит в банке, ты осталась отвечать за это. То есть я, конечно, подпишу тебе бумагу об увольнении, тебя не посадят, но формально твои координаты останутся во всех базах данных и тебе придется принять на себя все говно, которое польется после того, как я исчезну. Потому что ты моя жена. Быть может, я даже подстрою свою смерть, и тогда…

Я с трудом выдержала, чтобы не дать ему пощечину. Впрочем, сама виновата, польстилась на черт знает что.

Мы выпили еще по одному коктейлю, после чего Виталий рассказал о привороте и я честно призналась ему, что отныне приворот снят.

К такой истории сам собой просится финал в стиле ворвавшегося в дом спецназа, с арестом кидалы и счастливым спасением автора.

Но… это финал для кино, в жизни так не бывает.

На следующий день я пошла с Виталием и подписала все требующиеся документы на фирму.

Он прекрасно помнил весь вчерашний разговор и очень трясся, что я в последний момент отступлю и кину его, кидалу. Почему же я пошла на этот идиотский шаг после всех пьяных откровений и четкого знания, что меня не любят и, значит, жертва не нужна по определению?..

Шла как на гильотину. Почему же шла? Из дурацкого чувства долга. Обещала – должна идти. Потому что обещала не только Виталию, как раз его на тот момент я глубоко презирала. Обещала его ребятам, обещала себе…

При этом я, вот же дура, до последнего момента ждала, ну просто как в той истории с Шурочкой и медом, что он остановит меня.

Не остановил.

Виноградов

Сережка Виноградов учился со мной в одном классе. Вообще, по жизни я побаиваюсь крупных мужчин. Отчего-то кажется, что они не к добру такие большие, что, возможно, в них сокрыто что-то неправильное, страшное, свирепое. В крупных и толстых мужчинах мне легче разглядеть берсерка, нежели в невысоких и поджарых. Хотя на практике все выходит наоборот: большие обычно добры или хотя бы внимательны.

Они ведь нередко с самого детства слышат о том, что они как слоны в посудной лавке, поэтому сызмальства учатся быть очень осторожными, боясь причинить хотя бы минимальный вред окружающим.

Однажды в Японии мне посчастливилось танцевать с борцом сумо. Вот это был танец! Поначалу я, как обычно, жутко перепугалась огромного коротко стриженного мужика с белой, похожей на чехол от «Жигулей» рубашке навыпуск.

Потом, когда мы сделали первые па, я почувствовала, что танцую с белым облаком, которое, нежно и уверенно обнимая меня, изящно скользило по стеклянным плиткам пола, едва их касаясь.

Какое-то время мы порхали по залу, завороженные мелодией, а потом он, вежливо откланявшись по японским традициям, словно испарился, оставив меня на пороге клуба совершенно одну…

Впрочем, все это будет еще нескоро.

А с Виноградовым произошла вот какая история.

В сумбурные перестроечные годы Серега приобрел золотую цепь, на которой впору было бы выводить медведя, купил сверкающий черный «бумер» и весьма увеличил массу тела, так чтобы окружающие не просто боялись его, а трепетали.

Скорее всего, Сергей был бандитом или очень хорошо косил под оного.

Тем не менее с одноклассниками и соседями он по-прежнему поддерживал дружеские отношения, не пытаясь как-то выделиться, показать свою крутость.

Однажды я возвращалась из театра. Был самый обыкновенный, неприметный день. Подходя к подъезду, я издалека заметила шумную компанию, среди которой особенно выделялись непомерные габариты Виноградова.

Я кивнула ему и, войдя в парадную, первым делом проверила почтовый ящик; вытащив оттуда телепрограммку и пару писем, я направилась к лифту. За спиной открылась и тут же закрылась

входная дверь, я услышала шаги, но не придала этому никакого значения, пытаясь удержать корреспонденцию, одновременно извлекая из сумки связку ключей. Я была полностью поглощена этим занятием, когда вдруг кто-то резко ударил меня в спину, прижимая лезвие ножа к горлу. Я налетела на стену, ткнувшись в нее носом, тут же агрессор кольнул меня чем-то острым в спину.

Первая пришедшая в голову мысль была до невероятности четкая и сразу же поразила меня своей глубиной.

«Когда он перережет мне горло, кровь хлынет на стену и он не запачкается».

Но ничего не произошло. Точнее, произошло. Топая как слон, кто-то влетел в подъезд, распахнув дверь так, что она чуть было не слетела с петель.

В следующее мгновение неведомым мне образом исчезли ножи, а мой несостоявшийся убийца отлетел на метр, ткнувшись в соседнюю стенку и тут же чуть ли не кувырком вылетел из подъезда.

– Мы с пацанами конкретно так сидели на лавочке, о своем терли, когда этот, – Сергей показал в сторону входной двери, в которую уже заглядывали его пацаны, – когда этот начал крутиться тут. В подъезд не входил, а стоял возле помоек и явно кого-то ждал. Стас еще обратил внимание, что когда людей ждут, к помойкам не жмутся, тут другое. А потом, когда ты вошла, он постоял еще минуту спокойно и потом как рванет. Вот я и пошел проверить, все ли в порядке. А тут такое… – Сергей даже покраснел во время рассказа, лоб взмок. Он поднял с пола упавшую сумку, собрал оброненные письма и газету. – Надо было бы догнать, но когда народ видит, как человек с моими габаритами несется за кем-то… это… в общем, зрелище не для слабонервных. Ну ладно, бывай. А то, если что, ты всегда знаешь, где меня найти.

Сергей жил в соседнем подъезде. Я пообещала, что поступлю именно так, и даже дала слово, что попытаюсь выяснить, кому это я так насолила, после чего мы благополучно расстались.

Так и не знаю, какому маньяку я тогда приглянулась. Впрочем, много их, маньяков, разве со всеми разберешься.

А вот Сергея жалко. Через пару лет после того случая услышала, будто бы жена за выпивку и частые дебоши поместила его в дурдом, где он и пребывает до сих пор, в то время как супруга продолжает проживать в его квартире с его же психиатром.

Что же, очень может быть, что и мои страхи относительно

крупных мужчин и их агрессивности иногда находят свое подтверждение. Хотя лично я не видела от Виноградова ничего плохого в жизни. Мы и в школе-то ни разу не то что подрались, а даже не поспорили.

О новом унитазе

Было предновогоднее время, совсем как сейчас, когда я сижу перед компьютером и предаюсь приятным воспоминанием. Как и большинство горожан, я носилась по магазинам в поисках подарков для семьи и друзей, когда прозвучал телефонный звонок.

Звонила мама, причем по ее срывающемуся голосу было понятно, что произошло нечто по-настоящему страшное. На всякий случай я тут же прислонилась к стене у двери магазина, в который хотела до этого войти.

– Юля, я пыталась забраться в шкафчик, что в туалете, – рухнула полка. Я и сама упала, и унитаз разбит полностью, мы залили соседей, руку порезала… а тут еще и снизу хамка прибежала, видит кровь, все равно орет!

Меня затрясло. Я попросила маму не нервничать, а сначала перевязать себя. Спросила, не нужно ли мне немедленно возвращаться домой, но когда узнала, что она уже как-то замотала руку, решилась не ездить туда-обратно, тем более что машины у меня нет, а вместо этого подумать о покупке нового фаянсового друга.

На самом деле ситуация была действительно неприятная. И я уже не говорю о том, что пострадала мама. Это не обсуждается. Но на носу были новогодние праздники, елка, последующие двухнедельные каникулы, когда никаких сантехников уже днем с огнем не отыщешь.

Я бросилась в первый попавшийся магазин, на ходу подсчитывая деньги. Получалось, что у меня хватало на вполне приличный трон. Но в магазине мне сразу же сказали, что доставлять предмет до дома придется самой.

О господи!

Я выскочила на улицу, одна, другая, третья машина пронеслись мимо меня с таким видом, будто обладатели этих старых обшарпанных «жигулей» и «москвичей» уже давно не нуждаются ни в каких деньгах. Начиналась тихая паника. Пока она не перешла в буйную стадию, я должна была что-то сделать. Но что?

Я должна была поймать машину, причем не просто авто, а машину и сидящего в ней мужчину, который дотащил бы проклятый унитаз и бачок до двери квартиры. О том, как я буду заманивать в дом сантехников, я решила подумать позже.

Ну что ж, если машины, которым сам бог назначил заниматься извозом, не брали пассажиров, оставалось одно –

броситься наперерез транспорту посолиднее.

Я приметила обалденный джип и ринулась на дорогу с неприкрытым намерением таранить его.

Великолепная машина остановилась в нескольких сантиметрах от меня, причем встала как вкопанная, недоуменно порыкивая. Не веря в свою удачу, еще несколько секунд я стояла перед ним с распростертыми руками, продолжая инстинктивно загораживать проезд.

Наконец из тачки вылезла рожа. Но на рожу я реагировать просто не стала, дожидаясь появления всей туши.

Мужик лет пятидесяти (впрочем, я плохо разбираюсь в возрасте) выпростался, наконец, из машины и направился ко мне. Должно быть, решил, что все-таки ударил или сильно напугал меня и я теперь просто не могу выйти из ступора.

Я с облегчением вздохнула, но и не подумала покинуть боевой пост.

– Вы должны, вы просто обязаны помочь мне! – закричала я, едва только мой несостоявшийся убийца попробовал открыть рот и облаять меня по полной программе. Дальше я подскочила к нему и, схватившись за куртку, выпалила все свои проблемы разом, после чего подтолкнула его к заветному магазину сантехники, куда он безропотно пошел.

Видимо, понял, что с человеком в таком состоянии спорить бесполезняк.

В магазине я тут же подвела его к продавцам, по опыту знаю: в такие магазины женщине без мужчины заходить строго противопоказано. Потому, что если продавец видит перед собой одинокую женщину, то непременно либо убедит купить что-то подороже, либо вообще не положит комплектующих. С мужиком – другое дело. Любой самый ушлый продавец понимает, что мужик обречен разбираться в технике и что с ним такой фокус вряд ли пройдет.

Первое, что я уяснила, когда мы оба ввалились в магазин: унитаза, который я выбрала, уже нет. Мало того, моей наличности не хватало даже на плохонького фаянсового дружка из оставшихся. Я вопросительно поглядела на хозяина джипа, который неспешно, со знанием дела оглядел предлагаемый товар, отмахиваясь от моих неквалифицированных реплик.По ходу дела он делал действительно разумные замечания, по-военному «строя» наглых продавцов и заставляя их проверять и перепроверять наличие всех необходимых гаек, винтиков и непонятных штуковин. Я была права, продавцов пришлось гонять на склад целых пять раз, но зато все теперь с гарантией было на месте.

Когда пришло время платить, я вытащила деньги, и… о боже, не хватило трех тысяч.

Я вымученно покосилась на своего спутника.

– Ну, что стоишь, добавляй.

Тот безропотно вытащил из нагрудного кармана солидный лопатник.

Затем так же спокойно заплатил тому же продавцу, чтобы две огромные коробки были погружены на заднее сиденье его машины. Через несколько минут мы были у моего дома.

Снова молчание, я шла впереди, помахивая своей крошечной сумочкой, за мной же двигался он – мой спаситель, кряхтя под тяжестью новенькой сантехники. Еще из машины я дозвонилась до РЭУ и знала, что окрыленные обещанием двойной оплаты сантехники уже на пути ко мне.

Когда мы поднялись на этаж и коробки наконец заняли свое место в передней у вешалки, я вернула три тысячи, извинившись за вынужденную грубость и ссылаясь на чрезвычайные обстоятельства. На самом деле хотелось просто поцеловать своего спасителя, что-то объяснить… но в этот момент он в первый раз заговорил.

– А я думал, что уже не увижу этих денег, – простодушно сообщил он, лучезарно улыбаясь мне.

– Ну что вы, просто сами понимаете, не хватило. А искать другой магазин… – я невольно поежилась. – Это перед Новым-то годом… брр…

– Все правильно. Я разве что говорю. Я ничего не говорю, – хозяин джипа выразительно почесал в затылке. – Я, девушка, человек военный. Я знаю, что такое приказ!

Его лакированную визитку я, не читая, выбросила в урну, хотя на самом деле жутко подмывало позвонить жене добровольного грузчика и спросить, занимается ли она отработкой командного голоса для общения с мужем, или же сюсюкает с ним, ожидая, что господин военный в один из дней сделается добрым и покладистым.

В постели с женой моего любовника

Отношения развивались, что называется, с пугающей силой и скоростью. Я ликовала – ну наконец-то судьба дала мне шанс влюбиться в мужчину, который сочинял стихи, издавал свои книжки, ставил спектакли и подвизался на кинематографическом поприще! Словом, с настоящим мужчиной-творцом!

Для меня служебный роман – наверное, идеал отношений, потому что это ведь счастье – иметь возможность поделиться со своим избранником самым дорогим, что у тебя есть. А для меня этим самым дорогим как раз и является любимое дело.

Вот ведь повезло!

Жаль только, везло нам недолго. И однажды, придя в очередной раз к моему ненаглядному, я увидела, как у него за спиной в стенном зеркале отразилось хорошенькое личико лежащей в постели девушки с крошечным носиком и большими карими глазами.

Маленький носик! А не об этом ли носике говорили мне, когда мы только-только познакомились с Алексеем?

Что же говорили тогда? Нас познакомила подруга.

Говорили, точнее, говорила она о том, что Алексей последнее время встречается с «безносой», как выразилась подружка, девушкой.

Получается, что безносая – не просто моя предшественница, она его реальная девушка, а вот я – служебный роман, существо, зачем-то ворвавшееся в его жизнь, не спросив, свободно ли место?

– Кто там, Алеша? – вяло поинтересовалась девушка, и тут я поняла, что должна что-то немедленно сделать.

Конечно, Алексей был порядочной сволочью. Я-то явилась в договорное время, а вот он… Ну да не до выяснения отношений было.

Поэтому я поздоровалась с отражением безносой девушки и, сурово глянув на переминающегося с ноги на ногу парня, начала импровизировать.

– Что же вы, Алексей, назначаете сеанс, если знаете, что будете в это время не один? У меня и кроме вас народу хватает! Можно же было, по крайней мере, позвонить, что отменяете массаж.

Алексей что-то заблеял, в то время как девушка на кровати подала голос.

– Да вы проходите, пожалуйста. Я вам никак не помешаю, – должно быть, она отодвинулась к стене, потому что отражение исчезло.

Я стиснула зубы и прошла в прихожую, позволив опешившему Алексею принять мое пальто.

Пройдя в ванную, я нашла там крем и вернулась с ним в комнату. Никогда прежде не была в подобной ситуации, в горле стоял ком, хотелось убежать и поплакать, но я запретила себе распускать нюни.

Алексей, разумеется, не давал мне никаких клятв верности, мы не были женаты, он был не обязан проводить все время в гордом одиночестве.

Я же всегда знала, что у него полно баб.

Но почему все-таки он не догадался предупредить меня, чтобы я не приходила и не любовалась на все это?

Впрочем, ответ, скорее всего, был весьма банален: явились с безносой ночью, оба пьяные. Сразу же заснули, а наутро проснулись только от моего звонка.

Велев Алексею ложиться на живот, я растерла детский крем между ладоней и принялась за дело.

Они тихо переговаривались о чем-то своем, а я молила бога, чтобы мои движения казались девушке Алексея достаточно профессиональными. Хотя профессиональными они и были, я закончила курсы массажа и после этого много практиковала. В общем, с заданием, данным самой себе, я справилась.

По окончании, не забыв получить свой гонорар, я заторопилась уходить. В дверях Алексей попытался удержать мою руку, но я вырвалась и убежала, едва сдерживая рыдания.

А на улице – мороз и солнце, так что слезы пришлось отложить до дома. Вместо этого я старалась выдавливать из себя боль, сочиняя стихи. Странные стихи, вообще не к месту и не ко времени. О тетеревах, которых убивают, когда те поют, позабыв обо всем на свете.

Тетерева не на юг, а наугад летят.
А когда поют, теряются в зимнем солнце
И не знают, что песне смерть внимает,
Входя с победными гимнами
В птичий рай.

Благодатное дно, или Время долгих ящиков

Когда ты летишь по потоку, мимо тебя проносятся разнообразные пейзажи, люди, события, что-то ты не успел, да и теперь никогда не успеешь поймать, отследить. Пронесся мимо человека, так и не узнал, что он мог бы значить для тебя, какую роль сыграть в твоей судьбе…

Я люблю гонку, люблю приятную усталость после спектаклей, сидеть почти до утра перед компьютером, строча без роздыха. Люблю, когда прет по жизни и когда вдруг отчетливо понимаешь, что для того, чтобы закончить все дела, необходимо любым способом увеличить сутки.

Я люблю, когда поток подхватывает тебя и несет с невероятной скоростью. Люблю, когда выходят книги, возникают новые идеи и проекты; как же я люблю все это!

Но, с другой стороны, я люблю и дно, на которое приходится время от времени опускаться, чтобы поймать глубоководную рыбку. Невозможно всю жизнь хватать с поверхности сверкающие солнечные зайчики, иногда необходимо задуматься и погрузиться в пространство тишины, где ты никому не нужен и можешь оставаться невостребованным хотя бы недолгое время.

Каждый человек должен хотя бы иногда опускаться в свой личный отстойник, чтобы поднять со дна действительно интересные идеи, создать то, на что раньше не хватало времени, что-нибудь очень важное, нужное, но отложенное в долгий ящик. Благое время – время долгих ящиков...

«Бродячая собака»

На втором дворе подвал,
В нем приют собачий,
Всякий, кто сюда попал,
Просто пес бродячий.

Литературно-артистическое кафе «Бродячая собака» открылось 31 декабря 1911 года. Официальное название этого места – «Художественное общество Интимного театра», впрочем, оно не прижилось, а вот «Бродячую собаку» все запомнили и полюбили.

Кого тут только не было – поэты-модернисты, художники, артисты. С выступающих денег за вход, разумеется, не брали, да если и не выступали, а просто так захаживали на огонек, пропускали как своих. Как к себе домой.

Впрочем, «собачка» и была домом. И если бы мы каким-нибудь волшебным образом могли сейчас вернуться в то странное и безусловно притягательное время, зайдя в кафе и заплатив, как прочие «фармацевты»[38], целых десять рублей, мы могли бы столкнуться здесь нос к носу с Михаилом Кузминым, Анной Ахматовой, Осипом Мандельштамом, Владимиром Маяковским, Константином Бальмонтом и со многими, многими другими легендарными личностями.

Здесь под музыку танцевала Тамара Карсавина и пела демоническая Казароза, у входа лежала переплетенная в кожу синего цвета огромная книга, прозванная «Свиной», в ней оставляли автографы и отзывы известные гости. Вот, например, что писал о «Бродячей собаке» Борис Садовский:

Прекрасен поздний час в собачьем душном крове,
Когда весь в фонарях чертог сиять готов,
Когда пред зеркалом Кузмин подводит брови,
И семенит рысцой к буфету Тиняков.
Прекрасен песий кров, когда шагнуло за ночь,
Когда Ахматова богиней входит в зал,
Потемкин пьет коньяк и Александр Иваныч
О махайродусах Нагродской рассказал.
Но вот уж близок день, уж месяц бледноокий,
Как Конге, щурится под петушиный крик,
И шубы разроняв, склоняет Одинокий
Швейцару на плечо свой помертвелый лик.

Анна Ахматова посвятила «Бродячей собаке» стихотворения: «Все мы бражницы здесь, блудницы...» и «Да, я любила их, те сборища ночные...».Кафе просуществовало до 1915 года и было закрыто распоряжением полиции.

«Ад большой, рай маленький»

Так назывался спектакль-инсталляция в арт-кафе «Бродячая собака», проводившийся в начале девяностых.

Если вы когда-нибудь бывали в питерской «Бродячей собаке» и знаете, где там стоят стулья и скамьи зрителей, где расположен крошечный подиум и даже где переодеваются актеры и особенно актрисы, это, конечно, здорово, но все же не то. С подвалом «Бродячая собака» я познакомилась до того, как там был сделан ремонт и все стало чистеньким и цивильным. Помещение, в котором мне довелось побывать, местами выставляло на обозрение голые кирпичные кладки, фрагменты прежней побелки и покраски, ржавые трубы, по углам лежали кучки строительного мусора.

Этому воскресшему из мертвых месту еще только предстояло напитаться живой человеческой энергией. Впрочем, мы были рады ему в этом помочь.

За пару дней художники-инсталляторы соорудили в подвале лабиринты, олицетворяющие ад, а чуть повыше – райские кущи.

Правда, как водится, ад был намного больше, разнообразнее и интереснее рая.

Спектакль же должен был проходить в двух частях. И быть неким посвящением, переходом, мостом между миром реальным и потусторонним.

И если в нормальном театре все начиналось с вешалки, в театре последователей Ежи Гротовского, Антонена Арто и Антона Адасинского никаких вешалок не предполагалось изначально.

Подвал имел вход, который был изменен до полной неузнаваемости. Так что актерам, а позже и зрителям приходилось пробираться по специально сооруженным мосткам, где первым делом надо было перешагивать через зеркало, установленное на полу. По мысли постановщиков действа – перешагнуть через себя. Затем следующее испытание: мостом в другой мир служили наваленные тут же книги – знания, топча которые, можно было двигаться дальше. Затем узкие коридоры лабиринта, огражденные камуфляжными сетками и редкими огоньками. Наконец действие перемещалось в комнатки-пещерки, в каждой из которых на протяжении всего действия творился свой моноспектакль.

Действие должно было происходить весь день, пока будут зрители. А значит, целый день каждый из нас в своем ограниченном пространстве должен был отыгрывать ситуацию своего личного, персонального ада.

В назначенное время мы, загримированные и переодетые актеры, появились перед закрытым входом в подвал, рядом с которым толпились зрители.

По давней питерской традиции спектакль начинался с пятнадцатиминутной задержкой. Так что народу подсобралось прилично.

Среди актеров, открывающих действо, я шла одной из последних и видела, как мои собратья дружно один за другим исчезают во чреве таинственного подземелья.

– Главное, не смотреть под ноги, когда будешь перешагивать через зеркало, – зудел мне в ухо режиссер Володя Бойков. – Мало кто находясь в трансе может переступить через себя.

Скажу больше, мало кто не в трансе на это способен.

Несмотря на советы режиссера, под ноги я, разумеется, смотрела, иначе точно навернулась бы на чем-нибудь неустойчивом. Перешагнула через себя на удивление без проблем. Трудности начались потом, когда я сползла наконец с шаткого моста и вдруг обнаружила, что передо мной, прямо на каменном полу, лежат книги.

Первая мысль: кто-то рассыпал. Кто-то из наших. Я присела на корточки и, продолжая пластично двигаться, начала собирать книги. Помню, это были какие-то старые послевоенные издания: рассказы Чарушина о животных, Крапивин, Стругацкие.

– Что ты делаешь, идиотка! – услышала я нервный шепот Володи и увидела, что он делает мне какие-то знаки. – Брось книги и ползи дальше. Не создавай пробки!

Я оглянулась – за моей спиной маячил наш актер Дима Ерашов. Понимая, что я застряла здесь надолго, Димка пытался спасти положение, вытанцовывая что-то надо мной.

– Не задерживай! Ползи вперед, – выл скрытый от нас декорацией Бойков.

Быстро и уже не думая о пластике, я собрала стопку книг и хотела уже унести их с опасной полосы, как вдруг Володька снова зашипел, чтобы я оставила все как есть.

– Но на них же кто-нибудь наступит! – в тон ему зашипела я.

– Ну и пусть наступают, боже ты мой, так ведь и запланировано, чтобы наступали.

– Наступить на книгу?!

Во Дворце пионеров (Аничковом дворце) в свое время моей маме сулили карьеру хорошего писателя, но она поняла, что не сможет работать на уровне, который сама считала достаточно высоким для того, чтобы не называться, а быть писателем. Кроме того, в то время ей нравилась фраза Юрия Олеши: «Ни дня без

строчки», она верила писателю и понимала, что и день без строчки, и неделю она переживет не задумываясь.

А вот сможет ли пережить месяц? Полгода? Год?

Попробовала.

«Сначала было тяжело не писать, а потом переборола себя, и…» – талант ушел.

Она бросила сочинительство, но посвятила всю жизнь служению книгам.

«Вначале было слово, и слово было у Бога, и слово было Богом».

Любое ли слово божественно, или Бог – это какое-то одно определенное слово? Как у Борхеса – Бог это слово или всего лишь одна буква в случайно взятой книге огромной, похожей на Вселенную, библиотеке.

Нет! Я решительно не могла пройти по книгам. Так что в конце концов Дмитрию пришлось чуть ли не силой выпихнуть меня в следующее помещение, где я пристроила в безопасное место стопку спасенных книг и спокойно уселась в своем углу, поджидая появления зрителей.

Отблеск бога

Вначале было слово.
Он забыл что-то,
Слово, забытое слово
Кислотой разъедало душу.
Хотелось плакать,
Но слез почти не было.
Слово алмазом
Выходило горлом.
Вначале было слово.
И слово было у Бога.
Было и ушло.
Слово стало Богом,
И Бог ходил среди людей.
Он сказал свое слово.
Сказал и ушел.
А нам оставил белую,
Точно светлый день, бумагу.
Любовь, дружбу, заботы
И печали —
Всё, что нужно для того,
Чтобы, прожив жизнь,
Сказать свое слово.
Оставить слово.
Сотворить слово.

Слово, как отблеск Бога…

Книга

По мере прочтения
Книга теряла и теряла в весе,
Пока в один прекрасный день легкий ветерок не подбросил ее в воздух,
Весело перевернув последнюю страницу,
С которой я едва успела словить выразительное многоточие.

Писатель-надомник

Вызвали однажды писателя Андрея Балабуху на сборы в военкомат. Проверяют документы.

– Где вы работаете? Почему в документах не отражено?

– Нигде.

– Как нигде? Тунеядец, что ли?

– Почему тунеядец – писатель.

– В Союзе писателей, что ли, работаете?

– Нет. В Союзе писателей никто не работает. Это как профсоюз. Вот вы в партии состоите?

– Да.

– В партии работаете?

– Нет.

– Вот и я состою в Союзе писателей. Но в нем не работаю.

– Так где ж вы все-таки работаете?

– Да дома я работаю, книжки пишу.

– Ну, что же ты мне, дурак, голову морочишь!

И записал: «писатель-надомник».

Деликатес от фэнтези

Играли на сцене Балтийского Дома «Сон в летнюю ночь», напрочь перекроенную на современный лад, но с эльфами, хитрецом Пэком, королевой фей и владыкой Обероном.

Все идет нормально, как надо, никого не трогаю, мирно порхаю по поляне в костюме солнечного гения.

Нет, такого персонажа у Шекспира, разумеется, не было и нет. Это мой личный сольник в спектакль втерли для эффекта и разнообразия.

Но я не обижаюсь, я вообще люблю этот танец в короне с зажженными свечами и длинными шелковыми рукавами, которыми можно словно рисовать в воздухе. Да и зрителям, вижу, нравится.

В общем, все идет как надо, заканчиваю, снимаю корону и только тут понимаю, что эльфика, который по мизансцене как раз должен был выпереться на сцену, нигде нет.

Впрочем, что нам, импровизаторам? Продолжаю тянуть время уже без музыки, зрители все равно понятия не имеют, что в этом месте спектакля должно происходить.

А эльф, ну что эльф, заснул где-нибудь. Сейчас его помреж может быть из гримерки выскребет и тепленького на сцену.

И точно, минуты две я в полном молчании по сцене бродила, и вот он – легок на помин, но нетверд ногами, выгребает.

Ладно, играем дальше. Подхожу ближе и тут вижу, с гримом у него что-то изменилось: одна щека белее другой и какие-то зелененькие листики приклеены.

Подхожу совсем близко.

Что это?

Салат!

Мой партнер благополучно уснул мордой в салате, а помреж его как обнаружил, так на сцену и доставил в майонезе, петрушке и луковых перьях.

Изысканная закуска от мира фэнтези – эльф в салате!

Жизнь по Кастанеде

Учение дона Хуана, описанное Карлосом Кастанедой, сделалось чем-то вроде путеводной звезды для нашего поколения. Актер, с которым я играла в спектакле «Ад большой, рай маленький», Дима Ерашов ездил в Америку на курсы, проводимые учениками нагваля Карлоса.

До того как книга вышла официально, мы ксерили и переплетали подстрочники, которые до сих пор кажутся мне интереснее официально узаконенного текста. Денег я с этого, с позволения сказать, бизнеса не получала, радуясь возможности приобретать экземпляры. Моя работа заключалась в разрезании листов, что было довольно-таки сложно, так как учение дона Хуана поступало ко мне в больших бумажных рулонах, которые следовало сначала разматывать, подобно большому полотенцу или гигантскому свитку, и затем разрезать и складывать в аккуратные пачки.

Поначалу резала ножницами, но такой способ оставлял заусенцы, края выходили неровными. Тогда в ход пошла обычная железная линейка. С ней и работа побежала быстрее. Для того чтобы получить один том, мне нужно было разрезать целых десять, но дело того стоило. Если хотела получить не просто пачку листов, а аккуратно переплетенную рукопись, нужно было сделать еще столько же.

Покупать Кастанеду никто из наших не собирался принципиально, так как считалось, что вложенная в производство энергия окупится сторицей во время обучения искусству сновидения и сталкинга. Так что, заработав первый том, начинали трудиться на второй и так дальше…

Когда тома худо-бедно переведенного гуру закончились, пошли книги по философии, астрологии, массажу, притягивая за собой новые курсы и новые возможности, так что после тренировки мы ехали на очередную лекцию, спектакль, постигали основы восточной медицины или тайны звезд…

Переработанная информация оборачивалась живой энергией, ищущей новые выходы и находящей их.

Жить по Кастанеде – значит, быть безупречным воином, безупречным во всем.

О том, что такое безупречная работа, рассказывал как-то Антон Адасинский на мастер-классе, который он устраивал в «До-театре».

– У театра «Дерево» было множество гастролей, – весело

сообщает стоящим кружком актерам лысый Антон. – Приехали в какой-то город, не помню сейчас в какой. Обосновались в местном театре. А там перед каждым нашим спектаклем рабочий сцены заново красил всю сцену! – Антон поднимает палец, указывая на значимость момента. – Не мыл, а именно красил! Я спросил его тогда, зачем он это делает, ведь краска не успевает износиться. И он ответил мне замечательной фразой: «Ты так не танцуешь, как я крашу пол»!

Это было потрясающе! Человек делал свою работу настолько идеально и безупречно, что ее можно было сравнить с чем угодно – с прекрасным танцем, с работой выдающегося художника, с музыкой… Сравнить, а это значит, что его работа по своей безупречности и идеальному качеству могла в какой-то степени соперничать с произведениями искусства, которые, быть может, этой непогрешимости были лишены…

Ужасы гламура

Я думала – только мне так с мужиками не везет, точнее им со мной. Но вот Ларисочка у нас сама бизнес-вумен, умница, красавица, свой салон красоты открыла, не то что мы – голь-перекатная, как говорится, «не украсть, не покараулить», только стихи писать да танцевать день напролет горазды.

А как при салоне тренажерный зал объявился, так и жених завидный подвалил. Сам метр восемьдесят, блондин с серыми выразительными глазами и прямым арийским носом. Не то чтобы сильно красив от природы, но ухожен, словно его Ларка день-деньской в креме дорогущем держит. Не мужик – конфетка.

Впрочем, что удивляться, я познакомилась с Алешей через месяц после того, как он благополучно вселился в квартиру Ларисы, а у той ведь все условия для того, чтобы содержать любимого в образцовом порядке: бодибилдинг бесплатно, в бассейн абонемент, над каждым прыщом в салоне девчонки будут колдовать, что масоны над февральской революцией. Ботокс, откачки жира, любая пластика задаром. Отчего же мужику и не держать себя в форме в таких-то условиях?

Лариска тоже довольная ходила, белые крашеные волосы не то что раньше – жженые-пережженные перекисью водорода, а точно грива роскошной лошадки, кожа – ни малейшего изъянчика, хотя уже и в возрасте – за сорок, мужики на Ларискину красоту оглядывались, шеи сворачивали, а уж как она сама своим Лешиком была довольна, слов нет. Он ведь у нее, можно сказать, что и не альфонсил совсем, скромно продолжал трудиться медбратом в одном из родильных домов.

Сколько Ларка его ни просила уволиться с низкооплачиваемой должности, заканчивать тренерские курсы и идти к ней работать, – ни за что.

Тоже, на самом деле приятно, когда мужик свою волю имеет, свой путь, свои убеждения.

И дома Лёшик – чудо из чудес. Готовил только сам, причем, Лариса хвасталась, пальчики оближешь. Жены с утра и до вечера дома нет, а сам он работал то ли два через два, то ли через сутки. Ну, в общем, в свободное время все по дому сделает, сам за продуктами на машине прошвырнется, не муж – сказка.

Все мы считали, что большое счастье Ларке подвалило, и сказка эта ее добрая и замечательная, точно старый голливудский фильм с хорошим концом. Ан нет. Страшной оказалась сказка бизнес-вумен Ларисы. Страшней не придумаешь.

Как-то вернулась она раньше обычного домой, красавец муж

на кухне трудится. Ларка руки помыла, в домашний халатик юркнула и на кухню, помогать.

А по кухне уже запахи чудные разливаются, аж слюнки текут.

Поставила Ларка тарелки на стол, взяла в руки поварешку, открыла крышку суповой кострюли и чуть дара речи не лишилась. Из кастрюли к ней, точно из адова пекла, тянется крохотная детская ручка со всеми пятью уже сварившимися пальчиками…

Муж-то ее оттого и холеным был, что последы в роддоме себе на супчик брал, а когда последы другим в очередь доставались, и против деток мертвых, что после аборта остаются, не брезговал.

Лариса после этого ужаса в дурку попала, а Лешика ее адвокаты долго еще уговаривали миром развестись и на деньги бывшей супруги не зариться.

Отказался, когда Ларкина охрана за дело взялась.

Впрочем, так и не понял он, отчего ему любимая супруга от ворот поворот дала. Думает небось, что раз никого не убил, а взял что все равно на выброс предназначалось, так и не виноват ни в чем.

Так и живет небось до сих пор холеный, красивый ГАД!!!

Шубка и плащ, или История о том, что встречают у нас действительно по одежке

Было это в стародавние времена, называемые также «лихие девяностые». Только что со звоном и скрипом рухнул железный занавес, и закрытый игрушечный мир вдруг открылся, демонстрируя всем и вся свои сомнительные прелести, точно застигнутый в туалете пионер.

На улицах появились точно вышедшие из леса волосатые грязноватые хиппи в фирменных дорогущих джинсах и круглых очках под Джона Леннона, разноцветные, похожие на аляповатых попугаев и одновременно индейцев-гуронов панки. Точно из-под земли выползли богатеи с массивными золотыми цепями и печатками, напоминающие призраки Эльдорадо – золотой страны инков. Появились первые вызывающие малиновые пиджаки, первые милитари в мундирах давно исчезнувших дивизий.

Все или почти все носили оружие, и нередко люди погибали только из-за того, что кому-то вздумалось проверить, не сбит ли прицел на новеньком, только что полученном в подарок пистолете.

Появились новые профессии: пользовались спросом ремонт и доведение до ума редкой импортной техники.

Возле станций метро выстраивались рядами кооперативные ларьки, наперебой предлагающие свой разнообразный товар.

В то время питерский поэт Саша Смир[39] не польстился ни на малиновый пиджак, ни на стиляжные штиблеты, не нравились ему и цепи металлистов и длинные, мешающие в работе волосы.

Впрочем, и он умел когда надо показать, что имеет свой собственный стиль и знает, как вести себя в обществе.

К слову, когда поэт говорит вам, что он может подать себя как действительно светский человек, не верьте ему, если это не Константин Мелихан[40], не Вишневский и не Илья Резник. У поэтов своё собственное представление о высшем свете, его законах и правилах. Поэт живет в своем собственном индивидуальном мире и если время от времени и заглядывает к вам, то исключительно выпить, рассеянно порассказывать и послушать свежие новости, чтобы, наполнившись впечатлениями, вновь нырнуть в теплую, уютную раковину собственного бытия.

В то время Саша носил длинную, покрывающую грудь бородищу и длинный же, напоминающий эсэсовский, плащ.

На голове его была странного вида кожаная кепка, могущая сойти за летный шлем. В общем, картина «Партизан впервые после Великой Отечественной войны вышел из леса».

С ним же рядом можно было встретить стройную грациозную красавицу с волоокими глазами и обольстительными, растущими от ушей ногами.

Девушка выглядела ухоженно и представительно. Ее ножки были обуты в изящные сапожки на шпильках, роскошное тело согревала дорогая белая, натурального меха шубка.

Впрочем, если весь прикид да и внешний вид Сашиной спутницы мог вызвать невольную зависть менее удачливых женщин, то Юлина шубка!.. Как назло, именно этот стиль и покрой шубки в то время был выбран за эталон стоящими на панелях проститутками. И хотя ее шуба была на несколько порядков дороже искусственного меха на продажных телах путан, на расстоянии ее вполне могли спутать с одной из таких девушек.

В тот день, о котором я хочу рассказать, Саша и его подруга счастливые и довольные возвращались с концерта Кости Мелихана.

Обходя солидного размера лужу, на какой-то миг они оказались на приличном расстоянии друг от друга, и этого мига хватило для того, чтобы перед Сашей плавно притормозил черный «бумер». Стекло поплыло вниз, открывая далеко не отрадное зрелище четырех явно бандитских харь.

– Поды сюда, – с сильным южным акцентом подозвал поэта водила, маня его пальцем с круглой печаткой.

– Это твоя дэвушка?

Саша кивнул.

– Скажи ей, что она поедет с нами.

На Сашу в упор смотрели четыре пары глаз.

Плохо понимая, что он делает, и отдавая себе отчет в том, что с четырьмя качками ему нипочем не справиться, Смир вдруг качнулся в сторону машины и, положив руки на стекло, просунул в салон бородатую морду.

– Все, что вы хотели сказать ей, можете теперь сказать мне, – выдохнул он ровным, почти безэмоциональным тоном, точно заказывал в ресторане гарнир к мясу. Обреченность придавала спокойствия.

Повисла пауза.

Какое-то время бандиты разглядывали наглого мужика, пытаясь угадать, с кем они имеют дело и… так ничего и не поняв, решили ретироваться подобру-поздорову.

Длинный плащ, под которым запросто спрятать ствол, бородища и, главное, спокойный уверенный тон сделали свое

дело.

– Чего они хотели от тебя? – спросила подбежавшая к Саше сразу же после того, как отъехал бумер, Юлька.

– Да так, спросили, как пройти в библиотеку, – утирая с лица крупные капли пота, выдал он.

О пьянстве

У поэта Бориса Заходера есть стихотворение о кошке Вьюшке, которая везде и на всем спит. Жизненный образ – ничего не скажешь. Ведь кошки такие особенные существа, что и в храм без всякого спроса проникнуть могут, и никто им в том препятствия чинить не станет, и на компьютере спят, подоткнув под морду оптическую мышь и наблюдая, как на мониторе от кошачьего дыхания наплывают замысловатые строки, да и вообще…

На чем не может спать кошка? Да практически на всем она спит, зараза.

То же можно сказать и о поэтах или, скажем, художниках?

«Вы знаете, где пьют поэты»?

– Везде, деточка, практически везде: и в метро они пьют, и в садиках ухоженных и не очень, в подъездах пьют, в машинах…

Странный вопрос – где пьют поэты?

А где застигают их поэтическая жажда и желание поболтать о жизни со знакомыми и незнакомыми людьми. Однажды летом небольшая группка поэтов во главе с Сашей Смиром устроилась не где-нибудь, а на ступеньках Мариинского дворца. Сквозь мутные фильтры пролетевших лет проступают черты авторов-исполнителей и поэтов Саши Пака и покойной уже Лены Дюк. В общем, традиционно по-русски трое их было, а где трое собираются, там и четвертый норовит. Но, чтобы не соврать, всего компания собралась пять человек. О троих я уже сказала, и еще двое приблудных на подмогу подвалило. Сели, ящик пива с собой притаранили. Это уже как водится, беленькой немного, ну и всякой снеди – поляну накрыть.

Сидят чинно, благородно, ни к кому не пристают, похабства не орут, а над ними, рассевшись на ближайшей к земле тучке, расположились веселым кружком поэтические музы, на каждого поэта по одной, чтобы никому не обидно было.

Правда, сей светлый круг на земле не каждый узреть может, и даже сами поэты не всегда его видят. Но зато, случись им хоть раз в яви или сне узреть образ своей ненаглядной поэтической покровительницы – все… Образ этот сохраняют поэты на всю оставшуюся жизнь, бережно лелея в своем сердце, точно нежный, диковинный цветок…

Присмотрелись к поэтам обитатели Мариинского дворца, пригляделась охрана. На демонстрантов вроде не похожи, те

наглые, озабоченные и злые.

Только-только пикет разгоняли – неврастеник на неврастенике. Каникулы в дурке, что ли… или день открытых дверей.

А эти…

Наконец двери правительственного здания отворились, и к поэтам нашим, точно апостол, по ступеням, помнящим подошвы знаменитых политиков – ныне здравствующих и почивших, прорвавшихся к кормушке и уже оттесненных от ее и отправленных на заслуженный или незаслуженный отдых – спустился к поэтам некий военный чин, полковник, как выяснилось.

Подошел ближе, носом повел. Чутье у политиков тонкое, без него им никак. Кто в какой партии значится – за версту просчитывают.

А тут…

Нюхнул военный воздух вокруг поэтов раз, другой…

Солодом от них так и прет, сивухой самую малость тянет, а вот чтобы партией какой, или иным говнецом… вроде как не ощущается.

Или пришлые маскируются, или проверка от САМОГО. Только уж больно хорошо сукины дети притворяются…

Глянул он полковничьим своим рентгеном. Что такое? – не поддаются незваные гости распознаванию – не красные они, не коричневые, не зеленые и, уж конечно, не голубые.

Ну, делать нечего, пришлось самолично на контакт идти, жизнью рисковать. Подошел, самого голосистого и бородатого из всей компании высмотрел, нашего знакомого Александра Смира, подошел.

– Простите, господа, – наметанный взгляд не углядел плакатов или транспарантов. На ступеньках была расстелена газетка, в кулечках ждали своего часа сухарики, пара сухих лещей, точно серебряные лапти, располагались посреди импровизированного стола с открученными по такому случаю головами.

Завершал натюрморт пластмассовый ящик с пивом.

– Простите, – выдавил из себя военный чин, подавляя набежавшую слюну, – это политическая акция? В смысле, что незапланированная, как-то… это… политическая?.. вас спрашиваю.

И в этот момент наблюдающая за происходящим муза Александра Смира озарила своего избранника невиданным светом, разверзла его занятые пережевыванием закуски уста, и

родилась поистине историческая фраза.

– Это не политическая, это поэтическая акция! – изрек Смир. – Здесь пьют поэты!!!

Почитатели Вакха

Где только ни пьют поэты… поэты – особенно те из них, что почитают Вакха/Бахуса.

Пьют везде. И никто, и ничто их не может при этом остановить, ибо возлияния эти творят они во имя своего упитого бога, превращаясь в конце жизни в дивную амфору или спиваясь в хлам. Возвышая стихами душу и доводя бренное тело до состояния, схожего с ветошью, что не примут ни в один комиссионный, ни в один секонд-хенд.

Или, как об этом сказал сам Александр Смир, «Я поэт еще не старый, пора на прием элитары».

Где только ни пьют поэты…

Точно так же, как поклонники златокудрого Эрота, если они, конечно, истинные поэты, а не скупердяи, выдающие по малым крохам любовное золото, влюбленные поэты щедры и неистовы. Они служат своему требовательному богу в будуарах и занюханных коммуналках, в узких примерочных бутиков и движущихся навстречу неизвестности лифтах, возносятся к небу на колесах обозрения и обмениваются кольцами в затяжном прыжке.

А прыгать через Вечный огонь в ночь на Ивана Купалу?

Ну, не сосиски же на нем жарить!

«Вам случалось случаться в Летнем саду»? – лукаво интересуется у своего читателя Геннадий Григорьев.

Где любят любить поэты? – ответ прежний – везде!!!

На что может пойти поэт ради своей страсти?

Украсть, соблазнить, убить – да, пожалуйста. Поэт М., например, ради возможности бухнуть как-то попытался выбросить из окна собственную жену, которая как раз выпить-то ему и не давала.

«Нашла коса на камень». Супруга имела убедительнейшие аргументы о вреде пьянства – поэт аргументами не обладал и по причине далеко не первого стакана во лбу измыслить их не мог. В разгар спора пиит подхватил на руки благоверную и бодрой походкой заторопился к окну.

Дорогу отчаянному М. тут же преградил уже давно и упорно пьющий вместе с ним поэт Александр Гущин, который попытался остановить смертоубийство, но был отброшен в сторону. Любой другой, наверное, сдался бы после первого поражения, но Гущин заступал дорогу М. снова и снова, всякий раз отлетая к стене, но

неизменно возвращаясь на поле боя.

Когда отчаянный поэт добрался наконец до окна, Гущин вдруг переменил тактику и, весело рассмеявшись, совершил обезьяний прыжок на люстру и повис на ней.

– А смотри, как я сейчас на твоей люстре буду качаться! – хохоча во весь голос, орал поэт, размахивая в воздухе ногами.

– Прикол! – М. обернулся, восторженно глядя на болтающегося на люстре приятеля, его железная хватка ослабла, жертва была освобождена.

– Вот! – Гущин с ловкостью раненого гиппопотамчика спрыгнул с люстры.

– Прикол! Хочу! – здоровенный М. подпрыгнул, ухватился за люстру, раздался треск, приятелей обдал фонтан голубых искр, люстра с поэтом хрустнула в последний раз и низверглась, покрывая пол мириадами осколков. Во всем доме тотчас вырубился свет. В полной темноте поэты лежали на полу, глядя на полную луну в окне. Вокруг них дивным светом сияли осколки хрустальной люстры.

Тиха и покойна была ночь. Поэт М. под обломками люстры, должно быть, сомлел, зараза. Гущин размышлял о том, что лежать ему нравится куда как больше, нежели стоять и тем более висеть на люстре. Укаченный винными волнами, он не заметил как заснул.

Сон был недолгим, но достаточно ярким.

В какой-то момент Гущину показалось, что кто-то тянет его за рубашку. Кто это мог быть? Ну, разумеется, М. проснулся и взялся за старое!

Не желая быть выброшенным из окна, Гущин долбанул со всей силы по тянущейся к нему руке и тут же получил такой меткий удар по почкам, что сны как-то сами улетучились.

Рука, которую ударил Гущин, оказалась рукой милиционера…

Злоключения поэта Жемчугова

В тот же день, по странной прихоти судьбы, в том же старом доме на Невском произошло еще одно приключение, связанное с поэтом, которое чуть было не закончилось трагично.

Молодой пиит из Ростова, некто Жемчугов, пребывая в жесточайшей депрессии по поводу невозможности перещеголять в словотворчестве М., решил покончить с жизнью. Но как? Не вешаться же, в самом деле? Не резать вены…

Подумав немного и прикинув, в каком виде будет найден немногочисленными друзьями, удумал травиться.

Пошел и прикупил в ближайшей коммерческой аптеке снотворного. И этим бы и закончилась наша история, но, пребывая в тяжелом расположении духа, Жемчугов не обратил внимания на срок годности препаратов, и ему с радостью продали давно просроченный и давно дожидающийся списания товар.

Дальше больше. Поднявшись на свой чердачок (а поэтов всегда тянет к небу), Жемчугов написал несколько прощальных писем друзьям и принялся за некачественные таблетки.

Ну и горькими же они оказались, ну и противными – некогда сладкая оболочка потрескалась, а местами так и вовсе отвалилась. Словом, дрянь, а не таблетки. Любой другой человек незамедлительно вернул бы товар в аптеку или выбросил, дабы не вредить желудку, но Жемчугов о желудке не думал, с жизнью человек решил расстаться!

Каждую горькую таблетку приходилось морщась запивать чуть ли не стаканом воды, иначе организм упорно не желал принимать отраву. Так что Жемчугов умаялся к последней таблетке и уже начал жалеть о выбранном способе самоубийства.

Усталый, замученный поэт возлег на свой одр, ощущая, как черные крылья бога сна Гипноса уносят его в заоблачные дали. Он уже почти что видел райские кущи и встречающих его гурий, но…

Какая проза!

Тут Жемчугов понял, что напрасно запивал некачественные таблетки таким количеством воды…

Какая проза!

Трагедия упорно перерастала в фарс. Борясь со сном, Жемчугов добрался до туалета, невольно удивляясь, с каким живым, всесокрушающим напором хлынула из него жидкость.

Вдруг помыслилось, что с такой же силой должна бурлить в нем творческая активность. Что он еще не все написал, не все проиграл. В этот момент его посетила строчка, достойная пера

великих и уж точно на порядок лучше всего, чего уже написали М. и его неугомонная компания.

Держась за стену, Жемчугов добрался до комнаты, взял ручку и, превозмогая себя, полез в ящик стола за блокнотом. Чудесная фраза звучала в ушах с такой четкостью, словно кто-то шептал ее на ухо Жемчугову.

Но едва он нащупал блокнот, в соседнем подъезде поэт М. свалил люстру и вырубил во всем доме свет!

На следующий день сияющий, отоспавшийся М. и побитый и непроспавшийся Гущин возвращались из вытрезвителя. Навстречу им шел мрачный, всю ночь мучимый промыванием желудка Жемчугов.

Вопреки ожиданию Жемчугов помнил пригрезившуюся ему ночью великолепную фразу, но… наутро выяснилось, что эта фраза из известного стихотворения М.

Жемчугов решил, что двум гениям в одном городе не жить, и уехал.

Еще о пьянстве и приколах

У «Митьков» был такой прикол: собирается митек в гости к девушке, берет с собой бутылку портвейна или чего покрепче и всю ее выдувает, прежде чем позвонить в дверь к избраннице.

Входит еще на своих ногах, опьянения не заметно, не качается, язык пьяно не заплетается, слово «Гибралтар» без усилия произнести могёт. А то, что чуть-чуть пахнет от него приятным винцом или коньячком, так это еще не перегарище.

Осмелевшая девушка впускает гостя в комнату, можно сказать, тверезого мужчину, а пока чашки на стол ставит или букет в вазу пристраивает, его и развезет совсем.

Как говорят люди, близко знающие последователей бородатого Димы Шагина, митек – божье существо. Он во все времена чудес ждет.

Выдует бутылочку и ждет... Не приходят… Буль, еще одну…

Ждет митек чудес. Ждет-пождет. Пришли, родимые!... О!..

А потом все остальные ждут пока они, чудеса эти, закончатся…

Авторитет русского театра

– Когда мы приехали в Македонию, там уже знали о русском театре, так как до нас здесь побывал МХАТ, – рассказывает театральный режиссер Вадим Максимов.

– Ну и как же вам театр? – первым делом поинтересовался у местной администрации Вадим Игоревич.

– О, это такой театр! Такой замечательный театр, – закатывает глаза художник театра, в который Максимов был приглашен в качестве режиссера для постановки спектакля. – Такой театр! Один только его главный режиссер целого театра стоит. Такой великий, такой выдающийся человек. Олег Ефремов!

– Чем же он вас так поразил?

– Ах, такой великий, такой сильный человек. Я сейчас расскажу вам одну историю, так вы сами поймете, что это за человек!

А было это так. Когда в Македонию приехал московский МХАТ, сразу же начались застолья, ракия лилась рекой, а великий режиссер и вся его труппа пили ее бутылка за бутылкой. Ни один македонец так не может пить.

– …Но дальше было самое замечательное. Наутро мы явились в гостиницу, где изволили почивать великий режиссер. И вот мы видим, что он сильно пьян и просто не может встать. И вот он тянется куда-то рукой. Кто-то из наших догадывается, что умирающий просит воды. Тут же из графина наливается стакан воды, подносится к губам Ефремова, но…

И тут самое удивительное: вдруг этот великий человек отталкивает руку со стаканом, как-то умудряется подняться на ноги, качаясь, доходит до холодильника, достает оттуда бутылку русской водки, наливает себе полный стакан, выпивает и…

И представляете, ему полегчало!

На такое может быть способна только по-настоящему выдающая личность. На самом деле великий человек!

С этого эпизода авторитет русского театра в Македонии стал легендарным.

Попутался…

Было это в 1982 или 1983 году, точнее уже вряд ли кто-то скажет, ну да и неважно на самом деле. Проходил какой-то очередной сходняк в Союзе писателей, куда забрел Дмитрий Вересов. Не сам забрел, а прибыл по личной просьбе поэтессы Галины Гампер в качестве сопровождающего ее лица.

Довез, до зала доставил и, как водится, пошел с народом пообщаться да выпить и закусить чем бог послал.

Оглядывает публику, все чин чинарем. Народ тусуется, пьет, знакомых приветствует. В общем, ничего особенного. Ничего необычного, за исключением странного факта. Все выпивающие как один непременно подходят к северного вида незнакомому человеку и, чокнувшись, выпивают рюмку с ним.

Человек семь сменилось, а он невозмутимый и спокойный, на своем месте, не качнется, не шелохнется. Знай водку в себя заливает и на приветствия кланяется.

Потом всех в зал пригласили, все пошли, а таинственный незнакомец привстал, качнулся, и все с тем же каменным, невозмутимым лицом бряк под стол.

Видать, и его достал змий зеленый.

Доел свой бутерброд Вересов и в зал за всеми поспешил. Глядь, что такое – на сцене стоит все тот же северный мужик и с самым невозмутимым и спокойным видом что-то вещает. При этом трезв как стеклышко, язык не заплетается, и сам не качается.

Дмитрий обратно в банкетный зал. Лежит северный воин. На том же месте, где сразила его проклятая. В зал – как ни в чем не бывало загадочный тип рассказывает что-то со сцены.

Хоть бросай все и беги в дурку сдаваться!

Потом выяснилось, что сраженный Бахусом был Иван Шесталов, а выступающий на сцене Юрий Рытхэу. Просто они похожи друг на друга, точно двойники.

Глиняный шар

Рассказывает писатель-фантаст Андрей Дмитриевич Балабуха.

В девяностом году теперь уже прошлого, двадцатого века проводился Соцкон – конвент любителей фантастики социалистических стран. Местом проведения был выбран поселок Коблево, что почти посередине между Николаевом и Одессой. Как водится, арендовали турбазу, которая, заметим, была построена на террасированном склоне, круто спускающемся к морю.

В назначенный день на конвент съехалось множество народу.

Вечером Андрей Дмитриевич с московской редактрисой из издательства «Мир» спустились к морю. Зрелище было завораживающее. На западе еще виднелась темно-багровая полоска, но все небо затянули иссиня-черные тучи, усиливающийся ветер гнал на берег совершенно черные (так вот оно почему Черное-то море!) волны, и от их пенных барашков исходило необычайной силы бирюзовое свечение – хоть газету читай. Наверное, окажись на месте Балабухи более прагматичный человек, он задумался бы: а вдруг это что-то да значит? Но у поэтов свои законы мироздания, и бирюзовый свет для них – еще один повод сочинить новое стихотворение, придумать фантастический подводный мир, живущий по законам движения струн Нептуновой арфы, или повод задуматься о том, что древнее море хотело этим самым поведать писателю и поэту.

Море же пыталось предостеречь о надвигающей грозе, которая разразилась через пару часов после того, как Балабуха и его спутница, слава Богу, покинули берег.

О, это была незабываемая страшная гроза: казалось, дождь не начинался, как это обычно водится у дождей с одной капли, а упал весь и сразу, обрушившись на крыши и водостоки, заменив собой на несколько часов воздух.

И в итоге склон, на котором возведены были здания турбазы, размяк и поплыл, так что вся территория оказались под двадцати-, а где-то и под семидесятисантиметровым слоем жидкой глины.

Сразу же вышли из строя водопровод и канализация, по территории можно было передвигаться только по деревянным мосткам, спешно переброшенным работниками турбазы и приехавшими на конвент писателями от крыльца к крыльцу, и к превратившимся в своеобразные дорожки широким парапетам, венчающим каменные подпорные стенки террас.

Из окна своего номера, который они делили с редактором

«Уральского следопыта», критиком и историком НФ[41] Виталием Бугровым, Андрей Дмитриевич разглядел трубу теплотрассы с краном. Тут же созрел план воспользоваться хотя бы этой водой. Они вдвоем отправились по перекинутым через глиняный разлив доскам в кухню, где раздобыли здоровенный бак. Этот бак с превеликим трудом удалось заполнить ржавой, вонючей жидкостью из теплотрассы, но в итоге их номер оказался единственным, где все-таки можно было пользоваться туалетом, – благо, распространенное и на троих фэнов, героически помогавших волочь бак на третий этаж.

Потом был совершен налет на бар, где они скупили всю минеральную воду: соленая или кислая, с газами и без – вся она без остатка пошла на приготовление чая и кофе, без которых пришлось бы плохо.

К слову, воду дали только через пару дней, так что труды отнюдь не пропали даром.

Кстати, о фэнах. Надо сказать, по конвентам ездят не только писатели с издателями; рядом с ними плечом к плечу собираются любители фантастики, благородные представители фэндома – фэны.

Об одном из таких подвижников-фэнов и пойдет наш рассказ. О легенде фэндома Борисе Завгороднем по прозвищу Завгар, о котором писатели, если их как следует попросить, подчас рассказывают невероятные легенды. Кем только ни являлся в писательском воображении Борис Завгородний, общепризнанный Фэн № 1. Его называли тайным масоном, агентом спецслужб, гипнотизером, инопланетянином…

Впрочем, что можно сказать о человеке, в военном билете которого в графе «военная профессия» значится таинственное: «стрелок из кривоствольного пулемета»? Что это такое? Порой не знают даже военные. Неужели для стрельбы из-за угла? А такое бывает?

– Не из-за угла, а из укреплений, – смеется Андрей Дмитриевич.

На самом деле, это не страшно, что я не знаю. О подобном вообще мало кто слышал, так что Борису приходилось таскать с собой каталог стрелкового оружия, который он демонстрировал в качестве доказательства своей правоты.

Впрочем, история, о которой поведал мне Андрей Дмитриевич Балабуха, произошла на затопленной жидкой глиной турбазе, превратившей уютное и милое местечко по меньшей мере в зону, достойную самого изощренного сталкера братьев Стругацких.

Столовая размещалась на стилобате (так в античной

архитектуре называли верхнюю поверхность ступенчатого цоколя храма, на которой сооружалась колоннада) – несколько ступеней вверх, высокое крыльцо. Террасы, как уже говорилось, ограничены каменным парапетом. С парапета до крыльца перекинуты доски.

Выбрав удачное время, когда сытые и довольные писатели после завтрака мирно перекуривали, обсуждая последствия стихийного бедствия, еще не отошедший после вечерних и ночных возлияний Завгар вдруг взгромоздился на этот самый парапет, показывая жестами, что желает произнести речь.

– Ребята, послушайте, что я вам сейчас скажу! – весело начинает Борис и… делает шаг назад.

Со странным чавкающим звуком тело шмякается в жидкую глину и, барахтаясь, начинает сползать вниз по склону. Несколько человек бросаются к откосу, но чем тут поможешь?

На глазах у испуганных и изумленных фантастов к морю катится все увеличивающийся и увеличивающийся шар, который, стремительно добравшись до воды, остановился в шаге от ее границы, чинно ожидая спешащих по лестнице спасателей.

Долго же из этого глиняного шара грязные и напуганные писатели извлекали Завгара.

Кто до чего допивается

Кто-то допивается до чертиков, кто-то до зеленых человечков, а вот Борис Завгородний умудрился допиться до Балабухи, даже не до одного, а до двух.

Как это понимать?

А вот так.

– Как же я вчерась нажрался, как нажрался… – жалуется с перепоя Борис Андрею Балабухе.

– Так не впервой же, Боря, – пытается утешить его друг.

– Не-а, так – впервой. Лежу у себя на кровати и вижу: два Балабухи в дверь заходят!

– А когда это было? – настораживается Андрей Дмитриевич.

– Да вчера, ближе к ночи, – продолжает стонать Борис.

– Нет, дорогой. Не то, что ближе к ночи, я вчера вообще к тебе не заходил!

Да, получается, что в тот день Фэн № 1 просто фантастически нализался, потому что когда в глазах с перепоя двоится, это, можно сказать, в порядке вещей. Но вот когда двоится галлюцинация…

Одно слово – напился до полного Балабухи!..

О том, что может вытечь из заурядной драки по пьяному делу

У творческих людей все должно быть по-особенному. Как в каком-то телефильме: «У нас, царей, все не как у людей». Вот и фантаст или, скажем, правильный фэн, ежели и нажирается, то и ведет себя не как нетрезвый грузчик или, скажем, продавец мороженого, а по-особенному – широко, фантастично.… Во всяком случае, хочется в это верить.

Один по пьяному делу читает лекции о всемирной литературе бомжам и забулдыгам, другой спешно открывает третий глаз и начинает вещать оттуда волю Всевышнего, третий с упоением рассказывает о двадцатитомнике Роберта Хайнлайна, по черному корешку которого от первого до последнего тома летит в неведомые дали золотой дракон (работа художницы Яны Ашмариной).

Томов, правда, издали всего шесть или семь, прищемив дракону хвост и не выпустив его таким образом из виртуальной реальности в наш мир, но поговорить о драконе фантасты и фэны всегда рады.

В 1993 году в Екатеринбурге проходила очередная «Аэлита», на которую съехались со всей необъятной, писатели-фантасты. Заселяли писателей в гостиницу «Большой Урал» – жуткая гостиница с совершенно неухоженными, неустроенными, похожими на казармы номерами. Впрочем, сказать «неухоженными» – ничего не сказать. В номере, доставшемся Андрею Дмитриевичу Балабухе, вообще света не было.

Впрочем, этим советского человека не удивишь, и Балабуха как опытный командировочный неизменно таскал с собой лампочку, которую и ввернул тут же на глазах у «изумленной публики».

На этой «Аэлите» Балабухе вручали Ефремовскую премию, так что повод присутствовать был достойный.

Ну, устроился худо-бедно, со знакомыми поболтал, с кем-то познакомился, новостями обменялся и спать.

Часа в два ночи – звонок.

Что такое? Вроде никому этот номер еще дать не успел.

Срочно нужно бежать, выручать из милиции великого фэна Шуру Олексенко, который, по словам участкового, ни много ни мало вступил в бой с местным казачеством и вроде как даже одержал победу.

Диво дивное! Какие такие казаки? Откуда он их выкопал? А

раз бой был, отчего друзей на подмогу не позвал?

Выясняется, что Александр Олексенко в поддатом состоянии пошел гулять по городу. И на вокзальной площади взору его предстала дивная картинка: молодой казак не более чем двадцати лет от роду весь из себя при погонах, Георгиевских крестах, с шашкой да на лихом коне мирно двигался куда-то по своим казачьим делам.

«Этого не может быть», – решил про себя Олексенко, протирая пьяные глаза. Но образ не исчез, а наоборот сделался еще отчетливее.

Никакой ошибки или галлюцинации, неведомый юноша действительно мирно гарцевал по площади, побрякивая дедовскими крестами.

И тут Шуру проняло. Он бросился на вооруженного казака, требуя немедленно дать исчерпывающий ответ: кто он такой, какое отношение имеет к этим крестам и к этой форме? Что он делает в местности, где его вообще не должно быть?

В порыве благородного негодования он стащил пацана с коня и, разоружив его, хотел уже наподдать, как вдруг на место потасовки прибыла доблестная милиция и обоих оттащили в кутузку.

К утру добравшимся до отделения писателям удалось-таки как-то отмазать приятеля, забрав его с собой в гостиницу.

Но этим дело не кончилось, и Олексенко как человек основательный взялся доказывать всем, насколько он был прав. Доказательства были собраны, и Олексенко защищал себя перед фэндомом в течение целого месяца, выкладывая в деталях историю казачества, историю формы и погон и в результате убедительно доказав, почему именно этой формы и этих казаков на Урале не могло быть в принципе.

– Забавное дело, – говорит Андрей Дмитриевич, – я сильно подозреваю, что до стычки с казаком таких глубоких познаний у Шуры не было. Стало быть, не всегда пьяные потасовки приводят к чему-то плохому. Бывает и совсем по-другому.

Пост

Однажды писателю Дмитрию Вересову спешно потребовалось добраться до столицы. Купейных вагонов как назло не было, остались только дорогие SV, но да что мелочиться, когда по настоящему надо.

И так получилось, что в одном купе с ним возвращался в Москву Никита Сергеевич Михалков.

Как обычно это бывает среди творческих людей, слово за слово, вспоминая друзей и общих знакомых, Вересов накрыл на стол. Вытащил из пакета заранее приготовленную в дорогу курочку, бутерброды с ветчиной.

Была еще подарочная бутылка водки, специально для друзей московских приготовленная, ну, да войдут в положение друзья: не каждый же день с Михалковым вот так запросто общаешься.

– Вот, Никита Сергеевич, не хотите? Курочка есть, бутерброды с ветчиной, водочка?

– Нет, что вы, пост.

Сидят, Вересов ужинает, Михалков смотрит. То в окошко, то на бутылочку, то в окошко, то на бутылочку.

Потом произносит великолепную фразу:

«А кто сказал, что ее из мяса делают? Наливай!»

Операция «Хрусталь»

До отъезда с семинара молодых писателей-фантастов, проходящего в Дубалтах, оставался целый день! Нестерпимо долгий, унылый, скучный день!

А финансы у всех подошли к нулю.

Что делать? Что-что – бутылки сдавать.

Сказано-сделано. По закоулкам поскребли, по антресолям помели, под кроватями и под столами пошарили, и в результате получилась несколько увесистых пакетов. Обрадовались фантасты, погрузили на себя поклажу и тихонько, пока народ не прочухал, чем председатель ленинградского клуба любителей фантастики Александр Сидорович[42] и два студийца Михаил Веллер и Андрей Измайлов занимаются, погребли в пункт приема стеклотары.

Дотащили, выставили на прилавок. А приемщиком стеклотары спокойный и холодный, «как айсберг в океане», прибалт.

И вот берет он заученным движением бутылку, тщательно ощупывает ее горлышко, и коли нормально все и изъянов не наблюдается – принимает, а коли скол какой обнаружит – равнодушно сообщает: «Бит-тая».

Потом к следующей, снова щупает, принимает, в свой ящик ставит, и за новой. Звяк, звяк, вдруг снова – бит-тая.

Звяк-звяк, – бит-тая, и еще бит-тая, звяк-звяк – пол-ная.

– Ну, ничего себе, допились, – смеется Сидорович, – это мы ему не заметив полную бутылку коньяку сдавать принесли!

Забрали непочатую бутылку, прикупили еще, и все началось сначала.

Эзро

Мою первую книгу стихов я выпускала в издательстве «Борей». Называлась она «Глаза пустоты», тридцать две странички стихов на бумаге цвета мороженого черная смородина с белой ванильной обложкой и с моей фамилией.

Единственный рисунок в начале книги на титуле – мой портрет-почеркушка, нарисованный Анатолием Кудрявцевым на кухне в первый день нашего с ним знакомства.

Очень похожий, но отчего-то безглазый – слепой портрет. Отсюда и название книги «Глаза пустоты», и еще потому, что жутко это, когда пустота на тебя реальными глазами таращится.

Забрала я тираж, и сразу же на Пушкинскую, 10, к администратору Меланье (Люде Воронцовой). Где, спрашиваю, книжку мою первую можно выставить? В каких магазинах, чтобы люди читали.

А она вместо того, чтобы поддержать мудрым советом, взяла и обсмеяла меня:

– Первую книжку продать? Рехнулась? Да кто тебя купит? Тебя никто не знает. Вот сделай презентацию, народ коньяком залей, бутербродами закорми, потом каждому книжечку с личной подписью подари. Вот тогда кто по пьяному делу твои стихи в первую же урну не выбросит, то, может, и прочтет стихотворение или два».

Обиделась я на Меланью и решила ей назло весь тираж продать.

Ну, весь не весь, а процентов девяносто я точно распродала. Ходила по магазинам, кинотеатрам, с вахтершами разъяснительные беседы вела. В общем, работала. Тяжело это было невероятно – себя хвалить. И то, моя книжка стоила по тем временам 1000 рублей – 32 странички тиражом 200 экземпляров. Столько же, сколько хороший глянцевый «кирпич» известного автора.

Все равно продала. Добрые люди помогли – магазин «Эзро» Виктор Рыцарь открыл, вот я туда и кинулась. Девушка-продавщица книжечку взяла, велела перезвонить. Перезвонила – взяли.В «Эзро» затем уже без дополнительных вычиток и проверок пошли мои первые книжки, книжки моих друзей и коллективные сборники, которые мы делали.

Я же время от времени приобретала там что-нибудь новенькое и интересненькое и в почти каждый свой приход в магазин традиционно покупала один экземпляр «Сердцедера» Бориса Виана. С «Сердцедером» я ходила на свидания, встречи.

Это был мой традиционный подарок; зная о такой моей причуде, продавщица всегда держала один экземпляр специально для меня.

Наши книжки продавались, и я тут же приносила новую пачечку. Казалось, что не будет конца этому празднику жизни, но увы.

Однажды мне позвонили из «Эзро» и сообщили, что на магазин то ли совершен налет, то ли произошли иные разборки. Но суть в том, что книги выброшены из помещения прямо на землю и теперь по ним ходят ногами.

Сообщение поступило ночью, и я еле дожила до утра, чтобы сразу же кинуться на выручку своих книг. Помню, что в тот день выпал очаровательный белый снежок, и к тому времени, как я добралась до Правды, 8, где размещался магазин, земля была укрыта белым пушистым одеяльцем, а на крышах и ветвях деревьев красовались белые шапочки.

Прихватило сердце, однако я кое-как добралась до места. К чести моей мамы хочу сказать, что она пыталась поехать со мной, но мне нужно было сделать это одной. Я просидела ночь перед окном, почти физически ощущая, как мерзнут на улице мои стихи, как кто-то наступает на мои книжки, как…

Чуть ли не на коленях я обползала дворик, но ни одной книжки под снегом не было. Я уже добралась до дома, когда из «Эзро» снова позвонили. Оказывается, Виктор Рыцарь совершил поистине рыцарский поступок и, явившись во дворик еще вечером, забрал выброшенные книги и отвез их в новое место. За все испорченные экземпляры мне обещали заплатить и действительно заплатили, «Эзро» же переселился из крошечного подвальчика в роскошный магазин.

Правда, опять же ненадолго. Говорили, что Виктора замучил рэкет, что помещение и книги арестованы и их уже не удастся получить.

Через много лет мне рассказали, что Виктор Рыцарь с женой, спасаясь от бандитов, были вынуждены эмигрировать в Израиль.

У меня и у моих знакомых в арестованном и таком любимом магазинчике «Эзро» пропали книги, но неприятного осадка не сохранилось, были только благодарность к добрым, предоставившим нам, начинающим поэтам, кров и заботу людям и беспокойство об их дальнейшей судьбе.

Виктор Рыцарь

Моя новая встреча с Виктором Рыцарем произошла в Интернете, причем совершенно неожиданно для меня самой. Я искала хоть какую-то информацию о магазине «Эзро» для этой книги и вдруг набрела на пост в ЖЖ[43], в котором говорилось о «Сайгоне», парке у «Эльфа», и вскользь упоминалось «Эзро».

Я начала читать ответы. Полемизировали два человека, оба под никами, точно под масками, хозяйка странички умно и важно отвечала на задаваемые ей вопросы, гость вежливо выдавал свои версии происходившего, то и дело извиняясь и ссылаясь на плохую осведомленность.

Попутно они пытались выяснить личность друг друга, не желая снимать собственную маску. Их выложенный в общем доступе разговор заинтересовал меня, так что в конце концов из двух говоривших я выбрала того, кто пришел на страничку, как и я, гостем. Представившись и рассказав о своем проекте, попросила поделиться материалом о том времени и об «Эзро». Ответ пришел, пока я пила на кухне кофе.

Точнее, это был не ответ, а Интернет-адрес и ссылка на страничку «В Контакте», на которую меня приглашали зайти. Я тут же щелкнула по предложенной ссылке, и передо мной появился Виктор Рыцарь!..

О куртуазности

Акция «Поэты в метро» проходила под эгидой британского консульства. На стеклах вагонов метро прикрепили полупрозрачные плакаты со стихами, множество народу было занято переводами английских текстов, кто-то спешно рылся в своих архивах, силясь отыскать хоть что-то, что можно хотя бы с натяжкой отнести к теме «метро», кто-то спешно писал новенькое.

Мероприятие было приурочено ко дню рождения Пушкина – 6 июня. Планировались праздник и праздничный фуршет. Последняя новость особенно грела сердца участвующих. Тем не менее, далеко не все желающие могли вот так запросто заявиться на мероприятие, где в этот день произносились бравурные речи, а шампанское, согласно сценарию, должно было литься рекой.

Вечером накануне проведения акции поэт М. позвонил своему другу поэту Александру Гущину, у которого действительно было несколько стихотворений про метро, а значит, он был не совсем «левым» человеком на этом празднике жизни.

Он так и сказал:

– Выпить хочешь?

Почему-то все остальные доводы в пользу поэтов и метро куда-то делись на фоне блестящей возможности надраться на халяву.

– Всегда рад, – в тон ему ответил Гущин. И они договорились встретиться в одиннадцать часов на станции метро «Пушкинская». Само мероприятие должно было начаться только в полдень, но М. рассудил, что чем раньше придешь, тем легче будет оказаться поближе к фуршету.

Все колонны на «Пушкинской» в тот день были обтянуты красной лентой, так что станция оказалась зрительно поделена на две части: в одной, ближе к памятнику, проходил праздник и работало телевидение, в другой протекала обычная жизнь метрополитена. Кроме того, возле каждой колонны охраняемой зоны торчало по одному милиционеру.

– Солидно, – подумал Гущин, ища глазами М., но приятеля, как всегда, не было на месте. Меж тем служители порядка тоже внимательно разглядывали поэта, готовые в любой момент изгнать его, не допустив до заветных напитков. На счастье Александр приметил в толпе приглашенных знакомое лицо и тотчас был пропущен за красную ленточку. А тут и М. подоспел.

– Сейчас вынесут шампанское, ты главное не зевай. Бери два стаканчика или больше, а то потом разберут, – зачем-то проинструктировал он приятеля.

Стаканчик за стаканчиком, поэты быстро утолили жажду, наблюдая за очередным оратором, когда вдруг в подземелье «Пушкинской» спустился сам английский министр труда.

Широко улыбаясь, он произнес речь, которую, впрочем, никто не собирался переводить, так как к моменту приезда министра все уже были порядком навеселе и оставалось лишь догадываться, кто из достигших нирваны должен был толмачить.

В конце концов министр закончил речь и отправился общаться с гостями. К радости собравшихся это был весьма словоохотливый джентльмен, который нашел в уже умиротворенном М. и мило улыбающемся Гущине отличных слушателей.

Общение проходило так: министр говорил фразу, после чего, в зависимости от настроения, М. говорил либо «йес», энергично кивая при этом головой, либо категорически выражал протест, громко выдыхая «ноу». Других слов на аглицком М. в ту пору не знал.

Когда же весьма довольный общением министр собрался покидать праздник, он в компании М. подошел к памятнику, коротко и чинно поклонившись великому Пушкину. После чего развернулся и направился к выходу. М. тоже поклонился каменному поэту, прихватив при этом корзину с белыми розами. Аккуратно ступая след в след, он пошел за английским министром, вынося свой трофей.

С точки зрения милиции и начальства метрополитена это, должно быть, смотрелось вполне логично. Идет министр, за ним несут цветы. С цветами пришли, с цветами и ушли.

Се ля ви, как говорят французы.

– Как ты мог у Пушкина цветы украсть?! – выговаривал приятелю идущий рядом с ним и готовый в любой момент вступиться за непутевого друга Гущин.

– А живому поэту цветы нужнее, чем мертвому, – отмахивался от него М. – Я розы жене подарю. Вот она обрадуется!

Но до жены М. они не дошли, так как дорога почему-то свернула вдруг в продуктовый магазин, выйдя из которого М. рухнул на траву, не в силах сделать больше ни одного шага.

Так что делать нечего, весь оставшийся путь до квартиры Гущину выпало тащить на себе и здоровенного М., и корзину цветов.

Да, в тот день, М. показал себя как галантный кавалер и куртуазный рыцарь, принеся любимой целую корзину белых роз.

Впрочем, если разобраться, Гущин был более галантным и куртуазным, ибо принес и рыцаря, и цветы.

Конференции молодых поэтов в Союзе писателей России

Сюда я прибредала чуть живая после ночной работы на дискотеках. Слава Богу, если удавалось душ принять да в чистое переодеться. Ночевала у знакомых в центре города, потом с утра отправлялась на Желябова, где велись активные обсуждения молодых авторов.

Над дверью в подъезд, в котором на четвертом этаже располагался, да и располагается ныне Союз писателей России, красуется выразительная надпись «Штампы и печати» – интересно, сами поэты-писатели это замечают или только я вечно подмечаю разные несоответствия? Хотя как знать, может быть, на этот раз название и содержание находятся в гармонии.

Просила жюри разобраться со мною поскорее или хотя бы сообщить, в какой день состоится экзекуция, но те молчали. Еще бы – только попробуй, скажи, кто и когда, – народ будет приходить только на собственное обсуждение и на конференциях можно смело ставить крест.

Мои стихи были отложены для показательного разбора в самую последнюю очередь. Сначала председательствующий Сабило[44] долго и с видимым отвращением крутил в холеных белых ручках представленные мною отлично сделанные сборники стихов. Крошечный подарочный формат, твердая обложка, золотое тиснение, глянцевый суперок, все книжки в изящной графике Калягиной или Зартайского, с матерчатыми закладочками – мечта любого поэта.

Возможно, о чем-то подобном мечтали и члены комиссии. Мечтали, но нет, чтобы спросить меня, в какой переплетной мастерской так выполняют заказы. Неужели я стала бы противиться? Сама бы за руку привела к мастерам, тем тоже приятно, клиент лишним, как известно, не бывает, так нет – не спросили. Вместо этого решили разгромить.

Поэтому первое, к чему придрались, было издательство «Борей», в котором означенные издания были зарегистрированы и где делались оригинал-макеты.

– Борей! – скривился Сабило. – Все понятно, креатура Айги[45].

– Айги? – с удивлением переспросила я. Имя замечательного поэта Геннадия Айги на тот момент мне было еще не знакомо.

– Не только Айги – Арсен Мирзаев, журнал «Сумерки»! Дмитрий Григорьев[46] и Земских[47], кажется, Валерий… М-да, ну

и что, с такими рекомендациями вы хотите попасть в Союз писателей?

– В Союз? – я немного обалдела от столь лестного предположения.

– Собираетесь, – отрезал председатель, – сначала участвуете в издании всякого бреда, думаете о фестивале верлибра, которого на Руси-матушке никогда не было, а потом лезете в приличное место.

К слову, на Руси все былины были построены в форме белого стиха, стихи с рифмой и ритмом – так называемый польский стиль или польские стихи пришли к нам во время правления царевны Софьи и прижились благодаря стараниям, в частности, духовного писателя Симеона Полоцкого и придворного поэта царевны монаха Сильвестра Медведева[48].

– Что же, читайте то, что приготовили, – председатель сделал обреченное лицо, подперев щеку и, как мне показалось, закрыв правое ухо.

Дальше мне велели стоять, пока приглашенные критики будут разбирать мои стихи. Впрочем, я не просто так стояла, а переписывала на первый подвернувшийся на столе Сабило листок бумаги имена, которые, по мнению председателя, я вроде как должна была знать, но убей бог, не знала.

Первое же критическое замечание поразило меня в самые печенки: «отсутствие в стихах рифмы»! И это в верлибре-то?

Дальше было круче.

В конце обсуждения меня попросили сказать свое слово, я поблагодарила за высказанное мнение, заметив, что у меня есть свое.

Обсуждение закончилось. Выбравшись из страшного места, над которым довлела надпись «Штампы и печати», я направилась к «Борею», на ходу разворачивая нечаянно стибренный у жюри листок с именами тех, в связи с которыми меня уличали. Надо же было хотя бы узнать – за что пострадала?

Любопытно: с другой стороны листок был до последнего миллиметра заигран записями игры «наборщик», это когда из букв одного слова составляются другие слова. Должно быть, кто-то из членов жюри забавлялся так во время конференции. Тоже люди, можно понять.

Наташа Филиппова

На той же конференции я познакомилась с Наташей. Старше меня на несколько лет, она, стесняясь, читала свои детские стихи. Кстати, основная претензия к Наташе заключалась именно в несерьезности выбранной темы. Впрочем, именно тогда по этим невинным стихам я ее и запомнила, в то время как другие поэты почему-то вылетели из памяти почти все.

Да и с Наташей мы, честно говоря, не обменялись тогда телефонами и наши пути разошлиьс на на пару лет.

В следующий раз мы увиделись на заседании Межрегионального Союза писателей, куда обе вступили.

Тихая, спокойная, она сидела обычно на вечерах того или иного поэта, изредка высказываясь по поводу услышанного.

Наташа жила какой-то странной, необыкновенной жизнью. И если я до сих пор так и не научилась понимать, о чем говорят стрелки часов, Наташа времени не наблюдала вовсе. Она спала, когда уставала, и поднималась, когда спать больше не хотелось.

Например, она могла запросто позвонить председателю Союза писателей в четыре часа утра, как ни в чем не бывало почитать ему свои новые стихи, вперемешку болтая о житейских трудностях и обсуждая недавно увиденную по телевизору рекламу.

Когда же после двух-трех прозрачных намеков тот говорил ей, что негоже-де беспокоить людей в такое время, Наташа с удивлением спрашивала: «В какое»? – на ее часах стрелка была напротив цифры «4», – «Ты что, обедаешь?»

– Какой обед? Четыре часа утра!

– Да?

Наташа извинялась, клала трубку и с неделю не беспокоила своими стихами Евгения Раевского[49], временно перекинувшись на другие, более терпеливые уши.

Из-за разницы в личном времени Наташи и всего остального мира поэтессе приходилось несладко. Говорили, что Филиппова была замечена приходящей невозможно ранним утром на заседания Союза и, естественно, сталкивалась с закрытыми дверями.

Поэтому, если ей все же удавалось синхронизироваться со всем остальным миром, нередко она чувствовала себя так, будто вот-вот заснет. Поэтому с собой она всегда таскала банку растворимого кофе и фляжку с коньяком.

Утверждали, что ее странности усилились после мучительного по своему эмоциональному накалу и длительности

разводу, после которого Наташе следовало бы найти новых друзей или любовь, включаться в работу или даже общественные дела, лишь бы не сидеть дома одной или наедине с мамой. Но… поэты – особенные люди, они не могут не писать, они принадлежат другому миру, и этот мир решительно предъявляет на них свои права.

Сообщение о внезапной трагической смерти Наташи Филипповой повергло ее друзей и знакомых в шок. Как объявили, Наташа мыла окно на лестничной клетке и случайно выпала из него.

Наверное, это всегда так: когда умирает кто-то, кто, казалось бы, должен жить по определению, хочется найти виновного, как-то оправдать случившееся.

Вместе с Сашей Смиром мы посмотрели в Интернете сводку погоды в Питере в день смерти Наташи – в этот день были ливневые дожди. Сколько мою в доме окна, никогда не делала этого в дождь, так как остаются жуткие разводы. Тем более ни разу в жизни не мыла окна на лестничной клетке! Не делала сама и никогда не слышала о чем-то подобном от других людей…

Поговаривали, что Наташа сама выбросилась из окна, не в силах пережить разлуку с любимым человеком. Так ли это? Кто знает? Большинство поэтов – непредсказуемые люди. Люди, к которым невозможно подойти с готовым шаблоном.

По поводу смерти поэтессы каждый выбрал более удобное ему решение. Но, мне кажется, истины не знает никто кроме Бога, а он, по слухам, если что, снисходителен к поэтам…

Бог и поэты

…Бог снисходителен к поэтам. Что же, очень может быть. Говорят, что Творец создал для того, чтобы ему было с кем разговаривать на земле.

Маленький клоун-мим Коля Никитин смотрит из темноты крошечного зала за моим танцем на сцене. Потом поднимается с места, подходит ко мне, садится на корточки.

– Не так… Всё не так!. Я же заранее понял, что ты сейчас станцуешь, что скажешь. Ты должна быть непредсказуема, чтобы не быть пойманной.

Его глаза печальны, но не пусты.

– Вот смотри, все смотрите, – он призывает внимание и без того уставившихся на него актеров (это ведь он на репетицию вперся, мсье бесцеремонность, но ему можно). – Вот что я вам сейчас покажу…

Никитин вытаскивает из кармана красный мячик, встает во весь свой рост. Красный детский мячик полыхает в его скрюченных пальцах. Какое-то время Коля напряженно смотрит на мяч, а потом его руки раскрываются, мяч летит на пол, а Колино лицо вдруг начинает светиться.

И вот мы уже не смотрим, достиг ли красный мяч пола, а как дураки пялимся на худое, морщинистое лицо старого пьяницы – лицо, освещенное внутренним огнем.

Какое-то время длится непонятная магия, после Коля резко сводит ладони хлопком.

– Вуаля!

Глиняный шар с живым, бьющимся человеческим сердцем проскальзывает сквозь пальцы держащего его бога и летит с хлюпающим звуком вниз, вниз, вниз…

Из своего окна в танце, прыжке, пируэте срывается поэтесса.

А над всем этом сияет лицо клоуна Коли, и летит птица Сирин…

Шоу на Северном полюсе

Перед майскими праздниками партнер раскручивал проект эротического шоу в сибирском городе Надыме.

Долгое время остававшийся на положении закрытого города, Надым спешно приобщался к цивилизации и желал увидеть нечто новенькое.

Поняв, что откопал золотую жилу, Алексей загнул цены так, что даже нестесненного в средствах продюсера из Надыма бросило в жар. Впрочем, они еще поборолись, пока Алексей не понял, что, пожалуй, перегнул палку и кошелечек на ножках вот-вот уйдет.

Тогда-то он и вспомнил обо мне: давно же замечено, что порой милая девушка без каких-либо знаний может добиться большего успеха, нежели умудренный бородатый профессионал. У меня же некоторые знания все же были, во всяком случае, собственная театральная программа с костюмами и фонограммой наличествовали.

Ко всему прочему, Алексей клятвенно обещал обеспечить меня работой. Но в последний момент решил, что поедет по клубам со своей старой программой и прежней партнершей. И он чувствовал себя передо мной неудобно.

Особо не раздумывая, я дала согласие и в тот же день встретилась с приятным молодым человеком, представившимся Гришей. Слово за слово, я пыталась прощупать тропинку к новому работодателю. Всегда же приятнее работать с другом или хотя бы человеком, с которым что-то будет связывать, нежели просто с тем, кто платит деньги и заказывает музыку.

Первым делом я постаралась выяснить, что именно мой партнер сделал не так. От этого зависело очень много, а мне не хотелось два раза наступать на одни и те же грабли.

Ничего нового. Как обычно, Алексей говорил только о себе и о деньгах. Отлично. Я перевела разговор на помещения, в которых предстояло работать, и, выяснив, что они не оборудованы для шоу, сразу же предложила заказать несколько прожекторов, сообщив, где их можно достать в Питере.

Гриша был смущен напором Алексея еще и потому, что не был до конца уверен в своей затее. Ведь мало провести кастинг, люди должны согласиться поехать в такую даль. А еще нужно создать программу из разрозненных номеров, отрепетировать со светом, нужно крези-меню наконец. Да мало ли что еще.

Опять же, легко сказать: провести кастинг. А где его проводить? Как дать знать актерам и танцовщикам? По какому

принципу отбирать? Как заключать договоры?..

Ко всему прочему, если Гриша брал на себя заботу о местных бандитах (по его словам, в Надыме проживают одни только бандиты), если он готовит местную почву, снимает квартиры, договаривается с клубами, кто-то ведь должен работать с артистами в Питере.

На это я легко согласилась. Мы тут же условились, что этим же вечером я отправляюсь с ним в Надым для того, чтобы глянуть площадки и показать несколько своих номеров перед местными толстосумами с тем, чтобы те помогли с организацией шоу.

Идея была из отчаянных, но делать было нечего. Алексей платил все меньше и меньше; стареющий танцовщик, он отчаянно пытался накопить хоть что-то, а я едва сводила концы с концами.

Дошло до того, что я начала подсчитывать копейки на метро, а маршрутки стали казаться невозможной роскошью.

Поэтому, когда Гриша предложил мне либо ехать с ним этим же вечером, либо никакого шоу не будет, я попросила у него сто долларов задатка и помчалась домой собирать вещи и перекладывать на друзей свои дела.

Деньги я отдала маме, попросив передать двести рублей в конверте одному отчаянно нуждающемуся в средствах молодому человеку, с которым мы в последнее время сдружились.

Теперь я знала, что даже если меня похоронят в этом Надыме, мама еще какое-то время продержится.

Ехать нужно было через Москву, где у Гриши была назначена встреча, а потом лететь на самолете.

На Московском вокзале у касс стояла очередь, и я честно села на лавку – охранять свои и Гришины вещи.

– Я плацкарт возьму? Ничего? – отвлек меня вопросом продюсер.

– Бери, какая разница, – пожала я плечами.

– Купейных нет, а я все-таки везу танцовщицу из самого Питера. Узнает кто дома, до смерти застремают, – покраснел он.

– Не бойся, не узнают, – вымученно улыбнулась я.

Вскоре он взял билеты, и мы направились к поезду. У нужного вагона никого не было. Улыбчивая проводница проводила нас, лизнув в спину любопытным взглядом.

Первая странность – ковер под ногами.

Непривычно, я было остановилась, но тут же подумала, что, возможно, так и надо. Давно никуда не ездила, откуда мне знать, должны быть в плацкарте ковры или нет.

Впрочем, таинственно улыбающийся Гриша вел меня по явно купейному вагону. Ага, обманул-таки. Я ответила ему заговорщической улыбкой. И он распахнул передо мной одну из

дверей.

Чистенькое купе на двоих и аккуратно запакованная еда на столе. За нами проводница несла бутылку красного вина и букет красных – нет, скорее даже черных роз на длинных лапах. Такие розы я называю бройлерами. Отчего-то мужчины очень любят дарить именно этих чудищ, избегая действительно красивых и изящных цветов.

Нет, наше купе не говорило, оно просто кричало: «Никакой я вам не плацкарт, и даже не купе, я СВ, мать вашу!»

СВ так СВ. Я открыла одну из коробок с дорожным набором вкусностей и вытащила оттуда свой любимый плавленый сыр и йогурт. Человеку, не употребляющему мясную пищу, там все равно больше нечего было жрать.

Гриша оказался по-настоящему интересным попутчиком, мы говорили о Стругацких и Желязны, о Толкине и Гаррисоне. Мучаясь от нехватки необходимых книг на Севере, он попросил меня в следующий приезд привести ему любимых авторов по списку. И еще пообещал мне показать статуэтку золотого Будды, сплавленного из различных золотых безделушек, которые Григорий покупал, экономя на школьных завтраках. Также он хотел заказать настоящие серебряные пуговицы к клубному пиджаку, герб нарисовал ему художник из Москвы, и теперь Гриша собирался блеснуть роскошью перед питерским и московским бомондом.

– Как же тихо здесь, – изумилась я. – Вот что значит СВ! Такая звукоизоляция, блеск!

– Причем здесь звукоизоляция, – хитро улыбнулся Гриша, – просто шуметь некому.

– Как это некому, а другие пассажиры?

– Ну, это уж дудки, никаких других. Я снял весь вагон.

Прикольно, он выбрасывает на ветер деньги, чтобы снять никому не нужный вагон СВ, а я считаю удачей, что если не вернусь, у мамы хотя бы на первое время будет немножко денежек на жизнь…

– Целый вагон?! – изумилась я.

– Целый вагон в вашем полном распоряжении, королева! – Гриша развалился на койке напротив меня, из распахнутой на груди рубахи выглядывал крестик.

– Ну, что же, – я обошла все купе, вытаскивая из продпайков любимый сыр и ароматные салфетки, точно такие, как дают в самолетах. Неизвестно отчего питаю к ним слабость.

А потом, попрощавшись с Гришей и пожелав ему спокойной

ночи, отправилась спать в купе по соседству.

Все-таки целый вагон в нашем распоряжении, а я почему-то должна ютиться вместе с продюсером…

Когда в контракте возникают «дополнительные условия»

– Я просил Алексея, чтобы он подобрал девушек, которые будут не только танцевать, но и… – он потупился, – работать с клиентами, – сообщил мне Гриша уже в самолете.

Я непонимающе уставилась на него. Такого договора не было.

– Он сказал, девушки нуждаются в деньгах, папа с мамой далеко, никто нанашки не даст. На месте всегда можно будет договориться.

Я застыла на месте. Эта фраза, которую я слышала много раз от моего партнера, когда он рассказывал о своих прежних партнершах, оставивших его ради сольных проектов, звучала с теми же самыми характерными особенностями. Слово «нанашки» так он вообще произнес в точности как Алексей. Не слово, а два звонких шлепка.

Раньше я не понимала, почему все девушки бросали Алексея в среднем через год после начала совместной работы. Думала, что дело в деньгах, платил он действительно невероятно мало для такой работы.

Теперь до меня дошло. Алексей подставлял или буквально продавал их.

И что прикажете делать в такой ситуации? Мы в самолете, и остановок в пути не предвидится, в надымском же аэропорту, скорее всего, будут ждать его люди. Впрочем, даже если и не будут ждать, у меня все равно нет ни копейки на обратную дорогу. Не автостопом же на оленьих упряжках в самом деле. Да и отпустит ли меня Гриша, уже заплативший мне сто баксов, потративший деньги на дурацкий СВ, авиабилет и, возможно, обещавший своим покровителям, что везет не танцовщицу, как мне было сказано, а проститутку?..

– Он сказал, что я смогу тебя уговорить… – неуверенно продолжил Гриша. Должно быть, на моем лице он читал, точно в открытой книге.

– Меня легче убить, чем уговорить.

Теперь на его лице было написано замешательство, рука рванулась к нагрудному карману, ища телефон или оружие. Но жест словно повис в воздухе. Какое-то время Гриша напряженно думал. О чем?

О подлости Алексея? Или о том, как ему придется уламывать меня?

Приземлившись в Надыме, мы прошли в отделение милиции,

где я предъявила паспорт. Милиционер записал, что я буду жить у Гриши.

– Я не выдам тебя. Честное слово, я сейчас позвоню охранникам отца, и они будут охранять тебя днем и ночью. Знаешь, какие классные ребята, – выдавил он, наконец, из себя. – Мы только, если можно, все же зайдем посмотреть клуб, а то я в этих прожекторах правда ни ухом ни рылом, и сразу же домой. Еду я куплю, с братками договорюсь.

Вот когда поблагодаришь судьбу за любовь к фантастике, а вот если бы Гриша любил не Стругацких и Борхеса, а… страшно подумать…

Гангстерские разборки на Северном полюсе

В городе Гриша поселил меня в двухкомнатной квартире своего знакомого, купил и принес продукты. Когда мне хотелось выйти погулять, вызывали охранника, дома сам Гриша поселился в соседней комнате. Якобы для того, чтобы охранять меня и ночью, и днем.

Говорю «якобы», потому что весть о том, что Гриша привез из Питера танцовщицу и теперь «живет» с ней, быстро облетела городок. И уже не следующий день к нам в гости заявились сначала его друзья, а затем по свежим следам и любимая.

Кстати, очень красивая стильная девушка из местных, с черными, подстриженными на вьетнамский манер волосами, в желтом длинном джемпере и длинной черной кружевной жилетке. Она ворвалась в дом и некоторое время изучала меня, прислонившись к косяку.

Как я поняла из рассказов Гриши, подруга была старше его лет на пятнадцать, кроме того, состояла в браке. Она была признанной первой красавицей и некоторое время после ссоры с супругом провела с нашим мальчиком. Но потом решила вернуться в семейное гнездышко.

Увидев и по-женски оценив меня, она устроила Грише отрадную для него сцену ревности, после чего заграбастала его, посадила в свою машину и увезла в неизвестном направлении.

Вернулся он лишь к середине следующего дня, усталый, но бесконечно счастливый.

Впрочем, видя, какую репутацию я создала ему, мальчик решил произвести впечатление и на меня. Ну что же, вовремя. А то я уже удивилась, что он никак не хочет начать ухаживать за мной. Вообще-то Гриша был года на три моложе меня, одногодок моего брата. В то время такая разница в возрасте казалась мне чудовищной, и я смотрела на него с позиции взрослой женщины.

Однажды за ужином мне показалось, что он уже почти готов начать делать мне комплименты или попытается приобнять. До сих пор ничего подобного не происходило, и я начала скучать.

Но он по-прежнему только глазел на меня своими изумительными карими глазами. Должно быть, ждал, что я атакую его первая.

Этого еще не хватало!

Я ушла в свою комнату и вскоре была разбужена криками. Кричал Гриша, вернее, он не просто кричал, он нарочито громко

ругался с кем-то по телефону, бродя по прихожей.

Не желая вмешиваться в происходящее, я продолжала лежать, ожидая, когда же он прекратит ругаться и ляжет спать. Неожиданно дверь в мою комнату со стуком распахнулась, и влетевший Гриша подскочил к тумбочке, откуда извлек пистолет.

Я поднялась на локтях. Опасную игрушку я видела и раньше, но в то время многие держали у себя оружие. Помню, сначала я даже подумала, что это пистолет хозяина квартиры; возможно, уезжая, он оставил его в тумбочке рядом со своей кроватью. Но если пистолет принадлежал Грише, почему тогда он не положил его рядом со своей кроватью? Почему оставил мне?

– Лежи и жди меня. Нужно пойти и объяснить человеку, кто здесь хозяин! – бросил он фразу, скорее всего услышанную в каком-то вестерне. И поскольку я не попыталась задержать его, Гриша остановился в дверях и, повернувшись на секунду ко мне, рассчитанным на эффект голосом добавил: – Не плачь, детка. Это моя война. Женщине на ней нечего делать!..

Ну, и не очень-то хотелось, если честно.

Уверена, благодаря мне Гриша в тот день осуществлял свою давнюю мечту показать себя «истинным героем»!

Прогулка по городу

Вышло солнышко, и я напросилась погулять с охранником. Сначала отправились на почту, откуда я каждый день звонила домой, потом вышли прогуляться просто по дороге. Особо идти было некуда. Никаких тебе парков, скамеечек, красивых улиц. А в воздухе реально пахнет газом, как дома на кухне, когда кофе выйдет из берегов кофеварки и потушит огонь.

Несколько раз ко мне захаживала приятельница Гриши – надо же было обсудить последние тенденции моды и просто поболтать за жизнь. Обещала подарить настоящий бубен.

Пока же я бродила по городу в поисках подарков для домашних.

Вообще, нужно было думать не о подарках маме и брату, а скорее о темных очках лично для себя. Никогда в Питере не бывало так много света, причем этот свет лился просто отовсюду, отражался от талого снега, искрился в лужах. Иногда мне казалось, что свет здесь материален.

Мы обогнули наш дом и теперь молча шли по дороге, ожидая, когда она превратится в сплошное болото, по которому можно будет проехать только на джипе.

Неожиданно мой взгляд натолкнулся на торчащие из лужи рога. Ничего себе сувенирчик! Впрочем, здесь олени не редкость, а значит рога и не стоят ничего. Я сделала шаг в лужу, намереваясь первой добраться до заветных рогов, как вдруг охранник сжал меня в объятиях, так что ноги оторвались от земли, и я даже «мяу» сказать не успела.

Ничего себе молчун!

Сделав со мной несколько шагов от лужи, он осторожно поставил меня на асфальт. Я чуть дышала, хлопая глазами и пытаясь предугадать, чего ждать дальше.

– Под водой трупешник. Олень утонул, – извиняясь, сообщил мой спаситель, скромно оправляя дубленку. – Вот.

Оказывается, я только что чуть было не утонула в талой воде, в которой до меня не постеснялся утопнуть местный олень.

Самоеды

Ненцы, нанайцы, чукчи – кто они? Дети тундры или ее хозяева. Люди, имеющие свою самобытную культуру, ритуалы и переплетенную с легендами историю. Они могут перечислить своих предков вплоть до тотемного прародителя, но испытывают трудности с самыми заурядными реалиями нынешней жизни. Мир современный, городской борется с древними чумами и традиционными охотой и оленеводством.

В самом обыкновенном дворе Надыма, около детских песочниц и иномарок, может оказаться упряжка с запряженными в нее оленями и тут же готовый позировать в национальной одежде абориген.

Попав в этот необыкновенный мир, я прежде всего познакомилась с командой местных телевизионщиков и сотрудниками этнографического музея. Их вскоре после демонстрации оружия и кожаных бубнов притащила Гришкина подруга, которая вскоре сама вошла в экспедицию, отправляющуюся в тундру.

Мне решительно нечего было делать. Я целыми днями сидела дома или гуляла в компании страшно стесняющегося разговаривать и даже смотреть на меня охранника. Так что было достаточно скучно.

– Северные люди – мы называем их самоеды, да они и сами так себя называют, – ошарашил меня сидящий рядом в трясущемся вертолете оператор.

Я уже слышала этот термин, но никогда толком не задумывалась о нем. По спине побежал холодок. Самоеды в каком смысле? Не каннибалы же…

Для того чтобы понять северного человека, нужно увидеть заснеженную тундру, сопки, безграничную даль, солнце, садящееся и тут же карабкающееся обратно на блеклое, белесое небо и свет, свет…

Наверное, для того, чтобы лучше прочувствовать, что движет этими народами, нужно слиться с ними душой и телом. Мое же обучение произошло и белого листа снежных равнин. Вот что поведала Тундра.

С точки зрения ненцев, все плавные линии относятся к природе – женщине, а прямые показывают деяния человека – мужчины. Прямой полет у стрелы предвещает добычу, прямой след нарт – красивая езда. Только человек вразрез с природой создает прямые линии. Когда плавная линия делает петлю,

образуется круг, традиционный символ женского начала, известный во многих культурах. Круг широко используется в древнейших танцах и магических ритуалах. Построение участников действа в круг всегда являлись волшебным оберегом, помогавшим соединить силы участников или вызвать какого-то духа в центр окружности (вспомним традиционное вызывание духов в спиритизме). У северных людей там мог помещаться больной или одержимый злыми духами человек, на излечение которого направлялись сила участников кольца; в центре же находится и шаман, воспринимающий идущую к нему силу и становящийся, таким образом, ее временным олицетворением – богом или духом во плоти.

Ритуальные круговые (иногда хороводные) пляски служили цели увеличения плодородия. А в охотничьих плясках круг символизировал еще и облаву. Еще круг – это символ мира, или точнее общины, на совете или во время камлания северные народы сидят в кругу.

Главное животное на севере – олень. Его шкура идет на устройство жилья и одежду, мясо и кровь употребляют в пищу, он же являются транспортным средством. Семья, утратившая оленей, может погибнуть. Суровая жизнь приучает охотника заботиться о том, чтобы в лесу была дичь, а рыбака – чтобы не пропадала рыба. Человек, связавший свою жизнь с природой, вынужден жить в гармонии с ней. Рыбак знает, что если выловит мальков сегодня, то завтра не сумеет поймать рыбы на прокорм собственной семьи. Да и саму природу северный человек начинает воспринимать как свою семью. В этом месте и начинается печальная страница жизни самоедов.

Как я уже сказала, олень – главное животное на Севере. Для ненцев, нанайцев, чукчей он такой же, как и они, член общины. Собрат, чья судьба погибнуть, чтобы жили другие.

Отсюда и название «самоеды», слово подобрано на удивление точно. Раз олень член общины, значит и его заклание есть вынужденное убийство себе подобного.

Но оно сопровождается ритуалом, который существует и по сей день.

Оленя не зарезают, а душат. Причем петля (тот же круг) является образом мира, который вынужден умертвить оленя, чтобы жили люди.

Два сильных мужчины тянут за веревку, сжимающуюся на шее оленя, пока тот не погибает. Затем из оленя выпускают кровь, ее пьют все участники ритуала. Потому что с кровью олень опять возвращается в общину. Так осуществляются его предназначение

и инкарнация. Но, тем не менее, люди, так или иначе причастные к его смерти, умирая, обращаются в черных жуков, которые ползают по тундре – великому миру мертвых, живых, людей, животных и духов.

Труппа

Второй раз я оказалась в Надыме уже с набранной труппой актеров с постановочным шоу. С Алексеем решила принципиально больше не встречаться. На фиг нужны такие подставы.

А вот ребята подобрались классные: двое мальчиков-стриптизеров: голубоглазый красавчик с льняными волосами и молочной кожей – Егор и маленький, пухленький Андрюша, который при необходимости мог сконструировать и сшить новые костюмы для всей группы.

Три девушки. Вместе со мной три. Я и Таня – стриптиз, а веселая разбитная Наташка – клубные танцы.

Егор – мальчик из хорошей семьи, относился к работе в клубе как к способу самовыражения. Таким образом он сначала воздействовал на обалдевшего от его выбора отца Михаила Аркадьевича, полковника в отставке, а потом втянулся, хлебнув красивой жизни в гей-клубах.

О своих похождениях в голубой зоне Егор обычно отвечал уклончиво: мол, танцевали, катались на машинах, целовались, а что потом было, хоть убей не помню. Проснулись в одной постели без трусов, а было ли, не было – не на ромашке же гадать.

Желая оградить вечно пьяного сынка от случайных связей, отец приставил к нему здоровяка-охранника, но тот вскоре был пленен арийской внешностью подопечного и, отправляясь на смену, неизменно покупал последнему букет цветов или плюшевую зверушку.

На какое-то время такой маневр действительно отвлек блудного Егорку от его клубных «папиков», так как теперь он зажигал с собственным охранником, который, служебного рвения ради старался не отлучаться от подопечного ни днем, ни ночью.

Обрадованный было вначале отец Егора, (мальчик стал чаще ночевать в съемной для него квартире под неусыпной охраной) вскоре узнал горькую правду.

Однажды Михаил Аркадьевич в обеденный перерыв заехал к сыну. У него были свои ключи, так что, позвонив в дверь и не дождавшись ответа, он отпер ее сам и прошел внутрь.

Не обнаружив в прихожей дамской обуви и вещей, Михаил Аркадьевич тихонько толкнул дверь спальни сына и обомлел, узрев Егора и его охранника спавших в обнимку. Вот что значит под надежной охраной.

Разбуженный криками Михаила Аркадьевича Егорка сел на постели, протирая глаза.

– Что это значит, Егор?! Как ты посмел, опять?!! – Михаилу Аркадьевичу хотелось избить и того и другого, но обещание, данное жене, остановили его.

– Я? А ты откуда тут взялся? – голубые глаза Егора сделались круглыми. – Пошел вон, противный!

Полковник перевел взгляд на охранника.

– Я это, я как приказывали, днем и ночью…

От дальнейшей расправы влюбленного охранника спасло умение быстро одеваться и стремительно уносить ноги.

Михаил Аркадьевич, правда, отдал приказание доставить к нему нерадивого стражника. Однако, как выяснилось, тот и прятаться умел мастерски. Поиски бывшего подчиненного, длившиеся с неделю, ни к чему не привели, потом Михаил Аркадьевич махнул на него рукой.

Егор же был лишен личной площади и водворен в дом родителей, откуда он собственно и отправился с нами на гастроли.

В Надыме не любят голубых. Страшно подумать – Воркута, Колыма рядом, тут не до красивой любви в гей-клубах. Цветы и подарки никто дарить не будет, влететь же можно по полной программе. Так что мальчиков наших мы сразу же уговорились прикрывать.

Местные и так крутили носом возле нашей группы, охрана контролировала, кто в какой комнате спит, поэтому парней мы принципиально решили не селить вместе.

Ничего страшного, поспят какое-то время в комнатах с девушками, целее будут.

Шоу началось

В городе власть делили три основных группировки, каждая из которых проявляла к труппе пришлых танцовщиков свой собственный меркантильный интерес.

В день перед премьерным показом от каждой группировки к нам были присланы шестерки с поручением выяснить, будут ли после шоу продаваться девушки. И если будут, то по какой цене? Или, скажем, планируется аукцион?

– Не будут, – ответила я за всех. Как звезда шоу и его непосредственный руководитель, я имела право на такое решение. На правах руководителя я с легкостью могла бы назначить себя даже солнцем, луной и всеми планетами вместе взятыми, но не о том речь.

Получившие ответ посыльные отправились восвояси. Впрочем, ненадолго. Уже через несколько минут они один за другим явились по-новой.

– То, что не продается за деньги, продастся за большие деньги, – глубокомысленно изрек невысокий чел с перебитым носом и приплюснутым черепом под кепкой-аэродромом.

– Нет, значит, нет, – не собиралась сдаваться я. В это время Егор смотрел в окно: оказывается, все три босса бандитов прибыли к нашему дому на джипах и теперь шестерки бегали с докладами прямо к ним.

– Скажите, что до стиптизерши можно будет дотронуться разве что бумажкой, – с важным видом изрек Гриша. О какой бумажке идет речь, паханам следовало догадаться самим.

На следующий день клуб был забит до отказа.

– Что делать? У нас никогда прежде не было шоу, зрители не знают, как следует давать чаевые! – влетел к нам Гриша. Из наших с ним питерских разговоров он твердо уяснил, что основной заработок танцовщиц составляют эти самые чаевые, и страшно боялся рассердить нас в первый же день.

– В зале тоже несколько раз меня спрашивали, как давать эти самые чаевые, – подал голос от дверей плечистый охранник с дубинкой и автоматом.

– Все просто, – я отвернулась от зеркала и подозвала к себе продюсера, – быстренько приведи сюда человек пять своих людей, не больше.

Всем пришедшим по моей просьбе Гриша раздал деньги. Задача была до изумления простой: вынуть из бумажника купюру, показать ее народу и засунуть в трусики или лифчик девочке.

Затем танцовщица возвращала денежку Грише. Как известно, дурной пример заразителен, и можно было надеяться, что этот способ поможет изъять у населения лишнюю наличность.

Открывая шоу, я получила первый фальшивый взнос, после чего, стоя за сценой, с умилением наблюдала за тем, как постигают несложную науку не отбирать, а давать деньги серьезные надымские ребята. После пяти наших подставных, усвоившие урок досконально, начали подниматься «сурьезные» зрители. Точно исполняя какой-то замысловатый танец, они вынимали пухлые бумажники, доставали оттуда денежные банкноты, демонстрировали их всем четырем сторонам света, после чего подзывали к себе понравившуюся танцовщицу или танцовщика и засовывали деньги.

Все они действовали совершенно на один лад, и вскоре эта манера сделалась всеобщей.

Брат, сват, ну а мне какое дело?

Однажды один из наших охранников, Миша тайком вызвал меня из гримерки.

– У меня брат пришел на шоу, – воровато озираясь, сообщил он.

– Ну и прекрасно, ему что, билет?

– Да не в том дело, что я, родного брата не проведу? – Миша заметно краснеет. – Он хочет дать тебе чаевые, только тебе…

Пауза.

– Дать – не взять, никто не запрещает.

– Но ты должна подойти к нему. Ну, когда после номера по залу пойдешь.

– Хорошо. Подзовет, подойду.

– Не подзовет.

– Почему?

Миша мнется.

– Ладно, сама подойду. Где он будет сидеть?

– Вот спасибочки! Где первый столик знаешь?

– Конечно, знаю, самый большой посередине.

– Точняк, только он там будет не один. Вместе с ним еще человек семь.

– А как я его узнаю?

– Он будет в черном костюме.

– Договорились, – пытаюсь вернуться в гримерку.

– Но в черных костюмах будут все.

Вот незадача!

– А, придумал! Чтобы ты его сразу же вычислила, он положит ногу на ногу!

Как будто во всем зале только Мишин брательник имеет право положить ногу на ногу! Ладно, проехали. Скорее всего, у этого дурня и брат такой же. А значит, как-нибудь да себя выдаст. Все-таки деньги лишними никогда еще не были.

Слово туза ничто для шестерки

Поскольку про меня все знали, что я главная в группе, а местные жили по понятиям, мои чаевые были больше, чем у остальных, что радовало.

Впрочем, удача не могла длиться вечно, и вскоре разные группировки начали пытаться перетаскивать наше шоу к себе с тем, чтобы контролировать его лично.

Гриша поссорился со всеми, с кем только можно было поссориться в Надыме, и какое-то время мы сидели вообще без работы, пока он не договорился с местной столовой, где мы разместились еще лучше, чем в клубе.

Увы, наши мытарства не окончились. В какой-то момент Гриша пропал. А вместе с ним и его охранники. К нам же зачастили бандиты.

Поняв, что в этом городе нам больше ничего хорошего не светит, я связалась с друзьями Гриши и его девушкой, попросив, чтобы они помогли нам с билетами до Питера. Деньги на обратные билеты для всей труппы я получила с Гриши еще в Питере, и все это время они лежали у меня в сумочке как гарантия того, что мы все-таки выберемся.

Билеты были взяты, но накануне вылета к нам нагрянули накачанные мальчики, попросившие немедленно собрать свои костюмы и отправляться в личный клуб одного из местных паханов, с которым я до этого много раз встречалась на нашем шоу.

Неплохой, замечу, дядька, щедрый, спокойный. Он не пугал нас тем, что отвезет на сопки и пристрелит там и что наши косточки будут спокойно валяться там никому не нужные, пока лет через десять на них кто-нибудь случайно не наткнется. Другие паханы почему-то тоже обожали эту сказку, с удовольствием перетирая старую байку снова и снова.

Я тут же попросила посыльных, чтобы они дали мне поговорить с боссом. Пахан уверил меня в том, что мы уйдем с этого шоу живыми и невредимыми и что без нашего на то желания до нас никто пальцем не посмеет дотронуться.

Не знаю, всегда ли можно верить бандитам, но этот внушал доверие.

Когда мы подъехали к клубу, это оказался фитнесс-центр, здесь же выяснилось, что приглашение танцевать относится только к девушкам. Наши парни, несмотря на их возражения, были засунуты в машину и отправлены в съемную квартиру, а мы остались одни.

Впрочем, пока еще ничего страшного не произошло. Мы исполнили по номеру, после чего нас пригласили станцевать на столах, тоже не бог весть какие сложности. В крейзи-меню любого уважающего себя клубешника неизменно значатся танцы на столах.

Потом мы сели за этот самый стол, который богато накрыли сразу же после танцев.

Никаких приставаний не было. И я понимала почему: местный босс уже много раз говорил, как я ему нравлюсь, а добиваться взаимности женщины несколько трудно, если перед этим изнасиловать и избить ее подруг. Поэтому бандиты держались корректно. Не мешало даже то, что перед шоу они все попарились в бане и теперь сидели в шортах или простынях.

Но если «пацаны» в тот день были преисполнены ангельского терпения, этого никак нельзя было сказать о моих девицах. И во время шоу они так яростно флиртовали с пялящимися на них бандитами, что невольно возникали мысли о безопасности последних?

Сильно соскучившаяся по мужикам Наташка приглядела себе до предела разукрашенного татуировками ухаря и, воспользовавшись паузой, утащила его в спортивный зал.

Это могло все испортить. Ежу понятно – в таком деле достаточно одной сделать первый шаг, и дальше на наши головы обрушится свальная лавина.

Но бывают же на свете чудеса – ничего не произошло! Выдав нам деньги за шоу, босс распорядился доставить нас до дома, сообщив своим, что лично он отправляется домой спать.

– Если хотя бы копейка из этих денег достанется этому хлюпику Грише, я лично приеду в аэропорт и разорву твой паспорт, – пригрозил он на прощанье. Мы по деловому пожали друг другу руки и быстро загрузились в машину.

– Вроде обошлось! – вздохнула с облегчением Танечка.

– Ага, а я славно оттянулась с тем татуированным. Обожаю таких мужиков! – смеялась Наташка, весело подмигивая нашему водиле Толечке.

Мы остановились. Я было взяла свой пакет с костюмами, как вдруг поняла, что это совсем не наш дом. То есть вообще ничего похожего.

Я посмотрела на водителя. Улыбаясь щербатым ртом, тот вытащил из-за пазухи пистолет.

– А теперь, дамы, на выход, – скомандовал он.

Таня захлопала глазами, Наташка продолжала глупо хихикать – курнула что ли, шалава.

– Ты что, Толик, мы же с тобой еще на дискотеку собирались. Ты что же, пристрелишь нас теперь? А как же…

– Не пристрелю, если дергаться не будете. Сейчас сделаем все по-быстрому и топайте на все четыре стороны.

– Но начальник отпустил нас, – я старалась говорить спокойно.

– А пацаны не отпускали.

– Но он дал слово.

За моей спиной девчонки понуро начали открывать двери.

– А я слова не давал, – шестерка снова заухмылялся.

– Да ладно уже, все понятно, – тронула меня за плечо Наташка. – Приплыли.

– Никуда я не поплыву, – я вцепилась в сиденье.

– Тогда я тебя прямо здесь, – холодное дуло ткнулось в висок, чиркнуло по щеке, раздвигая губы, рот наполнился слюной с противным привкусом железа.

– А это машина твоего хозяина? – я старалась не обращать внимания на пистолетные ласки.

– Ага, его, новенькая, только что с Японии.

– И ты собираешься пристрелить меня прямо в ней? – я усмехнулась. – Кровь ведь в жизни не отмоешь, а мозги?..

– Вылезай! – заорал парень и, на всякий случай спрятав оружие, потянул меня за руку.

– Здесь стреляй, – по телу разливались веселые волны. Поняв, что расклад изменился, девчонки забрались обратно в машину, заняв свои места.

Вскоре машина тронулась с места, и минут через десять я увидела знакомый двор.

Это было прекрасно, мы уставшие и довольные выбрались наконец из машины, таща свои тюки. Теперь все закончилось, теперь, если конечно, Толик не пальнет мне в спину, мы войдем в подъезд, поднимемся на второй этаж. А там наши мальчики, горячий душ, и нужно спешно собирать оставшиеся вещи, там…

Неожиданно эйфория оборвалась, как рвется леска, на другом конце которой трепещет разноцветный воздушный змей. Девушки сунули мне в руки свои мешки с костюмами.

– Ладно, Юля, ты – спать. А мы с Толиком еще договорились на дискотеку вместе. Ребята классные, они нас сами до аэропорта довезут.

– Да вы что?! – взорвалась я. – Они же бандиты! Они только что меня чуть было не пристрелили. Им только одно нужно – затащить вас куда-нибудь!

– Ерунда, затащат, так это наши проблемы. У меня в жизни такого не было, чтобы две недели без мужиков жить, – встряхнула меня Наташа. – Все, бывай, шоу закончилось, мы сами за себя отвечаем.

Я бросила мешки и пыталась остановить девушек, но они отпихнули меня и смеясь забрались в машину.

В то утро я выслушала массу нелицеприятных замечаний от наших мальчиков: еще бы, они ведь видели, что я привела девушек в клуб и что вернулась одна.

– Ты продала их! – сказал мне Андрей. – Я такого от тебя не ожидал.

Ситуация была бы совсем плачевной, если бы почти сразу же Егору не позвонила Наташа, подтвердившая, что они отдыхают на дискотеке и успеют к самолету.

Тем не менее, ни к отъезду, ни в аэропорт девушки так и не приехали.

Я встретилась с Наташей через месяц в Питере. Она сама позвонила мне на домашний и рассказала, как все было на самом деле.

Оказывается, девчонки действительно попались: их сначала отвезли на дискотеку, а потом в общежитие, где они недели две обслуживали всех желающих.

Сразу же по возвращению Наташа позвонила Егору и Андрею, сообщив, что жива и вернулась. Узнав о том, что ребята формально обвинили меня, она самолично встретилась с Егором и Андрюшей, объяснив ситуацию и попросив более не поднимать эту тему.

– Я сама отвечаю за себя, – сказала она мне на прощанье. – Один раз попалась, в другой буду умнее. Во всяком случае, если бы была возможность открутить назад, я лучше бы пошла с тобой. Вот ты, сколько шоу и ни одного залета. А я… В следующий раз, если возьмешь меня, я уже от тебя на шаг не отойду без разрешения.

Слава Богу, они остались живы. Но… до сих пор, как вспомню, мороз по коже, ведь в тот день я все-таки как-то могла заставить их возвратиться со мной. Это был единственный случай, когда я не довезла до дома своих людей.

И это было ужасно.

Надым, или Сочинение на тему «Как я провел лето»

Говорят, что сейчас всё, всё продается и покупается. Но только я не верю. Я твердо знаю, что это неправда. Я, путешествующая из ада в ад, знаю, что есть свет, и плыву к нему даже через море огня.

Одна фраза, приснившаяся мне в мареве пустоты, одна фраза: «Он протечет через тебя, обязательно протечет, иначе не может быть» – делает меня философом, мученицей, грешницей и пассажиром в зале ожидания одновременно.

Он протечет через тебя? Этот кошмар когда-нибудь закончится. Все когда-нибудь кончается. А я стою на Аничковом мосту рядом с упавшим юношей и говорю: «Прикинь, мой глупый, неправильный, недоделанный мир. Ведь это я с тобою прощаюсь».

Грудь надрывается пустотой, отсутствием, непониманием, болью и страхом. Мое боа такое нежное, белое, как перчатки и кобура на боку. Кольт я тоже покрыла белым лаком, иначе бы он не вписался в костюм и пришлось бы танцевать совсем без оружия. Хотя – когда я в другом имидже, он все равно остается в гостинице. Понимаю, что это глупо, но иначе не могу. Лучше смерть, чем небрежность.

Гастроли в Надыме – бред. Эротическое шоу в тундре?! Ошалеть! Чукча-стриптизерша. «Я снимаю одну лыжу, потом другую лыжу, однако». Город маленький – «крыша» наезжает на «крышу». А мне-то какое дело? Я жить хочу, денег хочу, приехать домой к своему любимому, к маме.

Маленького олешку зовут Пешка, малыша не стреляют пока. … Дай бог ему вечно оставаться ребенком.

Зимой тут дико холодно и лед, поэтому колеса машин обматывают в оленью шкуру, чтобы тачка не скользила. Случись обледенелая трасса – ворс не даст обратного хода.

Олени вообще народ вперед летящий.

Охранник Миша рассказывает о том, как приготовить молодого поросенка. Тема такая – мама держит свинью с поросятами, которые кормятся, естественно, на убой, но раньше времени выпросить его у матери трудно. А свининки хочется. Вот Миша и затравливает одного: забивает ногами на заднем дворе. Но бить нужно так, чтобы мама не услышала. Когда у поросенка уже кишки вылезают, с озабоченным лицом бежит к матери: мол,

«батюшки, матушки, заболел маленький! Придется прирезать».

Мне не смешно, но моим ребятам рассказ нравится. Не хочу ломать кайфа.

Вообще-то я плохо понимаю, где оказалась. Не умом, конечно, но чувствами… Мы ведь не видели пока ни сопок, ни оленей, ни северного сияния, ни хантов – ни-че-го. Какой, к черту, Север? Дома типовые, евростандарт.

Потолки по-хохляцки покрыты обоями.

Временами кажется, что никакого Надыма нет. Наговор это на дым и не более того. Город младше меня или ровесник.

Такое чувство, будто нас попросту вывезли куда-нибудь на окраину Питера в новостройки. Вот только деревьев тут почти нет – видела несколько елочек, да, когда летели, торчали кедры.

Я пока не знаю, что тут было раньше, но сны снятся шаманские. Одну ночь мне показывали двери: серые, черные двери с удивительными, ни на что не похожими орнаментами. Проснувшись, я не смогла восстановить ни одного. Мозги у меня другие.

А в том сне я все отпирала дверь за дверью, пока, как рана, переполненная ужасом, не открылась сама бездна. Я орала во сне, зная, что сплю, и надеясь, как в детстве, что мои вопли достигнут физического тела и кто-нибудь разбудит меня, прежде чем я умру в воздухе.

Думаю, что местные шаманы еще докопаются до меня.

Жду.

Во всяком случае, экстрасенсорные способности у меня здесь резко повысились. Может, как раз от состояния загнанного зверька, с которым могут сделать все что угодно. Если опять выживу – сделаюсь либо классным магом, либо шизофреничкой. Дома Антон меня по блату упечет в самую закрытую и одновременно беспредельную клинику.

Молодая пара всю ночь не давала спать, они знакомы уже несколько лет, но сошлись только в Надыме. Утром до меня донеслись мысли женщины: «В Питере мне его не удержать. Может, бросить все, купить оленей и остаться в Надыме?»

Находясь на большом расстоянии от дома, люди начинают вести себя по-другому, по-новому, в частности снимаются запреты. Оторванность формирует новую личность, обольщает безнаказанностью.

Да отстань ты, сгинь, проклятущая, скройся с глаз,

растворись в тумане, злыдня!

Какой тебе, к черту, стриптиз в Надыме? Флирт под свист вьюги?

Любовь падших ангелов творится в Париже или Питере. Но это!

При хорошей скорости город можно объехать за четверть часа, а путей отсюда нет – садись в тачку и гони, хочешь – по часовой, хочешь – против часовой стрелки. Надым – приебень надоедливая, тундра низкорослая.

Ханты – проклятый народ, русская водка убивает их на корню. Я еще не слышала о каком-нибудь другом народе, который бы реально сходил с ума от выпивки. А ханты прокляты. Не знаю уж, кем и чем. Но выпив, они неизменно пытаются уничтожить друг друга. Не нас, нас они вообще не замечают, как начисто лишенных реальности, а своих, таких же…

Здесь, в Надыме, я не видела никаких магазинов народных промыслов. Странно. Все-таки Север. Хочется увезти отсюда оленьи рога, бубен или… да черт его знает что. Я же не специалист по хантам. А в клубе их почему-то не бывает – кругом хохлы и кавказцы.

Хотя думаю, что мои представления о местных порядках слишком наивны. Ведь окружающий мир воспринимается мною из окна машины. Еще, конечно, есть сны и ощущения – им я верю свято. И сейчас, когда в кошельке у меня пятнадцать рублей, а билет на самолет стоит тысячу шестьсот плюс для кучи его еще и фиг купишь, мир видится мешком, а мы в нем – маленькие котята. Ну что же, поцарапаемся.

В деревнях народ бьется стенка на стенку, тут все крутые, прибандиченные, при «бабках» и «в распальцовке». Здесь «крыша» идет на «крышу», точнее, едет. Я себе это живо представляю воочию: землетрясение, все трясется от возмущения и обиды – Змей Горыныч, откусывающий одну за другой собственные головы. А потом скрежет и гул, от перепадов давления закладывает уши – и вот с одного из домов срывает крышу, она летит – плоская, с подрагивающими антеннами.

Визг, искры, пыль, перья – крыша опускается на другую крышу. Хрясь, дзинь, хрясь, ш-ш-ш-ш… Титры: «Ура! Победа!», обескрышенный дом обреченно ждет зимы. Одвукрышенный мягко проседает в почву.

Сегодня первое мая – первый день северного лета – скоро зима.

Север – колдовское место, люди медленно и планомерно обращаются в призраков. Я слышу их голоса и жду, когда подобная участь постигнет и меня самое.

Сегодня одна тень передала другой – той, что приставлена охранять нас, что хочет меня. Проблема. Меня надо охранять, за это деньги плачены. За ослушание можно и пулю в живот. Здесь с этим быстро. Что делать?

А нехай сами бабы, сиречь танцовщицы, решают, нужно им это или нет. Тень-охранник забилась в страхе, скукожилась и побежала на полусогнутых в гримерку. Смотрю на тень и сквозь тень в пустоту. Все исчезает.

Говорят, что лето тут жаркое и не больше месяца, землю лихорадит. Лето – комариный рай.

Во дворе нашей девятиэтажки второй день стоят запряженные оленями нарты. Круто, наверное, на санях да по асфальту. У оленей кроткие, чуть выпуклые глаза. Наши коровы рядом с ними – нахалки.

Кожаные бубны, верхний и нижний мир, малица, халмер, дерево с лентами и колокольчиками – этого слишком много и как всегда слишком мало.

В моем контракте черным по белому написано: «Не заводить друзей, не вступать в половые отношения».

Хорошо еще, что он не запрещает нам любить. С последним вздохом полной безнадежности летит душа… В Питер, на Пушкинскую, на Дворцовую.

Перепуганный насмерть охранник принес весть, что мне предлагают тысячу долларов. Тысячу долларов, но так, чтобы все знали, что я согласна.

Девчонки смотрят с уважением и завистью. Я вежливо отказалась и, повернувшись к нашим, спросила:

– А может, вы?..

Желающих не оказалось.

Ненцы живут летом по солнцу, а зимой по луне, в вечном танце, похожем на круговращение планет. Так, наверное, живут все древние, не отбившиеся от матери-земли народы.

Ненцы пьют кровь. Кровь – дух, основа жизни. Кровью можно остановить разбушевавшуюся стихию.

Петля – символ мира, и она стягивается на шее оленя в

присутствии всего собрания, сидящего тоже кругом. Морда оленя при этом повернута к небу, рот закрыт, язык не вываливается.

Выглянула в окно – упряжка оленей по-прежнему стоит во дворе. Рога оленей пушистые и темные, эти животные похожи на детские игрушки.

После удушения ножом делается один надрез от горла до живота. Больше ножу здесь нечего делать. Шкура и внутренности – все вручную. Кровь черпают железными кружками и пьют горячей. Почки оленя – лакомство самоедов. Их губы при этом густо перемазываются кровью. Жрать культурно они не умеют.

Ночью в клубе мне сделалось плохо. Посмотрев на меня после приступа, старая хантка зацокала языком: «Ты ведьма, сильная ведьма. Долго будешь сопротивляться».

– Какая сила? – удивилась я. – Не видишь – подыхаю.

– Это тело умирает. Ты-то тут при чем? Ты – другое…

Аничков мост, сколько-то лет назад упавший юноша. Нравится он мне почти так же, как рыцарь, дарящий лавровый венок, но неважно. Смотрю в воду.

– Прикинь, мой глупый, неправильный, недоделанный мир. Ведь это я с тобой прощаюсь.

«Венчаюсь!» – отвечает неведомо откуда взявшееся эхо. Но вместо белоснежного тополиного покрова на голову мою падают печаль и боль.

«Теперь все будет хорошо, – шепчет крылатый дух Питера, – теперь будет всё. Пути открыты, мосты взорваны, кольцо на палец – и вперед».

Но я не могу думать о приятном, агонизирующие мысли пережевывают недавние события.

«Невеста» – придет же такое в голову.

Говорю – все! После последнего раза – ни разу. Завязываю с шаманами, бандитами, стриптизерами. Надоело. Если и в этот раз выберусь живой, если выбралась живой… если живая… если…

Проклятые клоуны крутятся по заколдованным лабиринтам городов, совершая свои бесконечные гастроли.

Клоуны и ведьмы на шестах, бутылках и метлах. Холеные и бродячие кошки в куриных боа с затяжками на колготках.

А ведь все так неплохо начиналось, кто-то помнит еще, как выглядит солнце. Теперь мир скукожился до размеров кабака, а время – самая выносливая стриптизерша – крутится вокруг шеста. Я знаю, когда все погибнет, она непременно выживет и зааплодирует самой себе, чтобы потом спокойно выплакаться.

С тех пор как все вокруг начало обращаться в тени, я вижу сны, время от времени догадываясь о собственной нематериальности.

Сижу на квартире. День-ночь – сутки прочь. Волосы закручены не до боли, до противности, до состояния полного ничтожества, до мысли о том, что все обрыдло. «Ну, вот, поели – теперь можно и поспать, ну что, поспали – теперь можно и поесть», есть еще одно развлечение – сходить в туалет и поизучать там выцветшую красотку на стене.

И самое смешное: если приедут мои мучители и скажут, что работать нужно прямо сейчас, я сорвусь с места, и понеслось…

Танец – это наркотик для меня и полное вырубалово для моего зрителя. Вот кто от нашего шоу теряет и ум, и честь, и последнюю совесть.

Куда ты летишь сквозь боль и туман, стриптизерша деньги теряющая?..

В голове шаманские бубны и звон. Надым – колдовское слово. Заклинание. Я жмусь в комок, пытаясь не слышать разговоры и смех.

Он протечет через тебя, этот Надым. Расслабься – и протечет, не может не протечь…

Ненцы верят во всерождающую утробу и всепокрывающее небо. Их пространство создано для странствий, а время ходит среди людей.

Сегодня опять снился Питер. Дома остались все те, кто меня любит, те, с кем связаны надежды, мечты и слезы.

И вы – даже вы протечете через меня, как теперь течет Надым.

Надым – колдовское слово. Душа требует любви и разрывается заклинаниями на дым, на огонь, на воду…

Душа ненца после смерти обращается в черного жука, моя же белой птицей летит в Петербург, а мимо меня на костяных нартах несутся местные боги. Шест, которым погоняют оленей, называется хорей. Меня же пробивает на белые стихи или верлибр.

Я стою на Аничковом мосту в ботфортах, с хлыстом и в фате, мне снится сон о Питере, в котором я намерена остаться.

В следующий раз с Гришей я встретилась только в конце лета, неожиданно он позвонил из Москвы, преждевременно обрадовав сообщением о том, что якобы привез деньги, которые оставался должен мне и ребятам.

Ладно, деньги – это хорошо. Я продиктовала свой адрес и принялась за уборку квартиры. Не то чтобы у меня дома непроходящий бардак, но все же Гриша должен был заехать ко мне впервые.

Но ни в оговоренное время, ни через час, ни даже через два часа он не появился. Я начала волноваться, позвонила на вокзал, поезд прибыл по расписанию. В то время у нас еще не было мобильников, чтобы сразу же созвониться и выяснить, что происходит.

До меня Гриша добрался только к вечеру, предварительно еще раз позвонив и извинившись за задержку.

Его лицо было удивительно белым, глаза бегали.

– Мне стало плохо в поезде. Должно быть, соседи подлили в чай какую-то гадость… – с расстановкой начал было он, а потом бессильно повалился в мягкое кресло, на несколько секунд потеряв сознание. – Деньги были в дипломате, но я знаю этих людей, они из Надыма. Я свяжусь с отцом, и он выяснит, где они должны были остановиться.

Ситуация была, мягко говоря, бредовой, несостыковки бросались в глаза. С какой стати грабить человека, который тебя знает и имеет возможность отыскать? Если ограбили, зачем оставлять в живых такого человека? Или они думали, что клофелин убьет его? Что же это – возят с собой эдакую гадость и не умеют при этом рассчитывать дозу?

Гриша поел, принял душ и, сев на телефон, начал названивать отцу, истерически требуя, чтобы тот немедленно принял меры.

Время шло к ночи. Договорившись с кем-то, Гриша умотал на стрелку, пообещав вернуться с деньгами.

Понимая, что я от него так просто не отделаюсь, постелила ему на диване. Уселась за печатную машинку.

Действительно, он явился в первом часу ночи, еще более потасканный и опять же без денег. Оказалось, что люди хоть и явились на встречу, отдавать ему деньги не собирались.

Поставив перед ним тарелочку с бутербродами и кефир, я сидела и спокойно давила на клавиши, глава о вампирах близилась к своей логической развязке, и злоключения какого-то

там Гриши меня не трогали.

На самом деле, наверное, было бы лучше, отправься он молча спать. Но парень устроился в кресле рядом со мной, поглощая свой ужин и то и дело бросая в пространство несбыточные угрозы. Вскоре я привыкла к его присутствию, и он перестал отвлекать меня, так что я спокойно работала какое-то время, пока меня не отвлекла от текста – нет, не пустая болтовня, а как раз ее отсутствие.

Вдруг подумалось, что Гриша уснул-таки в моей комнате и теперь придется будить его и выпроваживать на гостевой диван.

Гриша действительно сидел на кресле в расслабленной позе с запрокинутой назад головой, его руки спокойно лежали на удобных подлокотниках, глаза были полу-прикрыты веками.

– Слушай меня, – вдруг раздался откуда-то, как мне показалось, из живота гостя приглушенный женский голос. В это время я ясно видела, что он не шевелил губами. – Слушай меня, девочка. Мое имя Сага. Я предок этого человека и временно владею его телом. Меня призвали встретиться с тобой и помочь тебе в твоих начинаниях, потому что они идут на благо миру, где я пребываю.

Гриша чуть дернулся, будто бы его кто-то толкнул в плечо, и Сага поспешила заткнуться.

Какое-то время мы сидели молча, Гриша что-то жевал во сне, то и дело угрожая кому-то невидимому и дергаясь при этом всем телом, будто бы его били ногами.

Я отвернулась к машинке, мысли были спутаны. Конечно, с одной стороны, Гриша обожал фантастику и придумать такую сцену ему было раз плюнуть, искусство чревовещателя тоже не самое сложное дело.

Конечно, можно было рассмеяться и превратить все в шутку, но не каждый же день разыгрываются такие представления. К тому же жутко хотелось, чтобы это оказалось правдой. Ну, просто ужасно хотелось чуда!..

– Я предок этого человека, – снова зашептала Сага, – поэтому я дам ему талант выигрывать в любой игре, талант на один день, он пойдет в казино и выиграет для тебя деньги, и ты обратишь их на доброе дело. Но если ты откажешь ему и не дашь денег на то, чтобы он мог сделать ставку, он уедет и забудет про тебя навсегда.

Гриша дернулся, его лицо перекосила болезненная гримаса. Тут же он резко качнулся вперед и открыл глаза.

– Я, кажется, уснул. Извини, – он протер лицо ладонями, массируя уши. – Я случайно ничего не говорил?

– Не-а… – повела собственную игру я.

– Как ничего? – Гриша не мог скрыть удивления.

Я отвернулась и продолжала стучать по клавишам. Он сходил на кухню и вернулся с подогретым чайником, быстро и умело сервировал столик.

– Совсем ничего не говорил? – его глаза выражали мольбу.

– Вообще-то говорил, – сжалилась я над парнем. – Говорил, что ты Сага и что должна мне помочь.

– Сага – это женщина. Очень сильная женщина – шаманка. Сагой звали мою прапрабабку.

Я молчала. В таких случаях лучше обойтись без расспросов, Гриша выглядел как человек, которому до смерти хочется с кем-то поговорить, рассказать.

– Давным-давно на Севере появился один странный человек. Он не был похож на местных жителей и не пытался поселиться рядом с ними. Когда он хотел есть, он охотился или ловил рыбу. Он не строил своего дома, не ставил яранги, так что никто не знал, как он выживает во льдах. Этот человек был безобразен лицом, низок ростом и у него были огромные, нечеловечески широкие плечи, – начал Гриша. – Его назвали человеком льда, а когда однажды он пришел к ненцам, забрал у них самую красивую девушку и увел с собой, ее стали называть женщиной льда.

Человек льда вместе со своей женщиной пропадал где-то несколько лет, вернувшись к людям уже с целым выводком детишек. Тогда местные узнали, что жили они в каменной башне, полностью покрытой льдом и снегом. Их семью называли людьми льда. От них я и веду свой род.

Известно, что плечистый человек был изгнан из своего племени за то, что еще при рождении убил свою мать. Он родился таким крупным, что она не выдержала и скончалась родами. Позже он попросил себе в жены дочку местного богача и, когда получил отказ, убил девушку, чтобы та никому не досталась.

Дети плечистого человека были очень красивые и высокие, они ничем не походили на своих родителей, словно были сделаны из другого материала. Роды проходили спокойно и почти безболезненно, и детей у них народилось много. Сага была его старшей дочерью. Она обладала замечательными шаманскими способностями, так что отец вскоре отдал власть над кланом в ее руки.

В нашем роду царил матриархат.

Впрочем, как выяснилось значительно позже, раз в пятьдесят лет в семье неизменно рождались мальчики, похожие на своего праотца, они разрывали плечами лоно своих матерей, рождаясь невольными убийцами.

От этого характер их был мрачен и безобразные лица рассекало множество морщин.

Мой отец родился с невероятно широкими плечами, убив мою бабушку, – Гриша вздохнул. – Это проклятие по-прежнему передается в нашем роду. Правда, в отличие от предков, его лицо весьма привлекательное, но он так же низок ростом, всегда одинок и мрачен.

Если дух Саги вселился в меня, это может означать все что угодно. Во всяком случае скучно не будет, но скорее всего я умру.

Мы помолчали, после чего явно не спешивший укладываться Гриша достал из кармана колоду карт:

– Вот что, давай ты задумаешь карту, а я ее угадаю.

Я задумала даму пик, и тотчас он достал ее из колоды.

– Не может быть! Давай еще раз.

Я вообразила десятку бубен, и снова тот же результат.

– Если Сага дала мне дар угадывать карты, я должен попробовать пойти в казино! – его лицо озарила внезапная догадка. – Ну, конечно, я пойду в казино и отыграю тебе все, что должен! Как же я раньше об этом не подумал?!

– А чего думать-то, раньше ведь у тебя не было такого дара, – попыталась поддеть его я. В этот момент мне стало ясно, что Гриша решил меня развести. Но как же здорово он все обставил!!!

Впрочем, игра еще не закончилась. И, потерпев карточные фокусы еще с полчасика, я выдворила его спать.

Гриша послушно ушел, но вскоре вернулся с бесплатной газетой, на страницах которой размещали свою рекламу всевозможные казино.

– Вот видишь, мне всего-то нужно двести рублей за вход и двести, чтобы купить одну фишку. Четыреста рублей – ерунда собачья.

Я молчала. Четыреста рублей – это все деньги, которые у меня были отложены на еду. С одной стороны, будоражила мысль продолжить рискованную игру, с другой – я понимала, что все это дешевая разводка. Что даже если Гриша и привез мне чемодан с деньгами, скорее всего он и спустил все его содержимое в ближайшем к вокзалу казино, чем, собственно, и объяснялась его задержка.

Но как же хочется верить в сказку…

За эту ночь Гриша несколько раз вваливался ко мне в комнату в сомнамбулическом трансе, кидал на подушку записку от Саги и тотчас удалялся, лунатично выставив перед собой руки.

Потом он попросил закрыть за собой дверь и вновь убежал на встречу с ограбившими его людьми.

Наутро он разбудил меня веселыми звонками в дверь. Я

вскочила, в очередной раз благословляя небо, вовремя отправившее семью на дачу, с ними мне бы потом пришлось разбираться за поведение Гриши не на шутку.

Дождавшись, когда я сварю кофе, Гриша сообщил, что прямо сейчас мы с ним поедем в одно казино, которое во сне показала ему Сага. И если все в нем будет таким же, как он запомнил, его выигрыш неминуем и мы разбогатеем.

Потом он пустился в детальное описание «увиденного во сне».

Позвонив в означенное заведение, я выяснила, что пускают туда после восьми вечера, так что можно было не торопиться.

Работать не хотелось, поэтому я принялась за изучение ночных записок шаманки Саги, а Гриша отправился спать перед решающей игрой, как он сам выразился.

Первое, что меня неприятно поразило – цвет используемой ручки, нежно-голубой, редкий. Не было никакого сомнения в том, что это была именно моя, полученная на день рождения авторучка. В России таких стержней еще не было, и эту мне доставил знакомый из Парижа. Этой авторучкой с колпачком, на котором сидела крошечная фея, я очень дорожила.

Я тихо зашла в комнату, где спал Гриша, и обнаружила мою авторучку на столе. О ужас! на ней не было красивого колпачка! Первая посетившая меня мысль была растолкать гада, выяснив, куда он задевал фею, но когда я представила, что сейчас он снова станет колобродить по дому… Словом – не буди лихо, пока оно тихо.

Вечером мы отправились в казино, которое, оказалось точно таким, как описывал его Гриша. Я уже и сама была не рада, что пошла. Было жалко денег, к тому же я не люблю азартные игры, а чтобы еще и финансировать посещение подобных мест!

У дверей стоял швейцар. Видя мое замешательство, он любезно предложил нам сначала войти в казино и посмотреть его изнутри, а уже потом платить за вход. Мы приехали слишком рано, и народ еще даже не начал подтягиваться. Впрочем, швейцар ничем не выдал того факта, что Гриша уже был здесь. Сам же Гриша то и дело показывал мне то на один, то на другой предмет, «увиденный им во сне», восторгаясь достоверностью и обещая, что у нас все получится.

А что, если это и взаправду: Сага, вещий сон, шальные деньги? За моей спиной топтался заметно нервничающий Гриша.

Я подошла к зеркалу в красивой золотой раме и, поправив прическу, присела в кожаное, похожее на трон кресло возле прозрачного стола. Вдруг подо мной что-то хрустнуло. Я вскочила, решив, что случайно села на чьи-то очки, и… На

сиденье кресла с самого краешка, где его не видели тщательно убирающие помещение уборщицы, лежал колпачок от моей любимой авторучки!

Я тотчас покинула казино. А Гриша тем же вечером сел в поезд до Москвы, на билет у него деньги были припрятаны заранее. И когда его поезд тронулся, вторая часть предсказания Саги исполнилась сама собой. Помните, она сказала: «Но если ты откажешь ему и не дашь денег на то, чтобы он мог сделать ставку, он уедет и забудет про тебя навсегда»?

Так и получилось. Не знаю, забыл ли меня Гриша, но с тех пор я ни разу не слышала о нем.

Заложник, Катькин сад, «Интернат боли»

Этот звонок застал меня врасплох потому, что я понятия не имела, не только с кем разговариваю, но и о ком идет речь. Голос в трубке был безразлично-холодным. Казалось, что говоривший безмерно скучал, лениво переворачивая языком пласты тяжелого воздуха. Слова давались ему с трудом, как это бывает, когда только что проснулся или не до конца отошел от наркоза.

– Это Юлия?

– Да.

– Твой друг у нас… (пауза). Если ты немедленно не явишься за ним, мы ему яйца отрежем. Поняла?

– Поняла. А какой друг?

– Твой друг, ты что, дура? Вчера в Катькином саду взяли.

Меня затрясло. На самом деле на тот момент времени у меня не было любимого мужчины, да и друзья… Была компания, с которой ходила на дискотеки. Но кто бы это ни оказался, я по-любому не собиралась его отдавать.

– Чтобы через полчаса была. Всё – не без труда выдавил из себя собеседник.

– Да где быть? Где вы находитесь! – завопила я, боясь, что неведомый собеседник сейчас повесит трубку.

Он назвал адрес.

– Через час, – уточнила я, – быстрее никак не получится, я на окраине города живу.

– Но если через час тебя не будет, ему п…ц.

Какое-то время я слушала гудки.

Что делать? Вызвать милицию? Ну да, явятся с мигалками, с шумом, гамом, выламыванием дверей. Говорят, после нашего ОМОНа, как после антибиотиков, вообще никого живого не остается.

Впрочем, кто сказал, что милиция вообще приедет? Помню, однажды мы с соседкой в течение двух часов по очереди звонили в ближайшее отделение, упрашивали спасти нас от молотящего в железную дверь дебошира. И что же, он устал, затих, уснул, а они так и не явились.

Таким макаром можно прождать милицию и дольше, а через час…

Немного настораживало, что звонивший не попросил принести с собой денег. Что это? Кто-то решил свести счеты лично со мной? Бред.

Мысли путались. Я заглянула в платяной шкаф – дорогие кожаные штаны, привезенные из Надыма, сразу же решила оставить дома. Если меня грохнут, у мамы будет что продать на крайний случай. Вообще, дарить самую дорогую вещь моего гардероба каким-то отморозкам не хотелось.

Поэтому я оделась как предельно просто: скромные малиновые брючки в обтяжку, белая блузочка, на ногах туфли-лодочки без каблука на случай, если придется побегать. На плече неброская сумка со ста пятьюдесятью рублями – деньги, отложенные на косметику.

Я доехала до «Чернышевской» и быстро нашла улицу Восстания. Дом тоже отыскался без проблем. Не зная, что буду делать и что говорить, я вошла в подъезд и, перекрестившись на пороге, позвонила в нужную дверь.

Какое-то время пришлось подождать. Сердце стучало так громко, что я невольно начала оглядываться. Наконец в квартире послышалось шевеление, лязгнул замок, между дверным косяком и дверью образовалась щель, откуда на меня глянули два безразличных глаза. Дверь закрылась, упала цепочка, и тут же открылась снова, меня впустили в помещение.

Да, это было типичное самозасел. Во всяком случае притон еще тот: поломанная мебель, ободранные обои, заваленный окурками, пустыми консервными банками и использованными шприцами стол.

Но первое, что я увидела, был лежащий напротив меня совершенно обнаженный и сильно избитый незнакомый парень.

Должно быть, в этот момент мне зашли за спину и всякое отступление сделалось невозможным. Кроме нас в комнате находилось еще четыре мужика.

Я рванула к двери, тут же получила кулаком в поддых и полетела на пол к заложнику. Слезы брызнули из глаз. Вообще, меня куда ни ударишь, все больно, к тому же я не привыкла к такому обращению.

«Сейчас нас убьют», – пронеслось в голове.

Но в следующую секунду я уже знала, что делать. Вернее, не знала – почувствовала, учитывая окружающую обстановку.

Я поднялась. Медленно сунула руку в сумку, вынула оттуда кошелек. Слез уже не было. Слезы вообще хороши, когда ты одна или когда можешь чего-то добиться слезами. Здесь такие номера не проходили.

– У меня тут сто пятьдесят рублей! – спокойно и с расстановкой, чтобы все поняли, сообщила я. – Он, – взгляд в сторону заложника, – большего не стоит.

Я протянула деньги стоящему напротив меня наркоману.

Тот молча и с каким-то уважением загреб деньги вместе с кошельком и отступил от двери, пропуская нас.

Подхватив свои шмотки и обувь, парень вылетел за мной. Одевался он на ходу уже в подъезде, сначала джинсы и кроссовки, на ходу натянул футболку.

Мы вышли на улицу Восстания, дошли вместе до метро.

– Я неделю назад в Питер приехал на заработки, а тут такое… – он виновато улыбнулся. – Спасибо тебе. Я уж думал, хана мне.

Не спросила, откуда наркоманы узнали мой номер телефона. Скорее всего, он каким-то чудным образом оказался в телефонной книжке моего нового знакомого. Но откуда?

Я отправилась не домой, а к подруге, работающей рядом с опасным местом. Хотелось с кем-то поговорить, обсудить произошедшее, болела печень, и, как обычно в таких случаях, отчаянно хотелось кофе. К тому же моя косметика растеклась и надо было хотя бы умыться.

Но, посидев у нее с полчасика, я вдруг поняла, что совершила ошибку: не спросила парня, ни как его зовут, ни куда он собирается идти. А ведь у него травмы, наверное, нет денег. Во всяком случае, наверняка эта компания вывернула его карманы наизнанку.

С другой стороны, совсем не хотелось, чтобы меня теперь вызывали подобным образом: всех заложников не выкупишь, а вот так, на голубом глазу, вылезти из достаточно серьезных передряг в другой раз может и не получиться.

Я вспомнила, что в телефонном разговоре упоминался Катькин сад, панель для геев. Должно быть, приезжий искал себе именно такую подработку в Питере, а может, просто было не с кем выпить, неудачно попытался найти новых друзей…

В ту же ночь я отправилась в Катькин садик, где, завернувшись в пушистое теплое боа, рассказывала эту историю всем, кто соглашался меня выслушать, пытаясь выяснить судьбу незнакомца.

Утром приехала домой и, проспав до вечера, отправилась на ЛИТО в ДК «Красный Октябрь», сейчас оно называется «Крестовский остров». Там, почитав стихи и пообщавшись с нашими поэтами, я попросила взявшегося подвезти меня поэта Андрея Головина доставить меня к памятнику Екатерине, где снова просидела до утра.

Гей-радио распространяло по плешкам[50] весть о том, что сумасшедшая девушка ждет избитого два дня назад парня в Катькином саду. Ждет, чтобы узнать, чем она еще может ему помочь.

Но парень действительно оказался не местным, кто-то вроде

как помнил, что пару дней назад к ним подходил новенький, спрашивая, что и почем, но никто не взял его номера телефона, не интересовался, где он живет.

Кто-то говорил о похожем парне, бродившем несколько дней назад на дискотеке в Балтийском доме, где он пытался устроиться на работу в труппу.

Больше никогда я не видела этого человека и, подежурив в садике три ночи, бросила это бесполезное занятие. Должно быть, он нашел возможность убраться из Питера и теперь у него все в порядке.

Может быть. Хотелось бы в это верить.

Цель оправдывает средства

Не скажу, что эта пословица во всех случаях актуальна, но во время сбора поэтического материала на сборник «Белое на черный день» было именно так.

Сборник этот делался от Союза писателей России, но, в отличие от большинства проектов этого Союза, был, прямо скажу, революционным. Еще бы, все знают, как в Союзе писателей России не любят нетрадиционную поэзию. То есть белый стих еще как-то переваривают, обэриутов подчеркнуто не замечают, словно и не было таковых, а вот верлибр… бр-р…

Издаться же под эгидой настоящего Союза писателей было то же самое что из человеку-невидимке вдруг сделаться видимым, бомжу приобрести вид на жительство, а потерявшему конечность инвалиду получить свою чертову инвалидность пожизненно, без изнуряющих проверок раз в год на предмет: а не выросла ли у вас вновь ампутированная конечность.

В общем, это было круто!

Добро было получено, и мы с поэтом Димой Киршиным начали собирать сборник. Сразу же встал непростой вопрос, как заманить в проект лидеров нетрадиционной поэзии Арсена Мирзаева, Дмитрия Григорьева и Валерия Земских. Все они жили в нашем городе, у меня были их телефоны, но…

Как убедить людей не просто отдать свои тексты за просто так, это бы еще ничего, а еще и получить с них деньги за публикацию. Союз писателей дал только формальное «добро», неформальное же, а именно деньги, мы должны были собрать сами.

Позвонила Григорьеву, с ним я была знакома по сборнику, который Дима, в свою очередь, некоторое время назад собирал для Пушкинской, 10; туда вошли и мои стихи, правда, сборник так и не вышел, ну да не суть.

Выслушав мои доводы в пользу сборника нетрадиционной поэзии, Дмитрий велел позвонить Арсену, если тот примет предложение, а также если дать тексты и деньги согласится Валерий Земских, он тоже присоединится к проекту.

От людей я слышала, что эта троица считается в литературной тусовке неразлучной, а значит, не уговорив одного, я автоматически теряла всех.

Следующий звонок Арсену. Тот же результат: «Пусть сперва согласятся Григорьев и Земских, а там уж посмотрим».

Черт бы побрал круговую поруку! Так они меня с год будут гонять как лошадь в цирке.

Процесс грозил затянуться, и я пошла напролом.

– Григорьев уже согласился. Сейчас буду звонить Земских, – без тени смущения солгала я.

– Тогда я тоже согласен, – расслабился Арсен.

Дальше все уже шло как по накатанной, вся троица сдала отличные подборки, и сборник вышел, буквально в последний момент получив свое название: «Белое на черный день». Белое – потому что белые стихи и потому что свет белый. А черное, да что, его мало в нашей жизни?

Потом на презентации сборника Арсен заметил, что в тусовке уже был сборник «Черный день» и «Черно-белый день», а у О'Санчеса[51] «Черно-белая ночь». Наше же название словно объединило разные проекты, придав привычному словосочетанию новое звучание.

Что же до моего обмана, он, разумеется, открылся, но троица не была на меня в обиде. Сборник-то получился!!!

Интермедия

Сборники сборниками, а находить деньги на жизнь становилось все труднее и труднее, поэтому в какой-то момент и мне пришлось отправляться на кастинг, устраиваемый специально для представителей японских фирм-нанимателей и хозяев клубов, и, выиграв, получить свой первый контракт на работу в Стране Восходящего Солнца.

Я не буду описывать здесь свои похождения в Японии, об этом вышла целая книга «Изнанка веера. Приключения авантюристки в Японии».

Отмечу только, что по возвращению из первых трехмесячных гастролей (вообще в Японии я была два раза: сперва три месяца, а потом – шесть) я уже имела на руках достаточно приличную по питерским рамкам сумму денег и наглый апломб человека, сделавшего что-то необычное в своей жизни и уже готового к новым подвигам и приключениям.

Приключения же начали буквально падать на голову, едва наш самолет приземлился в Москве и мы устремились в Питер.

О Бене, холодильнике с мороженым и короне Российской империи

Если честно, о фонде «Серебряный век» я ничего не знала и не слышала, пока однажды о нем не рассказала случайная знакомая – девушка Тося.

– Юлька, мы едем в Ниццу на выставку, везем театр Томошевского[52], струнный квартет, показ мод. С нами будут ученые, артисты, корона Российской империи и целый холодильник мороженого.

Наш начальник по прозвищу Беня Крик предлагает тебе принести в контору свои книги, экземпляров по десять – на продажу.

От обилия свалившейся на меня информации я не сразу нашлась, что и сказать – еще бы: и наука, и холодильник мороженого. Почему-то сразу же представился большой белый ящик типа «Норд», и корона, и Беня Крик, интересно, кто это такой?

Не до конца еще задавленный критик попытался было выбраться на волю, но вместо этого я ушла в откровенное нытье.

Сказала что-то о бесполезности везти в Ниццу русскоязычные книги, о противной оттепели, плохом настроении, о том, что никак не могу собраться воедино после Японии…

– Ты заезжай к нам (она назвала адрес), у нас Юрий Томошевский почитай что каждый день тусуется, познакомлю.

От такого знакомства я отказаться не могла и мы тут же договорились о встрече.

Беня сразу же произвел на меня довольно-таки сильное впечатление: носатый, с длинными желтыми ногтями завзятого курильщика и редкими зубами, он походил на хищную птицу.

Я сразу же отметила, что Тосин начальник был одет в неплохую тройку, из-под которой торчал жутко грязный ворот некогда белой рубашки.

Первым делом Беня вперил в меня колкий изучающий взгляд, голова его при этом чуть склонилась набок, как у любопытной вороны, отчего сходство с миром пернатых только усилилось.

Впрочем, несмотря на неординарную внешность (люблю необычных людей) разговор не клеился. Беня говорил о подаренных фонду «Икарусах», спонсорах, проблемах с прессой и финансированием мероприятия.

Я старательно улыбалась, подавляя зевки, когда же Беня наконец оторвался от своих любимых бухгалтерских тем и

повторил предложение отправить книги на выставку, я вежливо отказалась и с понурым видом побрела к выходу, проклиная на чем свет стоит того черта, стараниями которого я-таки приперлась в этот «Серебряный век», как вдруг мое пальто, которое я только что сняла с вешалки и пыталась надеть, кто-то буквально вырвал из моих рук.

Я обернулась, недоумевая, что происходит. Передо мной стоял Беня.

– Юля! Я так ждал тебя, так часто представлял нашу встречу, что совсем стушевался, – он нервно дернул головой. – Пойдем, – он прижал к груди мое пальто, рачьим ходом отступая к себе в кабинет.

Выскочившая проводить меня Тося глядела на эту сцену округлившимися от ужаса или удивления глазами, руки ее инстинктивно прикрывали рот. Такое чувство, что она хотела, но не успела предупредить меня о маньячном характере шефа, рецидивы у которого происходили, только осенью, а ведь еще весна.

Ну что же, теперь сама обо всем и узнаю, – попыталась я ободрить Тосю взглядом.

Впрочем, кого мне бояться? Птица Беня вел меня не на чердак и не в подвал, а во вполне цивильный кабинет. Там уже была и успела оценить и застекленную дверь, которую, судя по виду, можно было, разбежавшись, вышибить. Да и сам кабинет располагался всего-то на втором этаже. Вряд ли сильно расшиблась бы, ежели что. Приходилось уже прыгать, не страшно. А впрочем, к чему прыгать, когда можно выйти, пусть даже и без пальто. Бегом до метро, а там уже и не холодно.

Я вернулась в кабинет, сев на тот же самый стул, на котором сидела до этого.

Главное, не показывать маньяку, что боишься его. Страх для них – стимулятор. Даже самая страшная бабенка, если она визжит от ужаса, привлекательнее для садиста, нежели его роскошная, красивая, ухоженная жена, которая смотрит на него сонными, безразличными глазами и ведет разговоры о стиральном порошке и мытье посуды. Тоска зеленая. Именно так я и решила вести себя, разговаривая на скучные темы и ожидая, когда у агрессора закончится приступ. Ведь всё когда-нибудь да заканчивается…

– Я читал твои стихи, – начал он, подвигаясь ко мне и нервно заламывая длинные пальцы с желтыми ногтями, такими длинными, что в них вполне могла бы поместиться доза какого-нибудь наркотика – например, опиума. Наверное, такие персонажи должны были появляться во время нэпа. Да, Беня напоминал мне персонажа из старого кино или какого-то романа.

Впрочем, секретарша сама назвала его «Беня Крик». Ох, надо было еще тогда просечь что к чему и не ловить удачу там, где ее в принципе не может быть.

– Я собирал твои стихи, купил книжки… твои стихи…

– Да, что вы говорите? – я напустила на лицо кислое выражение.

– Вот! – Беня проворно обошел стол и, подойдя к застекленному шкафчику, достал оттуда три моих сборника «Глаза пустоты», «Закон луны» и «Соблюди безумие».

Крыть было нечем. Я во все глаза уставилась на директора фонда, впервые обнаруживая в нем не безумца, а вполне нормального дядьку, который действительно читал меня. Нервничал, стеснялся, мандражировал перед встречей с любимым автором.

– Вот погляди, – он нервно поводил компьютерной мышкой и, выбрав какой-то файл, открыл его. Передо мной были мои неопубликованные стихи.

– Вот что, поехали с нами во Францию, – просто сказал он и закурил.

Договорились, что я принесу на следующий день загранпаспорт и буду готовить программу выступлений. Прощаясь, я протянула Бене руку для поцелуя. В этот момент в комнату ввалилась секретарша Тося.

– Евгений Борисович! – закричала она срывающимся голоском. – Евгений Борисович! Я только что закончила обзвон газет, поговорила со всеми журналистами и перевела им деньги. Они обещали в течение трех дней выдать нам разгромные статьи о деятельности нашего фонда!

– Какие? – переспросил Беня, хватаясь за сердце.

– Какие?! – не поверила услышанному я.

– Как какие? – победно взвыла секретарша. – Вот такие, – она развела руки в стороны, – разгромные!

И на самом деле о деятельности фонда «Серебряный век» в скором времени появились действительно разгромные статьи. Но это было связано как раз с организацией нашей поездки, и об этом я расскажу в следующих главах. А в тот момент Беня бессильно простерся в кресле, а я, вытребовав у дурной Тоськи список редакций с номерами телефонов, начала спешно отзванивать журналистам, объясняя, что им были заказаны не разгромные, а большие, огромные статьи.

Беня

В Ниццу «Серебряный век» направлялся двумя группами, первыми уехали те, что решили путешествовать на автобусе. С ними двигался фургончик с мороженым «Серебряный век». Как пророчески шутили организаторы поездки, в крайнем случае будет чем питаться.

Вторая группа, в которую собственно я и входила, должна была добираться до места на самолете. Точнее, на самолете до Парижа, а дальше уже поездом до Ниццы.

Каждый день Беня встречал целые делегации гостей, спешно затаскивая их к себе в кабинет, где вел напряженные переговоры. Не хватало денег, поджимало время.

Беня теребил Юрия Томошевского, вел бесконечные переговоры с музыкантами и художниками, встречался с журналистами. Он должен был блеснуть, быть может, в последний раз.… Сверкнуть, поражая широтой охвата, высотой полета или Бог его знает чем.

Это был его последний шанс. Взлететь, исполнив головокружительный фортель, чтобы пропасть уже навсегда.

Некогда весьма богатый человек, а ныне похожий на одинокую, потрепанную птицу, Беня должен был доказать всем, что он еще на что-то годен, что у него получится, что он не напрасно потрясает своими потемневшими от времени регалиями, траченными молью масонскими мантиями, проржавелой сталью некогда прекрасного оружия.

– Однажды меня взяли в заложники, и я месяц просидел в какой-то квартире, запуганный до такой степени, что без разрешения не смел не то что слово сказать – вообще ничего. В туалет, пардон, мадам, нормальный мужик в туалет под конвоем.

– Чего они хотели от вас? – спрашиваю я, заранее зная, что любопытство мое основано не на сострадании к Бене и уж всяко не на симпатии к нему. Ни капельки он мне не симпатичен. Просто так уж мы, писатели, устроены, что информация у нас решает все. А тут еще и такой жизненный опыт.

– Я был, дорогая девочка, как это писано в стихах, владельцем заводов, газет, пароходов. У меня было все – особняки, виллы, счета в банках. Я снимался в художественном фильме, играя Беню Крика, потому что никто другой не мог так сыграть Беню Крика. Его нельзя сыграть. Беня должен быть настоящим, или это не Беня вовсе, – он выразительно отмахивается от какого-то навязчивого видения, словно

сбрасывает с кисти сразу же несколько золотых печаток.

Мне кажется, что я слышу звон.

– Таки они хотели получить Бенины деньги. Беня говорил им, давайте рассуждать, как разумные люди. Но посудите сами, если вы заберете у меня все, что буду делать я?

Заметьте, господа, я не спрашиваю, чем конкретно Беня будет кормить своих детей. Беня понимает, что господам бандитам нет дела до Бениных деток, и до того, что он не может бесконечно кормить их грудью. Нет, господа, я говорю о том, чтобы оставить мне средства для оборота, чтобы я мог вложить их в дело, обеспечить деньги-товар-товар-деньги оборот, чтобы я смог снова подняться и снова отдать вам. Я говорю о том, что, сделав такую малость, вы обеспечите себя волшебной курицей, которая будет вам же исправно давать золотые яйца.

Но они не собирались слушать меня.

Целый месяц, – а это очень много, – когда каждый день видится последним. И что ты видел в этот день, кроме рисунка на обоях и голубой батареи? Я ел, когда мне разрешали есть, а не когда кидали есть. Ведь это же разные вещи. Я мог умереть, глядя на корку хлеба и не решаясь запихнуть ее в рот, потому что мне этого не разрешали.

Я мог обгадиться, потому что не смел перебивать охраняющих меня мордоворотов, сказав, что мне срочно нужно на горшок.

Однажды они перепились, я ходил по квартире, в которой вповалку лежали державшие меня целый месяц взаперти люди, и смотрел на незапертую и даже слегка приоткрытую дверь, ожидая подвоха.

Я не мог выйти из квартиры, потому что боялся: все подстроено, меня непременно поймают и изуродуют. Не представляете, как это было страшно!

Но что толку просто сидеть перед открытой дверью и думать, что тебе будет, если ты осмелишься выйти наружу. И я вышел…

Я шел, прижимаясь к стенам, прислушиваясь к мельчайшему звуку. Я шел по лестнице, потом вышел на улицу и шел куда глаза глядят, ожидая, что в любой момент меня поймают и отправят обратно.

Добравшись до своего дома, я заперся и просидел еще с месяц дома, подозревая всех и каждого и ожидая только одного, что за мной непременно придут, чтобы снова приковать к батарее и бить ногами.

Тогда он отдал бандитом почти все, что у него было. Осталась квартира, остались друзья и люди, которые слышали

легенды о Бене и не хотели поверить в то, что он потерял все и больше не поднимется.

Поэтому Беня жаждал не просто славы, а невероятного успеха, для достижения которого все средства были хороши. Он брал в долг у друзей и врагов, у тех, кто ходил в авторитетах, и тех, кто считал авторитетом его, прекрасно понимая, что в случае провала незачем будет жить уже потому, что с живого можно стрясти какие-нибудь деньги, а с мертвого – фиг.

Дни поездки то назначались, то снова откладывались. И вот наконец во Францию отправились автобусы и через недельку наша вторая группа прибыла в аэропорт.

– Деньги на билеты до Ниццы еще не перевели, – сообщил Беня во время регистрации на самолет, – но, скорее всего, переведут, когда мы будем уже в Париже, – он весело засмеялся, оправляя давно не мытые волосы.

Участники похода похихикали в ответ, шутка пришлась ко двору.

И только один человек немедленно развернулся на месте и, дойдя до кассы, вернул свой билет.

Столица нашей родины

Рядом со мной у окошка сидела рыжая девушка по прозвищу Гарпия, переводчица с английского. Зачем во Франции английский язык? А Бог его знает, Бене мордашка приглянулась. А нам-то еще и лучше: компанейская девица, сразу видно – с такой не пропадешь. У кого-то в сумке оказался запас баночных коктейлей, и мы весело праздновали всю дорогу.

Когда самолет пошел на посадку и за иллюминатором замелькали зеленые и коричневые лоскутки, серые игрушечные дороги с игрушечными же на них машинками и крошечными домами окрест, когда шасси коснулось полосы и салон огласился благодарными аплодисментами, произошло чудо, и я ясно услышала, как голос стюардессы возвестил:

«Самолет приземлился в столице нашей родины – городе Париже»…

Я оглянулась на сидящих рядом со мной ребят. Всем не терпелось ступить на землю легендарной Франции, увидеть Лувр, Елисейские Поля, Сену…

В аэропорту наши разбились на группками: кто-то заполнял декларацию, кто-то спешил поменять деньги или отзвонить по телефону.

Меня подтолкнули в очередь к улыбчивому кругленькому человечку в форме. Тот мельком глянул на мой паспорт, достал бланк с каким-то списком и нараспев прочитал:

– Наркотики, оружие, контрабанда?

Голубые прозрачные глаза уставились на меня с нескрываемой симпатией и надеждой.

– Спасибо, не надо, – вежливо отказалась я.

Непруха

Было жаль, конечно, что мы не посмотрим Париж, а сразу же должны будем отправиться на вокзал. Хотя, если билеты еще не куплены, вполне возможно, что в поезд на Ниццу мы сядем только к вечеру. А значит, в нашем распоряжении останется целый день!

Но тут озорница Фортуна явно начала издеваться над нами. Во-первых, мрачная «шутка» Бени о непереведенных деньгах оказалась правдой, и для начала мы застряли в аэропорту Шарля де Голля, а Беня с заместителями побежали звонить не встретившим нас людям. В конце концов, когда мы окончательно намозолили глаза, администрация выделила для нашей группы бесплатный автобус до Лионского вокзала, откуда мы должны были продолжить свой путь.

И снова неудача. На вокзале мы просидели весь день.

Уставшие, измотанные, мы по очереди охраняли вещи, по очереди гуляли по вокзалу. К концу дня нас приметили украинские бомжи, живущие тут. Очень вежливые, пронырливые, немного суетливые, они проводили день в поисках, где бы что стырить, хотя многие из них, принципиально не опускаясь до воровства, питались в бесплатных столовых для бездомных, успевая за день посетить до трех раздач горячего питания. Это можно было сделать, имея часы, так как во все пункты раздачи еду привозили в разное время.

– Хотите увидеть дно? – спросил меня интеллигентного вида клошар в очках-полумесяцах и французском шарфике поверх спортивной куртки «Адидас» со значком «Зенит».

– Дно? – я приподнялась со скамьи.

– Я могу показать вам дно Лионского вокзала. Настоящее дно!

Я благодарно кивнула и, оставив давно надоевший чемодан на попечение сидевшей рядом журналистки, пошла, нет – полетела за новой информацией.

На самом деле, я бы и черту в пасть полезла, лишь бы не сидеть на месте, не зная, что будет дальше.

В Париже бомжи не такие, как в России. Здесь они чистенькие, потому что всегда есть где умыться, постирать вещи, сходить в туалет. Есть места, где можно посидеть или даже поспать в тепле или разжиться поношенной, но чистой одеждой.

– …Конечно, те, кто только что приехал во Францию, еще необтесанные, у них ничего нет, они дикие, злые, боятся… Я уже

шестой год, привык, язык знаю. Тут жить можно даже без пособия. Здесь я бог и король. Кстати, меня здесь так и зовут – Король.

Дно Лионского вокзала представляло собой длинную платформу со всевозможными хозяйственными помещениями. Первым делом новый знакомый отвел меня в бесплатный туалет, после чего я с наслаждением помыла руки горячей водой с мылом.

– Здесь всегда можно умыться и даже постирать мелочишку, – деловито отрекомендовал заведение мой провожатый.

В это время в пункте бесплатного питания как раз начали раздавать суп. В очередь выстроились сумрачного вида люди: одна некогда красивая негритянка и несколько белых мужиков с невыразительными лицами… У всех поднятые воротники, потерянные взгляды.

Я сразу же поняла, что есть в этом месте не буду. Почувствовав мое состояние, Король, подхватив меня под локоток, помог подняться по небольшой лестнице, которая вывела нас на площадку, где пассажиры брали тележки.

– Тележка работает, когда в нее положишь монетку, – объяснил он. – Когда отвезешь вещи, забираешь монетку, и тележка стопорится.

– Понятно, – я посмотрела на тележку. Тележка как тележка. – И что?

– А то, что не все ведь забирают монетки! – весело сообщил Король и на полусогнутых побежал по первому ряду тележек, внимательно вглядываясь в щели приемных устройств. Заразившись его энтузиазмом, я тоже пошла вдоль тележек, пытаясь поймать свою «золотую рыбку».

Золотоискание оказалось делом интересным и весьма увлекательным. Пробежав вдоль второго ряда, я сбегала за угол, где стояли брошенные кем-то тележки. Наградой мне была одна монета.

Возвращаясь к Королю, я заметила рядом с ним полноватого мужика с рыхлым, бледным, точно непропеченное тесто, лицом.

– Ну, что ты делаешь, Король! – журил моего нового знакомого новоприбывший. – Она тут всего ничего, а ты ей доверил такой объект! Непорядок, Король! Свергать тебя будем.

– Ничего, Рыло, – Король блаженно улыбался, жонглируя двумя весело подпрыгивающими в его правой руке монетками, – лиха беда начало. Пусть обживается в Париже. А то приехать во Францию и не получить никакого удовольствия от жизни…

На оставленную мне Королем монетку я купила ручку с Эйфелевой башней в подарок маме.

Первая ночь в Париже. Слава Богу, мы провели ее в гостинице, причем в достаточно приличной. С красивыми, хорошо обставленными комнатами и картинами на стенах. Нам – мне, Гарпии и еще двум дамам, одна из которых играла на сцене и в жизни королеву-мать, а другая поражала величиной своих габаритов и широтой взглядов – нам досталась очаровательная, просторная и светлая мансарда со скошенными потолками, крохотным трюмо и изящными креслицами в стиле кого-то из Людовиков.

Из окна открывался потрясающий вид на разнообразные крыши Парижа. Ах, как это было замечательно: серые, красные, рыжие, черные с маленькими шпилями, конусообразные, плоские со странными украшениями в виде ладьи или с изящными флюгерками. Крыши с круглыми окошечками, похожими на корабельные иллюминаторы, чердачные окошки с пристроенными маленькими кружевными балкончиками. Купола домашних церквей были украшены крестами, и тут же рядом можно было увидеть чей-то аляповатый флажок и флюгер в виде сгорбленного старца.

Два окна домов напротив были соединены крошечным мостиком. На нем, точно в сказке Ганса Христиана Андерсена, красовались алые и белые розы.

Первая ночь в Париже. О, сколько раз я себе представляла эту первую ночь в загадочном, таинственном, романтическом Париже! И что в итоге? Я и еще три тетки лежим вповалку на паре двуспальных кроватях, не в силах пошевелиться после измотавшего нас дня и прохладного душа.

Мы слышали, как кто-то ходил по коридору. Кто-то из наших намеревался идти смотреть ночной Париж, мы же могли только невнятно мычать что-то, уставшие от безмерно долгого сидения на Лионском вокзале. Какой позор!

На следующее утро я проснулась в странном настроении ожидания чего-то необъяснимого. Мы позавтракали, а затем я, Гарпия и примкнувшая к нам дама отправились смотреть Париж.

«О, Париж… там воздух пропитан любовью, там женщины точно цветы, а все мужчины дон Жуаны…». Мужчины действительно кричали нам вслед. А чего им не кричать, когда у меня рыжие до пояса волнистые волосы, зеленая шапочка от Кардена, зеленый легкий плащик, а на ножках изящные туфельки. Гарпия в снежно-белой курточке, распахнутой на пышном бюсте, голубых джинсиках на два размера меньше положенного и сапожках натуральной кожи, а наша новая знакомая так и вовсе в серой шали и юбочке с разрезом до задницы. Я бы как раз

удивилась, если бы мы им не понравились. Тем более, что, как выяснилось, по-настоящему модных, красивых и стильных женщин в Париже днем с огнем не сыскать.

Где-то на третий день наших парижских странствий мы действительно приметили потрясающе красивую женщину лет сорока пяти, в рыжем шерстяном брючном костюме с рыжим же, подбитым мехом плащом до самой земли. Мы переглянулись, отмечая и ее аккуратно уложенные светлые волосы, и изящную шляпку, и тоненькие каблучки. Ах, как она не была похожа на всех остальных! На девушек в обуви, в которой русские барышни постеснялись бы в огороде копаться, в грубых юбках с карманами, сделанными в расчете на пол-литра пива, с ненакрашенными одутловатыми лицами.

– Вот она – настоящая француженка, парижанка! – с восторгом произнесла Гарпия.

– Должно быть, все, кого мы видели до этого, приезжие, – предположила в свою очередь наша новая знакомая. – Париж ведь столица, вот сюда и прут все кому не лень. Видали, сколько арабов? А негров?..

Так бы мы и шушукались, перешептывались и перемигивались, но вдруг очаровательная незнакомка сама подошла к нам.

– Девочки, вы откуда? – спросила она на чистом русском.

– Из Питера, – растаяла Гарпия.

– А я из Москвы. Здесь у меня фирма, пятнадцать лет уже живу. Как здорово, что увидела своих…

Вот так нашли красивую француженку…

Впрочем, все это было на третий день знакомства с Парижем, а в тот первый выход в город мы просто шли вдоль Сены, шли и не понимали, что происходит. Дело в том, что местами Париж разительно напоминает Питер. Вот буквально, идешь себе, рассматриваешь витрины антикварной мебели, играешь в игру «Что бы купила, если бы были деньги», идешь и постоянно ловишь себя на мысли, что и не в Париже ты вовсе. Какой там Париж, когда буквально за поворотом Марсово поле? Идешь себе, идешь и… Елисейские Поля…

Солнце светило, но воздух еще был прохладный, знаете, как бывает – холодный и горячий воздух почти не смешиваются, а точно обжигают. На многих окнах тяжелые деревянные ставни, которые хозяйки отворяют утром, чтобы в доме было светлее. На внутренней стороне ставень в специальных углублениях расположены горшочки с цветущей примулой или фиалками. Так

и получается, что, когда ставни распахнуты, цветы украшают их, а вместе с ними и весь дом, напитываясь солнечным воздухом, а вечером ставни закрываются, цветы отправляются спать в теплые комнаты, минуя ночную свежесть и возможные заморозки.

Вот, пожалуй, и единственное различие – ставни. Ну еще один раз встретился непривычного вида темный храм, который, точно ржавая иголка, пытался пырнуть висевшее над ним рыхлое облако.

Я шла и буквально внушала себе, что я в Париже, что оказаться здесь была моя детская мечта, еще со времени прочтения «Трех мушкетеров», «Анжелики» Анн и Серж Голон и «Сирано де Бержерака». Все напрасно, что-то во мне упорно противилось впускать в себя Париж.

И тут произошло чудо.

На другом берегу реки мы увидели не похожее ни на что ранее виданное здание с башней, походившей одновременно на ракету и что-то неопознанно-острое, рядом с ракетой торчало нечто, напоминающее каменное кольцо. При этом чем ближе мы подходили к странному храму, тем больше удивлялись, так как с разных ракурсов собор Парижской Богоматери смотрелся по-разному. Что это именно он, мы поняли одновременно, чуть не закричав о своем открытии.

Мы перешли мост и всей троицей влетели в Нотр-Дам де Пари, наконец-то осознавая, что мы действительно в Париже, что мы добрались до цели, что…

Огромный темный храм с множеством расставленных рядами, потемневших от времени сидений. На некоторых разложены книги. Сразу же обратили на себя внимание огромные сине-красные витражи и…

…И тут заиграл орган. Прямо у нас над головами, напротив алтаря. В одно мгновение протяжные, глубокие звуки наполнили пространство, так что сам воздух сделался звенящим. Что-то темное, жившее во мне, рванулось было к выходу, но было убито на взлете. Показалось, что кто-то с невероятной силой распахнул парадную дверь в мою душу, и тут же музыка прошла навылет, оставив ничего не понимающее беспомощное тело наблюдать, как сквозь него летели аккорды. Я видела направляющиеся на меня и пролетающие насквозь звезды и планеты, неслись обломки стульев и уличный мусор. Летели свечи и сорванные с картин персонажи…

Я не могла ни сесть, ни сдвинуться с места, пораженная, пронзенная, убитая или воскресшая.

Неожиданно музыка сделалась мягче, и я, сорвавшись с невидимого крючка, сделала несколько шагов к алтарю,

удивляясь вновь обретенной способности владеть своим телом.

Обычно, заходя в храмы, я надеялась услышать там голос Бога. То, что произошло со мной в соборе Парижской Богоматери, не содержало мыслеформ-слов. Я не получила ответа ни на один из припрятанных в душе вопросов, да я их и не задавала, буквально задавленная, разорванная неведомой мне до этого силой музыки.

В этот приезд в Париж, я каждый день ходила в собор послушать орган. Но никогда больше он не производил на меня такого ошеломляющего впечатления.

Парижские мытарства

Из дорогой гостиницы мы перебрались со всеми вещами на улицу, ожидая, когда наше руководство отправит нас в Ниццу или вернет в Питер. Снова потянулись часы ожидания. Кто-то грозился немедленно вернуться в Россию, кто-то предлагал отправиться на поиски дешевой гостиницы или заведения вроде наших студентческих общежитий.

Труднее всего было с вещами. Лично у меня был чемодан на колесиках. Все-таки на месяц собирались, и рассчитывала, что буду читать стихи, а значит, наряду с обыкновенной одеждой пришлось брать с собой костюмы для выступлений с туфлями и килограммом косметики. Плюс, книги для выставки.

Музыканты надрывались под тяжестью инструментов, кто-то тащил театральные костюмы, XVII-XVIII века. В сумке нашей «императрицы» лежала корона Российской империи, сделанная в натуральную величину, со стразами. Немыслимо пойти куда-нибудь погулять, бросив все это. Еще глупее тащить с собой.

К вечеру второго дня народ скинулся, и все вместе мы двинулись в сторону гостиницы победнее. Средств на существование было в обрез, поскольку я ехала работать, денег с собой у меня было взято пятьдесят долларов на всё на про всё. Отдав которые еще на первую гостиницу, мне приходилось теперь лишь рассчитывать на милость компаньонов.

Правда, на улице никого и не оставили.

К моменту вселения в новую гостиницу мы все были жутко утомлены пустым ожиданием и сидением на чемоданах. Денег удалось собрать всего на несколько номеров, и ребята предложили следующий план: в гостиницу заходим по одному, максимум по двое. В первый день никто из администрации все равно не сообразит, кто заплатил за номер, а кто нет. Мы же спокойно расположимся по три человека на кровати и мирно проведем эту ночь.

Возможно, задумка была недурна. Но, как я уже упоминала, все мы были утомлены до последней степени, поэтому, невзирая на многократные предупреждения, вперлись в крошечную и не рассчитанную на великое переселение народов гостиницу, что называется, всем стадом.

– Боку! Боку![53] – встречала нас благообразная администраторша на входе, куда мы, отупевшие от голода и многочасового сидения на чемоданах, вползали угрюмым потоком, волоча за собой скарб.

Тут же был вызван чистенький, симпатичный директор,

который развел руками при виде нашего нашествия и пытался объяснить, что у него попросту нет стольких свободных номеров. И если все мы не уберемся из гостиницы прямо сейчас, он будет вынужден вызвать полицию.

В ответ на это франкоговорящий молодой человек, которого мы выбрали для переговоров, картинно бил себя кулаком в грудь, рассказывая о бедственном положении, в которое попала русская группа. Об умирающих от усталости женщинах, о детях, которые ждут лично его в далекой России и к которым, если дела и дальше пойдут столь же скверно, он уже не вернется. Профессиональный актер, он вкладывал в монолог всю силу убеждения и недюжинный актерский талант.

И случилось чудо: вместо обещанной полиции мы были впущены в гостиницу, заняли и оплаченные, и неоплаченные номера, с тем чтобы ровно в полдень следующего дня оставить завоеванное было жилье. Среди прочих благ нам даже позволили посетить завтрак, на котором подавали нежные ароматные круассаны.

Но на следующий день, когда мы со своими баулами выкатились на улицу, выстроившись на улице в шаге от давшего нам ночлег дома, хозяин гостиницы прошелся по всем номерам и, немало озадаченный, вышел на улицу. Отыскав нашего переводчика, он вежливо предложил нам остаться в его заведении бесплатно еще на один день.

– Дело в том, что обычно после выселения из номера французов остается столько грязи и хлама, что выносить приходится мешками, не говоря уже о порче имущества. Ваша же группа не оставила после себя ни пылинки… В общем, если вас устроит, поспите еще ночь на тех же простынях, наш дом открыт для вас.

Второй день и вторую же ночь в Париже мы прогуляли с жадностью дорвавшихся до вкуснятины гурманов. Денег на транспорт не было, поэтому, раздобыв в гостинице карты, мы ходили исключительно пешком, беспрерывно фотографируя все, что считали сколько-нибудь достойным быть запечатленным на пленку.

Впрочем, рассчитывать на то, что добрый хозяин гостиницы позволит нам задержаться у себя еще на несколько дней за одно лишь «спасибо», не приходилось. Денег, судя по всему, тоже ждать было неоткуда, поэтому оставалось последнее: обратиться в российское консульство.

А почему нет, мы же приехали по нормальным документам и приглашениям, а значит, по идее, за нас должен кто-то отвечать.

И вот, позвонив предварительно в консульство и получив от

них небольшой автобус с водителем, мы направились туда со всем своим багажом. К тому времени Беня со своими приближенными куда-то сгинул, так что у нас не осталось даже слабой надежды выбраться из этой передряги иным способом. Впрочем, у всех нас были обратные билеты с датой вылета через месяц, поэтому мы надеялись, что консульство сумеет заменить билеты и мы все улетим домой.

План действий казался простым и эффективным. Мы въезжаем на территорию консульства, после чего ни под каким предлогом не покидаем автобус. потому что, узнав про наши злоключения, второй раз нас могли просто не впустить.

Обидно, конечно, сознавать, что именно российское консульство давно уже снискало славу конторы, малополезной для своих граждан за границей. И если француз, немец и тем более американец, попав в затруднительное положение в чужой стране, первым делом обращаются в свое консульство или посольство за помощью (и, как правило, получают ее), то наши соотечественники совершенно не склонны тешить себя иллюзиями.

Как стало понятно уже с первых слов консула, наше присутствие во Франции не доставляло ему ничего, кроме головной боли. Посему нас просили немедленно убраться и решать свои проблемы самим.

После чего мы дружно засели в автобусе, не выходя даже покурить и приготовились принять бой. К тому времени некоторые наши музыканты уже попробовали петь на улице, но не заработали там ни франка. Еда, которую мы все брали с собой по минимуму, давно закончилась, и среди мужского населения начались голодные обмороки. Женщины, на первый взгляд, держались более стойко, но, как потом выяснилось, у нашей «королевы» на седьмой день пребывания во Франции открылась язва желудка, и ее пришлось отправлять в больницу.

Но вот странная штука: если денег на еду совсем не было, то на выпивку они почему-то исправно находились. Причем, не на какую-нибудь бормотуху, а на канистру коньяка или вполне приличного вина.

– Мы думали, что такие группы перестали ездить во Францию еще в девяносто пятом, – с плохо сдерживаемым раздражением доводил до нашего сведения симпатичный консул, всем своим видом показывая насколько мы, сволочи, отравили его безмятежное существование в Париже.

Он отвернулся, дав нам понять, что вопрос исчерпан и спасение утопающих – дело рук самих утопающих. Но затем вдруг передумал и, выхватив паспорт у кого-то из наших, скрылся в

здании.

– Вернется с охраной, – предположил переводчик, после чего желающие покурить выбрались из машины, готовые в любой момент прыгнуть обратно.

Консул вернулся минут через десять, мы спешно заняли свои места, но никаких репрессий не последовало, даже наоборот – изящный и красивый, на этот раз консул был сама любезность. Он поинтересовался, остались ли у нас деньги, а выслушав ответ велел шоферу немедленно везти нас на консульскую дачу, что расположена возле Нанта, где когда-то судили, приговорили к смерти и казнили Жиля де Рэ. Консул выдал водителю деньги на продукты, которые следовало привезти нам сразу же после размещения.

Улыбчивый помощник консула тотчас бросился звонить на дачу, предупреждая прислугу о нашем приезде.

Не веря своим глазам, мы благодарили душку-консула за свое спасение, видя в нем героя-спасителя.

– А почему мы не можем вернуться в Санкт-Петербург прямо сейчас? – поинтересовался оказавшийся с нами профессор бог весть каких наук.

– Мы конечно же заменим ваши билеты, – расплылся в улыбке консул, – но это будет не сегодня. Надо же в конце концов пообщаться с теми, кто пригласил вас во Францию, а это… – он мечтательно поднял глаза к небу, – … это дом Романовых. Вот они и заплатят: и за замену билетов, и за размещение своих гостей на территории консульства, и за группу, находящуюся сейчас в Ницце – за все заплатят.

Во Франции мы провели девять с половиной дней.

Страх премьеры

…Танцевать даже за гроши, лишь бы только не забыть танцы, не утратить растяжки и гибкости спины и, самое главное, избыть, насколько это, конечно, возможно, премьерный страх.

Нет, без волнения в нашем деле все равно не получается: стоишь, бывает, за кулисами в дезабилье на аршинных каблуках, стоишь и неистово крестишься, читая любимые молитвы. Кто-то не может выйти на сцену трезвой, кто-то грызет дорогие акриловые ногти. В общем, каждый перед выходом сходит с ума на свой манер.

Видела я, конечно, и спокойных танцовщиц и танцоров. Но если человек работает с «холодным носом», это же видно за версту и, как правило, публике не нравится.

Когда выходишь по три, пять раз за вечер, немного привыкаешь, обычно до того уровня, чтобы ноги не дрожали, но все же театр – странное место. Любой жест, сделанный в театре, никогда больше не будет повторен в том же точно виде, потому что завтра будет новый день, новый танец, новое настроение, новая публика. Ты делаешь движение, и оно тут же слизывается временем, навсегда уходя в прошлое.

В театре нет вторых дублей, нет возможности переиграть не удавшуюся сцену. Ты можешь явиться больным или пьяным, сыграть из рук вон плохо, и для кого-то, для зрителя, пришедшего на спектакль в первый и последний раз, это останется неисправимо плохо. Навсегда плохо, и ничего уже с этим не поделать!

Этот зритель, ох уж этот зритель, смотрящий спектакль всего-то один раз, запомнит его таким, каким увидит. Унесет в памяти, а затем расскажет, выдаст, ославит…

Зритель – это не искусствовед, который будет изо дня в день глядеть все твои спектакли, а потом глубокомысленно рассуждать, что вчера спектакль был агрессивным, ярким, шумным, тогда как, допустим, в среду – нежным и тонким.

Зритель сохраняет в памяти след от увиденного спектакля, слепок, изменить который не может, наверное, самый сильный маг. Поэтому в театре нужно быть включенным всегда, в любой момент; нужно гореть, любить, страдать, смеяться или умирать каждый раз по-настоящему.

Театр – грозный бог, который не прощает игры. Театр питается энергией жизни…

Но если в театр приходят критики, театралы, которые что-то

в этом понимают и с которыми, на худой конец, можно договориться в антракте, объяснить, поспорить, чувствуя себя при этом интеллектуалом, то на наши клубные шоу заявлялись самые разные люди. Они хотели развлечься, и мы обязаны были их развлекать.

У нас бывали шоферы и клерки, хозяева ресторанов и банков, фотографы и молодые актеры. Завсегдатаи беседовали с хорошенькими девочками, устраивая свой собственный театр и не всегда реагируя на происходящее на сцене.

Ведь это тоже непросто – танцевать в зале, где люди заняты своими делами, разговаривают, отдают распоряжения по мобильникам, пьют вино, кушают. Непросто заставить эту развеселую толпу отвлечься от их занятий и смотреть на сцену, тем более что одна и та же программа идет изо дня в день, частенько по нескольку месяцев.

Иногда выучиваешь новый танец, подготавливаешь костюм, музыку и заменяешь старый номер на новый. Зритель с интересом начинает глазеть на сцену. Новое почти всегда интересно. А вы попробуйте быть всякий раз новой в старом!

Одни и те же зрители обречены три раза за вечер смотреть шоу. Зачастую они заранее знают, в каком месте номера танцовщица прыгнет, когда закрутится волчком или полезет на шест.

Заставить зрителей аплодировать номерам, к которым они привыкли, заставить давать за это чаевые – великое искусство!

Вне гастролей мне такой работы не хватало. Из-за этого, приходилось ли разово подхалтуривать на какой-нибудь дискотеке или же читать стихи в Союзе писателей, я тряслась, как заячий хвост, с ужасом слушая, как мое собственное сердце бьется все громче и чаще. Поэтому нужно было по-любому выходить на публику как можно чаще.

– Если ты будешь играть все время, каждую секунду своей жизни, – сказал как-то Антон Адасинский, – у тебя исчезнет синдром премьеры и ты будешь спокойна». При этом Антон имел в виду именно спокойствие, а не равнодушие; сам он никогда не играл с «холодным носом». – Если всю жизнь играешь, если живешь в своем волшебном мире, а не заходишь туда время от времени, никакого страха нет. Как нет страха возвращаться домой, где все привычно и любимо. Страха первого выступления, страха премьеры.

Поверили

После Японии нужно было где-то работать. Неонилла Самухина[54] открыла новое издательство, туда сразу же взяли мой роман «Интернат боли».

Должна заметить, что авторское название «Не называй меня дорогой» мне нравилось больше. Но редактор сказал, что «дорогой» могут прочесть как «дорога». Странно, вроде «Дорогой мой человек» никто с дорогой не связывал. Впрочем, неважно, поменяли, их право. Тем более, что мой редактор – поэт и прозаик Михаил Окунь[55] отнесся к тексту более чем лояльно. Не свирепствуя над текстом и советуясь со мной по поводу каждой запятой.

Узнав, что мои деньги с гастролей скоро кончатся, Михаил предложил мне попробовать поработать в «Калейдоскопе-Интиме», цветном бульварном журнале, печатавшем порнуху или, как говорили сами литераторы, – дрочилки.

Почему же нет? Прочитав несколько журналов, я уже приблизительно представляла, как следует подавать подобный материал, и быстро взялась за работу.

Первым делом выбор героя. Сразу же отмела самую простую идею – прописывать эпизоды из жизни проститутки, все равно для этого не было ни материала, ни соответствующего опыта. Отпадали бытовые истории с описанием стихийного разнузданного секса, здесь также следовало потренироваться во всех смыслах этого слова. Что тогда?

Во-первых, писать я решила от первого лица: когда я пишу от имени главного героя, возникает эффект исповеди и мне обычно верят, во-вторых, не стремясь выставить себя профессионалом, мне оставалось скользить по тонкой грани, описывая переживания неофита или, еще лучше, пусть и рискованнее, ребенка. Маленькой девочки, выросшей в неблагополучной семье с мамой, постоянно меняющей сексуальных партнеров.

Подобный подход мог, с одной стороны, помочь мне скрыть сам факт, что я мало смотрела порнухи и мало читала подобной литературы, а значит, просто не знала, как следует преподносить тот или иной прием. А с другой – дать возможность описывать бытовой секс с позиции наблюдающего через замочную скважину за взрослыми ребенка.

Я быстро накропала рассказец и переслала его редактору, не особо надеясь на успех.

Редактор отзвонился неожиданно скоро и сразу же назначил мне встречу, но не в издательстве, а в городе. Из телефонного

разговора я поняла, что он вроде бы доволен и намеревается предложить мне длительное сотрудничество.

Встретив меня на станции метро «Нарвская», редактор сразу же повел в небольшое, но уютное кафе, где заказал нам по чашечке кофе и бутерброды, настаивая, чтобы я непременно поела. За рассказик расплатился сразу же: вынул деньги из собственного кошелька и, проникновенно глядя мне в глаза, положил на столик, не попросив расписаться в получении.

Ситуация интриговала, но мне было весело уже потому, что я нашла работу.

Какое-то время мы молча пили кофе. Попутно я изучала стопку принесенных редактором журналов, в которых он отметил маркером свои собственные статьи. В принципе, требования к тексту, как мне показалось поначалу, были невысоки. Член следовало называть «нефритовым стержнем», «поршнем», «палкой» (было еще несколько метафор, которые я уже запамятовала). Для описания клитора использовались «пуговка» или «бусинка», для влагалища – «отверстие», «ямка», «ракушка» и еще что-то в том же роде.

Совершенно исключались гомосексуальные рассказы, но приветствовались лесбийские, однако с тем условием, чтобы «добро» затем восторжествовало и в конце появлялся благородный герой, который этих самых лесбиянок оттрахал бы наилучшим образом. Словом happy end во всех смыслах этого слова.

Из всех видов секса разрешалось описывать вагинальный и оральный. Об анальном не рекомендовалось даже заикаться. Совершенно был исключен инцест во всех его проявлениях.

Впрочем, все это фигня на постном масле. Главное – я могу спокойно работать.

Владимир Владимирович, так звали моего редактора, расточал мне комплименты, обещая заняться в дальнейшем моей судьбой, помочь выбиться в люди.

– Ваш рассказ замечателен! – ворковал он, подсовывая мне второй бутерброд. – Такая глубина, такая чистота и одновременно с тем испорченность! Вы не подумайте, Юля – можно вас так называть? – ведь я намного вас старше…

Я кивнула.

– …Видите ли, я бесконечно уважаю вас, равно как и то, через что вам пришлось пройти, чтобы не опуститься, не спиться, не пойти на панель, – он глубокомысленно вздохнул, а я поперхнулась бутербродом, ошарашенно уставившись на моего нежданного благодетеля.

– Ваша семья, – он поморщился. – Я понимаю, родителей не

выбирают. Но то, что, несмотря ни на что, вы сумели выжить и подняться, что мама-алгоголичка не забила в вас искру таланта…

– Стоп! Что за глупости! Моя мама вообще не пьет! – я вскочила с места, рассыпая журналы. – Кто вам сказал такую чушь?! Мой дед профессор, мама библиограф, отец погиб, когда мне было пять лет, и мама больше не выходила замуж!

– Но вы же писали… – круглое лицо редактора было преисполнено изумлением и, одновременно с тем, страданием.

Он поверил!!!

Куклин

В серию, в которую попадал «Интернат боли», должны были войти книги Валерия Попова и Льва Куклина.

С последним отношения категорически не складывались. Еще в Барковском клубе этот невысокий курносый человек вечно стремился чем-то меня поддеть, подшутить, сказать какую-нибудь колкость. Тогда как мне оставалось лишь уйти в тень.. Все-таки Куклин! Не хотелось ссориться с отличным писателем, но при этом и терпеть постоянные насмешки было невмоготу. Тем более, что не к моему же творчеству он цеплялся. А лично ко мне.

Наверное, следовало просто поговорить со Львом Валериановичем по душам, но на это я никак не могла решиться.

Помог случай. Однажды Куклин зашел в издательство «Продление жизни» как раз тогда, когда я там находилась. Неонилла предложила посмотреть ее рассказы, которые она только что отдала в сборник эротической прозы в «Неву», вот я и сидела, попивая кофе и смакуя ярко-красные конфетки с морковкой, которыми обычно угощала гостей главная редактрисса.

Заметив меня, Куклин улыбнулся, должно быть, отмечая про себя присутствие любимой жертвы. Я закусила губу, уткнувшись в текст. Рассказ был о китайцах, и мне почему-то виделась там какая-то временная несостыковка, так что отвлекаться не хотелось.

В присущей ему манере профессионального оратора, души общества и гвоздя любой программы, широким жестом выгребая из вазочки конфеты и засыпая их себе в карман, Лев Валерианович рассказывал Неонилле о своем двухнедельном посещении Японии.

Помня его рассказ о Греции, где он пил из Кастильского ключа бессмертного вдохновения, я отложила на минуту рукопись, приготовившись услышать откровения о Киото или Наре, где он вкусил высшую мудрость, познал свет Будды или соприкоснулся еще с каким-нибудь чудом. Впрочем, в устах Куклина самое заурядное событие начинало играть яркими красками, становясь необыкновенным и сказочным.

Начав свое повествование, Куклин сделал выразительную паузу, достойную лучших традиций МХАТ. Я увидела, как его грудь чуть вздрогнула, принимая в себя воздух, когда вдруг голос Неониллы рассек возникшую было тишину. Удар был таким резким, что Лев Валерианович, не ожидавший что его перебьют, шумно выдохнул набранный было воздух.

– Две недели, это что! Вот Юля Андреева жила и работала в Японии девять месяцев. Мы сейчас отсылаем в типографию один ее роман и берем в работу мистический боевик «Трансмиссия» по японской теме.

С сомнением во взоре Куклин взглянул на меня. И тут я поняла, что не только не услышу обещанный рассказ, но что Лев Валерианович вообще никогда уже не будет говорить при мне о Японии.

Но это было еще не все. На самом деле, с того самого дня Куклин перестал задирать меня. Наоборот: встречаясь на Макарова, 10[56], либо в Барковском клубе, он вежливо кланялся, спрашивая, как продвигаются дела в издательстве и не знаю ли я, готовы ли обложки на сборники, для которых он давал рассказы.

Несмотря на то, что с Львом Валериановичем мы никогда не дружили, тем не менее, я посчитала своим долгом прийти в Центр современной литературы и книги на сороковины смерти этого замечательного человека.

Светлый вечер светлой памяти светлого человека. Его супруга Светлана Яковлевна чуть дрожащим от волнения и какой-то невероятной нежности голосом рассказывала историю своего знакомства с Куклиным. Трогательные, забавные эпизоды их жизни и счастья. Над столом, точно старинный абажур настольной лампы, разложенные на каком-то возвышении, красовались трусы Льва Валериановича, которые любящая супруга подарила ему на последний день рождения, запихнув в ширинку сто долларов.

Это был мой первый приход в студию Андрея Дмитриевича Балабухи, куда меня пригласил Михаил Сергеевич Ахманов[57].

Сынок

Вечно меня носит по всяким странным местам. Гена Белов о таких путешествиях говорит: ходить по дну.

Но когда он оставлял свои издательские проекты ради сомнительного удовольствия покрутиться среди бомжей или уголовного элемента, он делал это осознанно. Чего уже никак не скажешь обо мне. Лечу, точно гонимая ветром. Куда? Одному богу известно.

Вскоре после опубликования моих первых порнушных рассказиков в «Калейдоскопе-Интим» позвонили из конторы, организующей сопровождение иностранных туристов. Проще сказать, из одного из местных публичных домов.

Захотели ребятки поснимать порно, понадобились им для такого дела сценаристы. А я что? Я ничего. Сценариев, правда, отродясь не писала, да и порнухи смотрела мало – «Эммануэль» да «Греческую смоковницу», когда только появились первые видеосалоны, где гонористая публика с видом заправских ковбоев потягивали из горла только что появившуюся «колу» и всячески старалась не возбуждаться, делая безразличные лица на самые откровенные сцены.

Посланная за мною машина приехала минут за пять до назначенного срока и спокойно дожидалась у подъезда. Я села, ожидая, что сейчас мы поедем прямо в офис или в какое-нибудь кафе, где можно будет спокойно обсудить заказ.

Не тут-то было. Немного покрутившись по улицам, машина вырулила на загородную дорогу и понеслась мимо крохотных дачных домиков в неведомые края.

– Куда это мы? – насторожилась я.

– В Павловск. У нас там база, – сообщил угрюмый водитель.

В Павловск – так в Павловск. Пока еще все было вполне мирно, и у меня оставался шанс сбежать. Впрочем, к чему бежать, если речь идет всего лишь о сценарии?..

Да и Павловск – не так далеко от Питера. В случае чего на электричке добраться раз плюнуть. Не в Надым же везут, не на Северный полюс…

Да и в настоящем публичном доме я еще не была, все что-то новенькое. Впрочем, ни в какой блядюшник меня не повели, ограничившись квартирой, используемой под офис.

Четыре комнаты, должно быть, бывшая коммуналка с длинным коридором и страшным туалетом. Чистенькая кухонька, видимо, только здесь был сделан ремонт, затемненная комната для просмотра видеокассет, гостиная с широким столом, склад

для аппаратуры, плюс еще одна комнатушка, где жил молодой человек, в обязанности которого входили уборка в помещениях и обслуживание гостей.

– Порнухи тут сколько угодно. Сюжетная на нескольких языках, люди ее берут домой и переводят, бессюжетная, где только охи да ахи, даже костюмированная. На любой вкус, – начальник конторы подтолкнул меня в помещение для просмотра. – А вот это, – он ткнул в сторону отдельного стенда, – это эксклюзив. В одном экземпляре. Наши люди специально ездят за новыми образцами. Так что смотреть придется здесь.

– Хорошо, – я набрала домашний номер и предупредила маму, что ночевать домой не вернусь.

Возможно, следовало испугаться, но мне уже надоело бояться. Да и народ вел себя более чем спокойно. Я им нужна была в качестве сценариста, актеров же обоих полов, как явствовало, у них было в изобилии, поэтому подставы можно было не опасаться.

Кстати, архив с фото– и видеоматериалами местных тружеников порно-индустрии имелся тут же и был предъявлен мне с тем, дабы, создавая сценарий, я уже имела перед глазами лица и сомнительные прелести претендентов на роли.

Меня ожидала веселенькая ночь в компании немецкого, французского и даже китайского порно. Варить кофе и любыми другими способами «ублажать меня», как высказался местный босс, должен был живущий при офисе хлопец Валечка. Он же должен был по необходимости растолковывать «сложные» места косноязычных переводов на случай, если бы мне пришло в голову вникать в сложности просмотренного.

Валечка сразу же приготовил кофе и накрыл крошечный столик, после чего показал, как пользоваться замысловатой техникой, после чего оставил меня в покое, вернувшись через два часа, чтобы убрать посуду и приготовить еще порцию кофе. Ночь предстояла интересная.

Утром он накормил меня завтраком. В ожидании машины мы успели поболтать обо всем и обменяться телефонами – как-никак вместе работать будем. На машине приехал начальник, который пришел в бурный восторг от моих идей, попросив спешно оформить их в сценарий.

– Считайте, что с этого дня вы обеспечены работой на долгие месяцы, да что там – на годы, – сообщил он, выкладывая неслабый аванс и со значением пожимая мне руку.

Я распрощалась с Валечкой, все-таки отработал парень со мной считай что целую ночь, хотя ничего дополнительного за это

ему начальник не отвалил. Побольше бы таких работников – спокойный, услужливый, свое дело знает. Нужно будет его к съемкам как-то подключить, а то просидит вот так, точно домовой, в своем чуланчике, когда вокруг такие дела творятся!

Прощаясь с Валечкой, я заранее обдумывала, каким бы боком подключить его к интересной работе – писать он не мог, играть – рожей не вышел… разве что на принеси-подай. На киностудиях обычно полным-полно помощников, ассистентов и тому подобной шушеры.

Но неожиданно для меня Валечка сам позаботился о своей дальнейшей судьбе, о чем я узнала неожиданно скоро, буквально через неделю после того, как сдала второй сценарий и получила причитающиеся мне деньги и заказы на будущее.

Разгневанный босс разбудил меня звонком, ругаясь на чем свет стоит.

– Мы договаривались с вами на одну сумму, а теперь вы просите другую! – орал он в трубку.

– Какую сумму?

Если честно, у меня не было никакого контракта и деньги мне платил шеф, что называется, из своего кармана. Сколько выгреб – столько и дал. Лапа у него была большая и щедрая. Не знаю, сколько за такую работу получали профессиональные сценаристы, но я не жаловалась.

– О чем вы? Я ничего не просила, – я лихорадочно пыталась собрать мысли в кучу.

– Вы лично – нет. Но ваш… директор…

– Кто-о? – не поверила я своим ушам.

– Директор. Валечка, мать его ети!

Оказалось, что мой добрый кофевар и сам имел некоторые амбиции. Увидев, как пошли дела, он решил взять процесс в свои руки.

Разгневанный шеф отказался давать мне работу впредь, но это была еще не катастрофа. В довершение неприятностей позвонил Валечка и назначил место и время встречи.

– Начальник выгнал меня с работы, и теперь мне негде жить, – простодушно сообщил он, поставив передо мной увесистый чемодан. – Вот.

– Что «вот»? – не поняла я. Первый мыслью после звонка мерзавца была благая идея надавать ему как следует по шее. Теперь не хотелось даже этого.

– Теперь я весь твой! – весело улыбнулся Валечка. – Можешь делать со мной что хочешь. Любить, заставлять работать, бить, можешь даже усыновить меня, если желаешь.

«Усыновить» было ключевым словом. Я мрачно посмотрела на Валечку, чувствуя, как злоба улетучивается сама собой.

Парня удалось пристроить к ничего не понимающей в домашнем хозяйстве художнице. Я же на некоторое время занялась обдумыванием непростой жизненной ситуации: а можно ли усыновить человека, который заведомо старше тебя лет на шесть?

Впоследствии подобное предложение приходило не единожды, так что, возможно, в жизни бывали прецеденты…

Кстати, о блядюшном архиве, – ох и много же знакомых рож я там повстречала!..

Сила рекламы

Во время подготовки к изданию книги Александра Смира «Шуризмы и нехайкушки, а также глупышки из кубышки» Максим Швец[58], в чьем ведении был оригинал-макет будущего сборника, то и дело был вынужден выводить его на бумагу.

Потом текст смотрели корректор, автор, вносились исправления, и текст снова выводился на доработку.

Используемые же листки Швец как рачительный хозяин пускал по второму разу – выводил тексты следующего заказчика. Так что получалось, что новые тексты располагались на чистой стороне, сохраняя на своей изнанке Сашкины двустишья.

Эффект от такой экономии оказался на редкость положительным, авторы, которым достались собственные тексты с Сашкиными двухстишьями на обороте, вскоре полюбили кажущиеся простыми двустишия и стали заказывать Максу раздобыть им Смировский сборник.

Так, к моменту издания «Шуризмов» уже был готов список желающих приобрести эту книгу.

Дорогу фантастам

Раньше вступление в Союз писателей было настоящим кошмаром, впрочем, и сейчас это далеко не сахар. Все соискатели должны были томиться под дверью, в ожидании того часа, пока кто-нибудь из членов приемной комиссии не захочет задать пару вопросов соискателю лично. А значит, нельзя было никуда отлучиться, нужно было ждать, подчас целый день, сидя на лестнице и изнывая от безделья и идиотизма ситуации.

Впрочем, вызывали далеко не всех. Кому-то отказывали без всяких объяснений.

Как-то раз в очереде за писательским билетом и официальным статусом томился Андрей Балабуха. Неофициально он уже давно работал в литературе и был вполне известен в среде фантастов. И вот наконец-то его вызвали на ковер.

– А вы не собираетесь писать нормальную литературу, а не свою фантастику? – издевательски-дружелюбно осведомился один из членов приемной комиссии.

– До тех пор, пока вашу «нормальную литературу» продают в нагрузку к моей фантастике, не буду, – нашелся Андрей Дмитриевич и быстро вышел за дверь.

Софт и железо

На церемонии вступления в Союз писателей, подходит к О'Санчесу один полумэтр, важный, почтенный, именитый, ветеран и стахановец литературного цеха. Придвинулся поближе, и задушевно так молвит:

– Вы, я слышал, на компьютере пишете?

– Ну, на компьютере, – пожал плечами О'Санчес, не ожидая подвоха.

– А надо сердцем писать!

доеплел очами, словно давнего знакомого в пришлом да новом заметил. йново головы пришил бы, время взад повернул. о не может.

История одного рыцаря

На сайте издательства «Крылов», где я издавала свои рыцарские романы в серии «Внеклассная история», прямо на форуме у меня были две свои ветки, где стихийно организовалось очень милое сообщество; там встречались не просто писатели и читатели, а благородные мессены и прекрасные донны. Народ не просто оставлял свои сообщения по поводу того, насколько им понравились или не понравились мои книги, а знакомился, флиртовал, соревновался в куртуазности и остроумии.

Но рыцарский мир, как известно, весьма непрост. Вот и случилось, что слово за словом рыцарь Хлодвиг Пражский (настоящее имя до сих пор неизвестно) вдруг вызвал на поединок Книжника (писателя Виктора Беньковского).

Увидав вызов, выложенный прямо на форуме, я, дурочка, обрадовалась было, решив, что сейчас у нас здесь будет устроено что-то типа буриме и мы все будем блистать остроумием и знанием истории Средневековья.

Как же!

Впрочем, поначалу действительно ничто не предвещало трагедии, вызов Хлодвига был скорее комедийного характера; еще бы, он буквально наугад вызывал на бой человека, о котором не знал ровным счетом ничего, то есть ни пола, ни возраста, ни физических данных.

Поэтому и в самом письме «многомудрый» Хлодвиг не забыл оговорить, что вызов действителен при условии, что получивший его Книжник окажется мужеского пола. На этот вопрос Витьке следовало ответить особо, иначе получался бы конфуз, вдруг Хлодвиг вызвал на поединок прекрасную даму.

> «Книжник!
>
> Извини, если чего не так ляпнул. Хотел было тебя на рыцарский поединок вызвать, но не допер, какого ты пола? А то ошибочка может получиться. Потом одними извинениями не отпишешься».

Положение, мягко говоря, щекотливое.

Правда, писатель – он и на форуме писатель. И в тот же день Беньковский выдал достойный ответ:

> «Хлодвигу! Посмотрел на себя, так сказать, анатомически. Слушай(те), вроде мужик. Дела-а-а!.. (Андреева, не ржи, аки кобылица!).

О рыцарских поединках. Хлодвиг, коня я давно пропил вкупе с доспехами и прочим железом... Придется пехтурой. Польская сабля устроит? Не кавалерийская, а чуток подлиннее. Ну щоб дубрава над нами шумела – сие беспременно».

Мы все порадовались веселому ответу и приготовились следить за развитием событий, только Витька отчего-то нервничал, всем рассказывал о предстоящем поединке как о чем-то реальном, советовался. Должно быть, внутренне готовился.

О чем здесь говорить? Хлодвиг находится где-то на Украине, мы в Питере. Какие к бесу поединки?! Ну, посмеемся все вместе, пока директор издательства нас за столь вольное использование его сетевых ресурсов всех вместе взятых не попросит.

Да и если бы приехал, что ж с того. Во-первых, как он через границу перетащит требуемую саблю или вообще какое-нибудь оружие? Да и были бы причины конфликта, а их-то как раз и не было.

Но, как выяснилось вскоре, Хлодвиг притащил из-за границы не только оружие, а и броню для себя и своего предполагаемого противника, отличные мечи, здоровенный походный шатер, достойный Саладдина со всей его свитой. Кроме того, за доблестным рыцарем с молчаливой покорностью двигались три его бывших жены и похожий на Санчо-Пансо оруженосец Долгопуз. Хлодвиг запасся лошадьми и подыскал отличное во всех отношениях место для боя. Словом, вот что он оставил на форуме:

«Жди меня, супротивник. Сейчас скачу в Выборг, где завтра состоится рыцарский турнир. Сегодня туда уже выехали мастеровые строить конюшни и ремесленники. Уже ставятся шатры. Завтра мой конь понесет меня навстречу первой опасности. Так что не исключено, что с тобой, мой друг, я сумею скрестить лишь литературные копья. Хотя, может, мне и повезет. В конце концов я ведь профессионал».

Примечание автора: в тот же день по телефону я услышала, что профессионалом таинственный Хлодвиг называл себя неслучайно: каскадер, конник, мастер боя на мечах. Он прекрасно владел турнирным копьем и без проблем мог выбить моего неуклюжего друга из седла, переломав ему при этом все кости.

Положение сделалось опасным; еще бы, если бы Хлодвиг додумался послать Витьке вызов на личное «мыло»[59], если бы он

высказал ему все что думает по телефону, сейчас я могла бы убедить его забыть об опасной авантюре как о дурной шутке.

Но Хлодвиг по своей прямолинейности опубликовал вызов на форуме, где его видели все посетители, теперь то и дело интерсующиеся, как проходит подготовка к турниру и когда можно будет увидеть битву титанов.

«Всех приглашаю на ристалище в Выборг, – веселился в том же послании Хлодвиг. – На трибунах еще полно мест. Прекрасных дам прошу запастись платками. Мужчины найдут в замке необходимое оружие и броню. Вот бы устроить игрища по рыцарским романам Юлии Андреевой. Думаю, пройдет немного времени и это будет осуществимо.

Прекрасная госпожа, будь моей дамой хотя бы на время Выборгского турнира.

Турнир назначен на воскресенье. Какая-то туристическая фирма организует доставку, но, думаю, своим ходом дешевле. Восемь заявленных конников – это неплохо. Кроме того, планируется штурм Выборгского замка!

Ребята вызывают всех желающих на поединок, так что, Книжник, не беспокойся, сабли тебе, конечно, не обещаю, а вот добрый рыцарский меч получишь. Кстати, защиту тоже.

Так что – кто на турнир в Выборг?»

Положение усугублялось еще и тем, что теперь я, хочешь не хочешь, должна была выступать в роли дамы сердца. Мое же сердце медленно и торжественно перемещалось в пятки, где и намеревалось пребывать до самого конца турнира.

Отговорить Хлодвига было невозможно, я начала собираться в дорогу.

О том, что мы никуда не поедем, стало понятно накануне турнира: Витька сначала маялся сильнейшей головной болью, потом и вовсе пропал. Как выяснилось позже, за день до рокового турнира его накрыл удар, когда он поехал навестить родителей. У них несостоявшийся поединщик и провалялся почти без памяти энное время.

Запланированный турнир однако же состоялся. На нем Хлодвиг, поймав глазом щепку от копья, чуть не вылетел из седла.

Тем же вечером оруженосец Долгопуз отзвонил мне и попросил немедленно явиться в Выборг, где ожидает меня раненый рыцарь. Но могла ли я сорваться с места, когда Витьке так плохо?!

С неделю я с его супругой Олей ставили в церкви свечки, пытаясь вернуть его в нормальное состояние. Через неделю мне позвонила Гарпия, находящаяся все это время в Выборге. Она

рассказала, что на самом деле Хлодвиг ранен достаточно серьезно, что он не едет к офтальмологу и поклялся не покидать своего походного шатра до тех пор, пока к нему не приедет дама сердца…

Поговорив с подругой, я села в автобус и через несколько часов была у стен Выборгского замка.

Белый огромный шатер был прекрасен, посреди него на желтых, почти золотых простынях возлежал раненый рыцарь, вокруг него копошились сразу же несколько женщин. Хлодвиг страдал со вкусом и чувством собственного достоинства. Его кормили, поили, обтирали ароматной водой. С ним вели светские разговоры, другие рыцари-поединщики приходили похвалить его броню или показать свои трофеи. Его фотографировали во всем блеске славы и кошмаре страдания, которому доблестный рыцарь подвергал себя во имя любви.

И вот настал роковой час: полог шатра приподнялся, на пороге стояла та, которую все с нетерпением ждали. Дама сердца великого и несчастного Хлодвига. Сиречь я.

Первое, что сделала дама сердца, это покрыла всю честную компанию трехэтажным матом, потому что глаз бедного рыцаря сильно распух и был красно-зеленым от гноя.

После столь нежной встречи давно уставшие от безделья родственники и бывшие жены засунули наконец страдальца в машину и повезли в Москву, где их давно уже ждали врачи и операционная. Почему не в Питер, где есть клиника Филатова и офтальмологи не хуже – загадка.

Так я впервые увидела своего рыцаря. Ну что же, мордочка вполне себе ничего, на мой взгляд, потеря глаза ничего существенно не меняла. Красивый мужик, во все времена и при любых обстоятельствах красивый. Я сразу же представила себе Хлодвига не в рыцарском, а в пиратском прикиде, и на душе потеплело.

О бедных студентах, или Кто пишет историю

После выхода моих исторических романов в издательстве «Крылов» приходило множество писем на сайт. Хвалили, ругали, озабоченно интересовались, можно ли это детям давать. Почему бы и нет?

Кто-то предлагал устроить игру по «Последнему рыцарю Тулузы», кто-то спрашивал, отчего не поставлен фильм по «Рыцарю Грааля». Но самая интересная история с этими книгами произошла в далекой Барселоне, где в тамошнем университете преподает французскую литературу и историю мой знакомый, чей интернетный ник – Гоблин.

А этот Гоблин ничем не похож на гоблинов профессора Толкиена, это мудрый и рассудительный Гоблин. Гоблин – мыслитель и философ, психолог и большой подвижник.

Женат Гоблин на Гарпии, с которой мы познакомились в Париже. Те, кто знают Гарпию, смотрят на Гоблина с пониманием и невольным уважением. Потому как терпеть Гарпию, особливо увлеченную чем-то или спешащую куда-то, – дело трудное и почти немыслимое. Но Гоблин терпит.

Однажды Гоблин должен был читать лекцию о трубадурах Лангедока. Глянул на книжную полочку, где поэзия меннезингеров и трубадуров обычно стояла, и видит – полочка, конечно, на месте, но на ней ни одной книжки нет и даже пыль появилась. Явный знак, что не вчера-сегодня любезная супруга поэзию умыкнула.

А надо сказать: то, что попадается в белые ручки домны Гарпии, обратно нипочем не возвращается и смело может приравниваться к безвозвратным потерям.

Постояв немного перед пустой полкой и раздумывая, чем горю помочь, Гоблин, благо находчивости ему не занимать и чувством юмора не обижен, берет с другой полки мои «французские» романы и надолго погружается в чтение.

На следующий день он прочел прекрасную лекцию, черпая материал исключительно из изданных в «Крылове» книг.

Рассказывая мне эту замечательную историю, профессор Гоблин (я не стану раскрывать его подлинного имени) заметил, что, мол, давно пора перевести означенные романы на французский, дабы жители сей замечательной страны наконец

узнали свою подлинную историю.

Ловись рыбка

Несколько лет назад на осенней книжной ярмарке в Ледовом дворце проходила пресс-конференция известного писателя и почетного гостя ярмарки Анджея Сапковского. Все шло чинно и благородно, пока Анджей не приметил среди зрителей главного редактора «Лениздата» и своего давнего знакомого Александра Сидоровича. Тут же он поторопился свернуть выступление и вместе они отправились в кабачок.

Сначала Сидорович предложил угостить Анджея рюмочкой коньячка и чашечкой кофе, потом галантный Анджей поспешил проявить ответную любезность. Выпив по второй, Александр вновь принялся угощать гостя культурной столицы, а вслед за ним гость воздал честь хозяевам...

Так они и сидели час, полтора, два. А надо сказать, что кафе в Ледовом дворце открытое – сидишь там точно у господа на ладони. Стоят столики, входят и выходят люди. Александр Сидорович рыбак заядлый и Анджей Сапковский ему в этой страсти не уступает. Потягивают наши герои коньячок, заедают бутербродами, а сами, вот ведь где рай земной – говорят, говорят, говорят… Столько лет не виделись. А сколько за это время славных подвигов на реках, озерах, морях да океанах успели совершить. Благодарный слушатель Сидорович, да и рассказчик презанятный, Сапковский тоже не промах – изголодался по задушевному общению.

Вдруг смотрят, а вокруг них точно в сказке человеческий лес высится. Стоят люди, внимательно за ходом беседы следят, камера оранжевым глазом подмигивает, микрофоны настроены. Ясное дело – заметили журналюги, что издатель и писатель час за часом беседуют, то и дело вдохновенно восклицая что-нибудь вроде: «Ну, надо же!», «гениально!» и пожаловали в надежде на сенсацию.

И вот, стоят люди, молчаливо ждут, дожидаются, когда же у этих двоих рыбацкий пыл поиссякнет и нормальный разговор о фантастике начнется.

Не дождались.

Брат и трофейные штаны

Наверное, неправильно было слишком долго думать о брате, как о ребенке. Сказалась вредная привычка детства, младший – значит маленький. Себя-то я никогда особенно взрослой не считала. Правда, он уже и усы соломенные отпускал, на мой взгляд, так полный идиотизм, и давно уже выглядит старше меня. Но что уж тут поделать, если родился позже – терпи, пока не произойдет что-то из ряда вон выходящее.

И оно действительно произошло. В один прекрасный день Виталька заявился ко мне в комнату, держа в руках симпатичные женские брюки с кожаным ремнем.

– Тебе случайно не подойдут? – спросил он, густо краснея.

Я поглядела на штаны, вроде мой размерчик. Потом надела, подошла к зеркалу. Брючки сидели как влитые.

Странно, прежде брат никогда не дарил мне никаких вещей, да и повода вроде нет.

– Откуда обновка?

– Из леса вестимо.

– И где у нас такой лес?

– Да вот, – он еще больше смутился. – Отдыхали с ребятами, взяли пива, к нам приклеились девчонки, совсем молоденькие. Пошли к одному из мужиков, и…

– И что «и»…

– Утром просыпаюсь, девушки нет, а штаны остались.

Мысленно чешу репу. Пытаюсь представить, в какой ситуации лично я могла бы уйти, забыв эту часть гардероба. На дворе апрель – не разгуляешься. Хотя при чем здесь весна, я бы и летом нипочем без брюк не ушла.

Даже если на тебе длинный плащ, прохожие мужики отчего-то всегда смотрят на тебя так, будто бы знают, что под плащом ты без юбки.

– А девушка что, была в плаще?

– Да нет, курточка кожаная, коротенькая.

Видно, что он и сам ничего не понимает.

– Может, вы обидели ее чем? Может, ее кто-нибудь ударил, может, приставали? – пытаюсь я восстановить картину произошедшего.

– Да нет, в постель она меня сама тащила, я даже выпить не успел. Там тоже все вроде было нормально.

– Может, нажралась до поросячьего визга? Может, вы укурились все?

– Да не было ничего такого, – пытается отвертеться брат, –

пару банок пива я принял, считай, ничего. И она чуть приложилась, говорила, что не любит.

Задачка?!

С невольной гордостью смотрю на моего младшего брата. Ну, орел!!! Выходит, после постели с ним девушка пришла в такое состояние, что, забыв обо всем, ушла из дома сверкая трусиками…

М-да…

Муж напрокат

Три ночи не спала из-за диких болей в спине. Наконец, не выдержала, набрала телефон подруги, муж которой – прекрасный массажист. Он уже много раз выручал меня в подобной ситуации.

Телефон не ответил, должно быть, Светка спустилась в метро или находилась в «Ленте», где мобильник либо не берет совсем, либо сигнал такой, что все равно ничего не понять.

Впрочем, особого огорчения это у меня не вызвало. Рано или поздно подруга обнаружит мой звонок и перезвонит. Где три дня, там и еще пару часиков потерпеть не проблема.

На самом деле Светка дозвонилась до меня значительно позже, когда я почти уже забыла о ней и дома у меня сидел знакомый, явившийся за каким-то материалом для газеты.

Мы мирно пили чай с печеньем, когда зазвенел мой припадочный телефон.

– Привет, Светик! – радостно закричала я в трубку. – Не одолжишь своего благоверного на часик? Чесслово приперло!

– У Вадика и так никакого передыха из-за вас нет, то Тамарка просит, чтобы он заехал, то Люська, мужик дома побывать не успевает. Приходит как выжатый, сразу же спать ложится.

– Ну, Свет! – начинаю привычно скулить я. – Вот тебе самой понадобится, все равно ведь мне звонить станешь. Твой Вадик по-любому понятия не имеет, что с тобой делать. А я твое тело знаю вдоль и поперек!

После коротких, но весьма напряженных уговоров уламываю-таки Светлану, после чего победно отбрасываю мобилу и только тут замечаю испуганно вытаращившегося на меня знакомого.

Представляю, что он подумал обо всем этом…

О фэнах
О том, как я спецназ пугала

Договорилась с подружкой пообедать вместе в «Васаби», есть у нас такой японский ресторанчик. Не из дешевых, но зато вкусно. Целую неделю созванивались, предвкушали.

И что же, перед самым выходом из дома, – я как раз краситься села, – звонит:

– Юль! Что делать? Муж не вовремя от своих родителей вернулся.

– И что? – спрашиваю. В голове известные анекдоты.

– Можно мы вместе придем? А то он подозревает, что я в его отсутствие кручу тут с кем-то. Подловить меня постоянно пытается.

– Ну, приходите, – говорю. Мужа ее я, правда, ни разу в жизни не видела. Слышала, что спецназовец и вообще орел! И хотя он мне на душевных девичьих посиделках даром не нужен, но не отказываться же от японской кухни и от встречи с любимой подружкой, с которой с год не виделись.

Договорились. Крашусь, жду, когда они оденутся и мне на трубку звякнут, чтобы одновременно из дома выходить. Не звонят. Полчаса, час…

Наконец Лизка прорезалась и отменила встречу. Вот ведь незадача, так и пришлось сидеть дома перед единственным верным мне мужчиной – моим компьютером – с накрашенной мордой и чуть ли не при полном параде.

Настроение ниже некуда. Да еще и за подружку переволновалась, мало ли что ее благоверному еще привиделось.

На следующий день она первая позвонила – извиниться и объяснить ситуацию.

Оказывается, заручившись моим согласием пойти втроем, она предложила план посещения «Васаби» мужу. Тот же, прежде чем одобрить, затребовал мою фотографию: мол, с каким попало крокодилом не пойду.

А Светка, чтобы не рыскать по всей Сети, возьми да и открой мой личный сайт.

Дальше как в сказке – спецназовец оказался человеком культурным и начитанным, во всяком случае, что-то мое читал и даже что-то писал мне на адрес издательства, только до меня это письмо не дошло.

Осознав же тот факт, что в самое ближайшее время ему предстоит встретиться лицом к лицу с писателем, мало того, с

любимым автором, он перенервничал и был вынужден весь оставшийся день не слезать с горшка.

Чем в буквальном смысле слова подгадил и своей жене, и мне!

Но это еще ничего, если не считать, что сначала мы планировали не поход в ресторан, а мой дружеский визит к ней в гости. Вот пострадал бы тогда мужик по полной программе!

А вообще, после этой истории в тусовке обо мне стали говорить как о человеке, способном напугать спецназ.

О том, как приходит слава

Вечеров по поводу выхода книги «Изнанка веера» уже прошло несколько. Сначала в Москве на книжной выставке в Доме художника и еще несколько в Питере. Поэтому я не переживала о том, что буду читать, о чем рассказывать.

К слову, самое милое дело – прочитать что-нибудь для затравки, а потом отвечать на вопросы, пока не появится пауза для следующего отрывка. И так далее – пока время не выйдет.

Не боюсь отвечать на каверзные вопросы, а тут и не было ни одного каверзного. Народ подобрался не злобный, а вполне дружелюбный.

Представители издательства привезли книги, поэтому и в перерыве мне было чем заняться: сидела и с умным видом подписывала книжки.

Тоже не самое тяжелое занятие, тем более что такие вечера случаются нечасто, а значит, можно и поскрипеть мозгами и пером для хорошего-то дела.

Скрипеть мозгами приходилось еще и потому, что хуже всего у меня выходят как раз надписи на книгах. Тут уж хоть ты что со мной делай, никак не получается выдать подряд несколько красивых или хотя бы незаезженных фраз.

Правда, на этот раз я была во всеоружии, то есть с домашними заготовками и все прошло нормально.

По завершению вечера было решено отметить это событие в какой-нибудь кафешке, есть у нас такой ритуал. Народ либо скидывается вскладчину, либо каждый заказывает сам для себя.

И на этот раз предполагалось что-то в том же роде.

В гардеробе ко мне подошла еще пара девушек, которым срочно понадобилась консультация на тему: как выскочить замуж в Японию? Беседуя, мы вышли на улицу, где уже собирались наши.

Был приятный, хотя и морозный вечер, над головами сосульки размером с самурайский меч, под ногами изящный ледок.

Вот в этот-то момент ко мне и подошел одетый в дорогое пальто и «казаки» молодой человек, в руках которого была другая моя книжка – «Трансмиссия».

– Мне очень понравился ваш роман, – немного заикаясь, сообщил молодой человек, – я даже соотнес себя с главным героем…

Пауза.

Я невольно потупилась; приключений, щедро подаренных

мною главному герою «Трансмиссии» – актеру Константину, не пожелал бы для себя ни один из моих знакомых, в смысле натуралов. Впрочем, и на старуху, как говорится, найдется проруха. Возможно, кто-то спит и видит, как однажды, переодевшись в девичье, отправится в Японию на заработки.

– Но вот финал? Словом, вы не могли бы изменить финал?

– Изменить? С какой это стати? По ходу действия романа герой как бы находит в себе зверя, осознает себя зверем. Понимает, что он убивал в прошлом, и тут же убивает в настоящем. И этого зверя я добросовестно запираю в специально приготовленную для него клетку. Мне кажется, достойный финал. Во всяком случае, с логикой все в порядке. Зверь должен сидеть в клетке. Что ему делать в нормальном обществе?

– Значит, вы не собираетесь изменять концовку романа? – нервный смешок.

– Разумеется, нет. Это моя авторская позиция.

Молодой человек опустил взгляд на книгу, затем поднял глаза на меня. Я тоже посмотрела на него, совершенно не заметив, когда из-под светлого прямоугольника моей книги вдруг вырвался кулак, ударивший в солнечное сплетение и сбивший меня с ног.

Он успел провести еще два удара ногами, прежде чем на выручку пришли мои друзья.

– Я видела этого парня в зале, – подошла ко мне одна из знакомых после того, как мужики оттащили агрессора в сторону. – Во время чтения он обрезал себе ногти выкидным ножом. Кажется, такие ножи на кнопочках называются финками.

– Ага, финками, – на автомате кивнула я.

Оказывается, мне еще повезло, что молодой человек оказался психом, потому что будь он относительно нормальным, трезвомыслящим человеком, ему ничего не стоило бы отвести меня на несколько шагов в сторону, чтобы зарезать в ближайшей подворотне. Учитывая, что он сумел безнаказанно провести три удара в присутствии других людей, можно было вообразить, насколько он преуспел бы наедине…

– Вот и слава пришла, – прокомментировала на следующий день мои синяки массажистка, к которой я уже с неделю ходила на процедуры.

Музей имени меня

О своих фэнах хорошо рассказывает поэт Геннадий Прашкевич, который жил себе не тужил, как вдруг его пригласили в отдаленную деревню, знаменитую, в частности, тем, что в ней уже несколько лет работает литературный клуб имени Геннадия Прашкевича.

Занятно, не правда ли? Вдруг натолкнуться в призрачном сумраке любимого города на памятник с твоими чертами лица, на никогда прежде не висевшую на твоем подъезде мемориальную доску или впустить в дом отряд пионеров, возжелавших маршировать исключительно под знаменем с твоим светлым ликом.

Все это забавно и любопытно, пока касается кого-то другого. Но Прашкевич ехал в забытую богом деревеньку, зная, что там ожидает его что-то необыкновенное.

Первое, что бросилось в глаза, были удивленные, изумленные, ошарашенные лица людей, попадавшихся им навстречу. Еще бы, портрет Геннадия Мартовича украшал их сельский клуб наравне с портретами Пушкина или Президента Медведева, а тут вдруг этот самый портрет ожил и легендарная личность, точно простой смертный, месит грязь улиц родной деревеньке.

Где бы такое записать?

– Но это еще что! – смеется Геннадий Мартович. – Когда меня повели пить чай, я увидел подозрительную ширму, на которой висела красивая такая бумажная полоска: «Уголок уединения». Движимый смутными сомнениями, я заглянул за ширму и увидел кресло, тумбочку и свой портрет. Там же – в отдалении – стояли два моих предшественника: Лермонтов и Достоевский. Я представил, как в этот уголок входит милая девушка. О чем же она думает, глядя в наглые глаза Лермонтова или в растерянные мои?.

Фэн на крыше

На интернет-сайтах, а затем и на моих творческих вечерах начал бывать тринадцатилетний мальчик Сева. Умненький такой, из хорошей семьи. Сначала сам подошел познакомиться, а затем и родителей стал приводить. А я и рада, все-таки свой читатель, можно сказать, любитель Юлии Андреевой – дорогого, если разобраться, стоит.

Помню, когда выпустила первую книжечку в «Борее», все гадала: кто же ее купил? Кто читает? Нравится или не очень? Однажды на эскалаторе в метро увидела девушку: стоит чинно, глазки опущены, а в ручках, точно молитвенник, моя книжечка. Крошечная четвертушка машинописного листика, формат А6. Обложка у нее белая, а внутри странички сиреневые, как мороженое «черная смородина».

Вкуснотища.

«Глаза пустоты» называется, может, еще кто помнит…

А Севочка мне сразу понравился, умненький такой мальчик, любознательный.

Впрочем, за счастье знать лично своего читателя, как оказалось, иногда приходится и платить.

Произошло это летом, в самую жару. В Питер как раз приехал знакомый психолог из Москвы, и мы с ним закатились в ресторан.

Сидим, только рыбу жареную принесли – звонок. Срываясь на плач и истерический смех, звонит мама Всеволода.

– Сынуля укололся какой-то дрянью, ясное дело, плохие мальчишки подсунули, и теперь гуляет по крышам.

Мысленно прикидываю, где эти крыши и где я. На одном метро только минут сорок и до метро еще двадцать, если каблуки в расчет брать. Ни по каким раскладам, если парень реально решится с крыши сигануть, поймать я его уже не успею. Что делать?

И тут перед глазами всплывает жилплощадь моего фэна и его родителей. Двухэтажная роскошная квартирища, причем второй этаж – мансарда с выходом на крышу. Вот он откуда полез!

– А вы трубку ему передать можете? – спрашиваю перепуганную насмерть маму и думаю о лежащей на тарелке рыбе, тихом, прохладном зале, приятной компании… Словом, обо всем том, что теперь придется отменить.

Слышатся торопливые шаги, скрип передвигаемой мебели, голоса. Наконец Всеволод берет трубку.

– Значит так, – перехожу в немедленное наступление, – я сейчас отдыхаю. Усвоил? В ресторане с человеком, голодная как

черт. Быстро к тебе приехать все равно не смогу, а на каблуках и в своем лучшем костюме, по крышам, ясно дело, лазить не стану. Поэтому, если хочешь со мной поговорить – возвращайся в квартиру и жди. Поем, свои дела сделаю – заеду. Если нет, могу проинструктировать, как прыгать. Делаешь шаг вперед, потом еще, пока…

Короче говоря, захочешь полетать, делай это без меня. Я потом подъеду и вместе с твоей мамой поплачу. А решишь ждать – спускайся в свою комнату и сиди там.

– Ладно, буду ждать, – Севка по-детски хлюпает носом, связь прерывается.

Ну, разумеется, сидеть на месте и ждать, пока тинейджер на себя руки наложит, не получилось. Пытаясь успокоиться и убедить собеседника, что торопиться некуда, я кое-как проглотила пару кусочков и поспешила распрощаться.

В квартире Всеволода я оказалась часа через полтора после разговора по телефону.

– Он в своей комнате. Сказал, что героина у него еще много. Я хожу под дверью, слушаю, как бы не заснул… – заговорщическим шепотом сообщает мама. Обычно она аккуратненькая, похожая на маленькую ласточку. Но сейчас ее лицо сделалось совершенно серым, волосы утратили блеск и выглядели так, точно поседели.

– Отвали! – возникший из темноты прихожей Всеволод грубо оттолкнул мать и, взяв меня за плечо, чуть ли не силой втащил в комнату. Лицо «самоубийцы» было драматически печальным, рукав на левой руке показательно завернут наверх. На сгибе красовалось несколько красноватых точек.

«И тут Остапа понесло». Я бросила взгляд на бледное, распухшее от слез, постаревшее лицо Севкиной мамы, соотнесла с его демонстративными действиями, затем вспомнила, как Севин папа с гордостью рассказывал о своем желании устроить единственного сына в лучший институт за границей…

Я размахнулась и со всей силы залепила Севке такую оплеуху, от которой он, здоровый лосенок, не удержался на ногах и повалился на дверь своей комнаты, растянувшись за порогом. Не слушая воплей Севиной мамы, я влетела в помещение вслед за «павшим героем» и, закрыв за собой дверь, со всей дури двинула ему ногой по ягодице.

В туфлях на высоких каблуках получилось не очень, но парня, кажется, проняло.

Сева сел на пол и, не стесняясь, зарыдал. Когда же закончились слезы, он начал свой немудреный рассказ. Как оказалось, идея ширануться героином пришла к нему недели две

назад, но в престижной школе элементарно не нашлось такой гадости. К тому же паренек боялся, что по неопытности может передознуться и либо умрет, либо не сумеет контролировать себя и взаправду нырнет с крыши либо совершит что-нибудь в том же духе. Поэтому он расковырял себе руки маминой булавкой, после чего устроил представление.

Он не хотел ехать за границу, но опасался, что отец в этом случае откажется переписывать на него машину, лишит денег.

У богатых свои причуды. Вот и Севка решил, что, узнав о его «пристрастии», родители побоятся расставаться с дорогим сынулей и будут и дальше держать его при себе.

В общем, все то хорошо, что хорошо кончается.

На прощание я пригрозила Всеволоду, что независимо от того, что будет сулить мне его мама, я не стану больше приезжать на помощь к наркоману, и Севка дал слово, что больше не станет даже думать о наркотиках.

Да, говно я психолог, побила ребенка… побила чужого ребенка… побила чужого ребенка на глазах у родителей! А если бы они меня за это в милицию сдали? Но результат все же радует.

А вообще, что же это за самомнение у ребенка выработается, ежели к нему будут являться «по вызову» писатели, актеры, режиссеры и политики? А ведь будут! Добренькая мамочка вызовет, папочка вызов оплатит.

А ведь можно было проще – старый солдатский ремень и никакой наркоты и суицида!..

По одежке встречают

Гастроли – это, конечно, хорошо, но и дома нужно что-то делать. В идеале, продолжать танцевать, чтобы не потерять форму.

Танцевать где угодно, чтобы не исчезал священный трепет, чтобы не сорваться с божественного крючка…

После Японии я выглядела что надо. Дорогой джинсовый комбинезон с голой спиной, туфли на каблуках, кожаная курточка, сумка «Версаче» в руках. Правда, мог подвести возраст. Но тут уж никуда не денешься, паспорт по-любому придется показывать.

Прихожу на кастинг, помню: отбирали танцовщиц на какую-то выставку в «Ленэкспо». Крошечная комнатушка, битком набитая народом. В углу между двух вешалок заваленный бумагами стол администраторши. Девушки лет двадцати, все с ногами от ушей, нарощенными ногтями и ресницами, с гелиевыми грудями суетятся на отрезке между зеркалами и столом несчастной тетки, чье лицо находится аккурат на уровне задниц толкущихся рядом с нею див.

Ну что делать? Проталкиваюсь к столу, называю фамилию, народ давит со всех сторон. Девицы явно давно уже здесь скучают, устали и теперь их хоть поганой метлой гони – ни за что не выйдут, пока работу не получат.

Снимаю с плеча сумочку, ставлю ее на стол, вешаю на свободный крючок курточку и тут только встречаюсь глазами с удивленными голубыми, сильно увеличенными линзами очков глазами администраторши. А та то возводит очи на меня, то с не меньшим удивлением опускает взгляд на стоящую перед ней сумочку. Ой, блин, это же я, не заметив, прямо на ее стол поставила!

– Простите, – полный уважения и непонятного раболепия взгляд снизу вверх, – но мы не можем вам столько платить, – взгляд на мою сумку!

– А сколько можете? – не теряюсь я, опускаясь на спешно освобожденный мне кем-то стул напротив администратора.

Удивительное дело. В тот день я получила работу, вообще минуя всякий кастинг. Причина – дорогущая сумка, послужившая для меня пропуском в мир гламура.

Увидев ее, тетка решила, что если я способна заработать на такое, стало быть, не подведу ее и на выставке.

К слову сказать, сумку подарили мне на свадьбу. Не на мою,

на свадьбу моей подруги Линды, которая состоялась в Японии. Жених торговал через Интернет продукцией «Версаче», вот и преподнес мне подарок. На самом деле – ничего особенного, бывают сумочки и изящнее, и красивее, а тут только за марку…

Как я потеряла мужа

До этого события я не верила в простую и старую как мир истину о неравных браках. Ведь браки творятся на небесах, а значит, какая разница, сколько у тебя денег, насколько ты продвинут в том или ином направлении, знаменит или неизвестен, если все решает любовь. Любовь, перед которой все равны.

Оказалось, я ошибалась. И мало того, что мой милый ревновал меня в буквальном смысле слова к каждому столбу, он не мог спокойно перенести того факта, что я могу еще кому-нибудь нравиться, например своим читателям.

Нормальная жена должна сидеть дома, варить щи и рожать детей. А я… ну, я это я.

А чтобы любимый не поднимал свою самооценку за счет гнобления меня, пыталась всячески раскрутить его. Рисует – супер! Будет художником. Не хочет рисовать в стол – организуем заказы, совместные проекты.

Если бы мне в самом начале моего жизненного пути предложили что-нибудь подобное, уцепилась бы руками и ногами.

Между тем проходила очередная книжная ярмарка, на которой я, естественно, собиралась присутствовать. Пропуск был заказан и получен заранее. Но к открытию ярмарки наши отношения заметно накалились, поэтому я прибегла к тонкому психологическому ходу: сообщила милому, что очень хочу попасть на книжную ярмарку, умоляя найти способ провести меня туда. Замечу попутно, что если бы он не смог раздобыть пропуск, билет можно было преспокойно купить в кассах «Ленэкспо» на входе.

Изображая из себя крутого мачо, возлюбленный долго разговаривал с кем-то по телефону и наконец заверил меня, что на выставку я попаду непременно.

Я тут же бросилась ему на шею, счастливая уже тем, что настроение моего милого после совершения «подвига» заметно улучшилось.

На ярмарку мы отправились вместе, любимый – с видом человека, исполнившего свой долг, а я в новеньком платьице и на каблучках. Ну что еще нужно женщине?

Впрочем, неприятности начались уже на входе. Вообще, я не из тех писателей, которых часто узнают на улицах, пристают с автографами и заваливают цветами. Но в этот раз, похоже, судьба решила сыграть со мной злую шутку. Первый человек, который

громогласно поздоровался со мной, был писатель Николай Романецкий[60]. Потом я увидела Антона Первушина[61] и Васю Владимирского. Они все – то есть члены студии Андрея Дмитриевича Балабухи – шли с какого-то мероприятия нам навстречу.

– Привет!.. Здравствуй!.. Вот и Юленька пришла! – услышала я сразу же несколько голосов. Мой спутник ошарашенно вертел головой. Должно быть, у него сложилось впечатление, что на этой выставке со мной не поздоровались только стены.

– Кто это? – сквозь зубы осведомился он, поворачивая голову всякий раз, когда со мной здоровался кто-нибудь из подоспевших писателей.

– Это… – я охотно начала представление.

– А это сам Дмитрий Вересов! – вдруг чуть ли не взвизгнул мой спутник, вытаращивая глаза. – Ты не понимаешь, Вересов – мой любимый писатель! Он вообще лучший! Точно он!!!

– О, Юля, привет! – лицо Дмитрия расплылось в доброжелательной улыбке, и тут же он шагнул мне навстречу, раскрывая объятия и невольно отодвигая от меня своего горячего поклонника.

Я посмотрела на любимого: его лицо сделалось зеленым.

Надо думать! Ведь Вересов – это же святое. Любимый писатель сиречь небожитель, а тут такая фамильярность…

Жена должна сидеть дома и готовить щи. А как быть с женой, которая запросто общается с самим великим Вересовым?! Облом.

Легко приобняв меня, Дмитрий устремился к поджидающим его друзьям.

Я хотела уже пуститься в какие-нибудь объяснения. Но тут судьбе захотелось выкинуть еще один фортель.

– Юля, тебя ищет Евгений Лукин[62], – прервал мою неначатую речь Романецкий.

– Кто? – не поверила своим ушам я.

– Женя Лукин. Он там, – Николай махнул рукой в сторону, откуда мы только что пришли, – возле урн с голосованием. Кстати, проголосуешь заодно.

Лукин? Но мы же незнакомы. Лукин – действительно небожитель. Для меня небожитель, для моего же милого – небожитель из самой высшей касты небожителей. Писатель из писателей!

Уже не думая о благоверном, я устремилась вперед, опасаясь только одного, что Романецкий мог мне попросту соврать. Хотя зачем? В жизни за ним такого не замечала.

– Лукин тебя ищет! – крикнула мне вслед Лена Первушина[63], и я уже не пошла, а побежала.

– Ты слышала, тебя везде ищет Евгений Лукин! – поймал меня за руку Михаил Ахманов.

Я влетела на площадку для голосования, на которой со скучными лицами стояли три девушки с бланками и запасными ручками.

– Где Лукин? – взвыла я.

– Да только что болтался здесь, – зевнула одна. Для нее – вот ведь неправильная герла – Лукин вовсе не был небожителем.

– Да как он выглядит? Покажите мне его! – не отставала я, прекрасно понимая, что, не зная любимого писателя в лицо, отыскать его в толпе невозможно.

– А вон он, – наконец кивнула мне на невзрачного бородатого человечка одна из дев.

С замиранием сердца я подошла к Лукину. Конечно, это был он. За моей спиной ревниво пыхтел мой возлюбленный.

Вдруг подумалось, что на самом деле никакой Лукин не звал меня. На что я ему. Все это какой-то глупый, замысловатый заговор. Впрочем, что-то чересчур замысловатый.

Дождавшись, когда Лукин поднимет на меня глаза, я срывающимся от волнения голосом назвала свое имя, добавив, что мне сказали, мол он меня ищет.

– Да, да… – Евгений порылся в нагрудном кармане куртки и извлек оттуда сборник «Блюз для Лилит», который мы сделали вместе с Сашей Смиром. – Подпишите, пожалуйста, у вас такие прекрасные стихи.

В этот момент я невольно взглянула на «милого», как он там. На него было страшно смотреть.

М-да, при любом раскладе мужика я, похоже, потеряла, решила я с грустью. После такого стресса он либо помрет от инсульта, либо выживет, но уже никогда…

Я оказалась права: небо разверзлось, и два небожителя долбанули от широты душевной по моему уже разваливающемуся браку. За что я им премного благодарна.

Как вышибают гонорары, или О столкновении культур

Хозяин издательства, правоверный пожилой мусульманин с первого дня знакомства разглядывал меня, точно вещь на рынке. Нужна, не нужна. Нет, точно нужна. Но не сама – норов уж больно непокладистый. Книга ее потребна и договор, чтобы лет шесть, а то и восемь не вякала.

Торговался он со знанием дела. Он прекрасно понимал: торг – не мой любимый вид спорта. Я максимум могла что-то подвякивать, сознавая, что делаю это скорее для проформы. Ну и бог-то с ним.

О выходе «Танцетерапии» издательство не потрудилось сообщить. Что же, дело вполне привычное. За авторскими экземплярами пришлось переться на склад – в даль дальнюю, через километры грязи. Ладно, и это не проблема, своя ноша руку не тянет. А книга объективно хорошая получилась.

Проблемы начались позднее, когда по прошествии пары лет я вдруг обнаружила (лучше поздно, чем никогда) гадостный пункт сдуру подписанного мною договора, согласно которому деньги я могла получить не раньше, чем будет распродан тираж.

Упс! Когда я подписывала эту казуистику, за спиной были японские гонорары, а теперь…

И вот я снова на ковре, под вытесненной на золотой фольге сурой: «Нет бога кроме Аллаха».

Не то чтобы я умела читать по-арабски – здесь я вообще по нулям. Но что, собственно, может повесить над своей головой директор издательства, если он истинный мусульманин?

Итак, я снова в знакомом кабинете, в джинсах, а не в платье, разумеется, без платка. Сидим, смотрим друг на друга. Он в своих правах, я в своих эмоциях.

Он, чтобы что-то говорить, расхваливает привычный ему жизненный уклад, в котором такие красивые женщины, как я, не работают, а ходят в золоте.

Киваю. Думаю. Ну чем такого возьмешь? Слезами? Да видел он их! Угрозами? Слышал. Да и женские угрозы для него пустой звук, он и обращать внимание на них не станет.

Что же делать?

Меж тем издатель мой говорил, говорил да и остановился. Легкий поклон – конец аудиенции.

А я сижу насупленная, только что не плачу.

– Позвольте, я свяжусь с вами позже, – дежурная улыбка.

Знаю я ваши «позже»…

– А куда мне идти? – вдруг прорывает меня. Выпаливаю, выбрасывая последний, совершенно неожиданный в этой ситуации фантастический аргумент. – Меня без денег муж все равно на порог не пустит.

Пауза. Директор издательства с трудом впитывает услышанное. В воздухе почти слышен скрип его извилин.

– Я ведь из цыган, а у нас мужчины никогда не работают. Таков обычай! – гордо киваю. – Не принесу денег, точно побираться пошлет. А я не могу, как-никак писатель. Узнать могут. Потом позора не оберешься.

– Цыгане?! – лицо главреда краснеет, покрываясь испариной. – Да мусульманин вас бы на руках носил, золото на каждую получку покупал.

– У нас свой уклад – древний, – отбиваю удар, внутреннее сожалея, что для большего антуражу нет на плечах моих цветастой шали и не покуриваю я трубочку. Во картинка получилась бы! Блеск! – Уклад у нас древний, от предков доставшийся. По нему отец мой, и отец отца, и их предки испокон веков жили, – говорю с деланой хрипотцой. Ой, не подходят мои рыжие волосы, зеленые глаза да белая кожа к выбранному образу таборной цыганки. Ну да что тут поделаешь. Главное, клиент верит!!! – Вот и получается, что коли я законного супруга и малых деток не могу обеспечить, кому нужна такая женщина?!

Я приподнялась, точно собираясь уйти куда глаза глядят, но директор издательства тут же удержал меня на месте, попросив заглянувшую в кабинет секретаршу принести чаю.

Дрожащими руками он взял трубку и, связавшись по внутренней связи с бухгалтерией, велел выплатить мне деньги за все проданные экземпляры.

Цель была достигнута!

Уловка

Многие уважаемые психологи учат народ, что для того, чтобы сделать карьеру, вытребовать заработанные деньги, получить отсрочку для завершения работы и прочее, необходимо быть хорошо одетым, благоухать дорогим парфюмом и всячески излучать удовольствие, дружелюбность и благонравие.

Эту теорию с успехом опроверг писатель Виктор Беньковский, переводивший для издательства «Центрполиграф» в 1995 году «Стальную мечту» Нормана Спинрада. Он за своей отсрочкой сдачи книги явился в издательство не просто помятым и угрюмым, а и дыша в лицо главному редактору перегаром.

Но давайте обо всем по порядку.

Виктор был счастлив от возможности переводить «Стальную мечту» И, стало быть, сделать ее он желал либо идеально, либо не делать вообще. Поэтому он по сто раз перечитывал и исправлял каждую главу, бесконечно ища соответствующие образы в русском языке, с тем чтобы передать стиль и язык автора как можно точнее и понятнее нашему читателю.

Но такая филигранная работа требовала времени, которого у переводчика, работавшего по заданию издательства, было не особенно много.

Книга давно уже стояла в плане, а Виктор бесконечно тянул со сдачей перевода.

Наконец редактор категорически потребовал явки переводчика в издательство. Надо идти, тем более, что и аванс получен и давно проеден.

Но как убедить начальство дать поработать с текстом хотя бы еще пару дней?

Размышляя над этой сложной задачей, Беньковский поднялся на станцию метро «Владимирская» и, свернув на Загородный, приметил ларек, торгующий пивом, сигаретами и тому подобным.

Было ясное солнечное утро, лето. В такую погоду нужно с девушками в парках на лодках кататься, а не бродить по душным редакциям. Впрочем, кто же будет спрашивать, чего тебе хочется? Виктор задумался.

«А что будет, если переводчик заболеет?

Нет, несерьезно.

И тут пришло решение!

Виктор подошел к ларьку и, купив банку пива, начал старательно им давиться. Пить совершенно не хотелось, но это было необходимое условие.

Глядящие на действия Виктора постоянные посетители круглосуточного ларька неодобрительно мотали головами, мол, на что человек драгоценный напиток тратит. Но переводчику было не до них.

Наконец подготовка была завершена, и Беньковский потопал к издательству.

Тяжело ступая, Беньковский отворил дверь и тотчас грузно осел на первый попавшийся стул.

– Гена, хреново-то мне как, – выдавливает он из себя, стараясь, чтобы главреда накрыло пивное амбре.

– Плохо? – Геннадий Белов вскакивает. – Сейчас, сейчас, окошко приоткроем, ты того, на солнце не сиди. Погоди, я быстренько за пивком сгоняю, отойдешь.

– Не надо пива, – отмахивается Беньковский. – Не хочу класть на старые дрожжи. Так справлюсь… Я о Спинраде пришел поговорить.

– Да подождет твой Спинрад. Ты сам давай, в норму приходи. Иди домой и отсыпайся. Потом поговорим.

И Беньковский пошел домой. К «Стальной мечте».

Лучший «литературный агент»

Списались по мэйл-агенту с человечком из Москвы. Зовут Петя. Год рождения не указан, место обитания – столица, вместо фотографии улыбающийся Микки-Маус.

Впрочем, ничего особенного. А для человека, проводящего жизнь за монитором компьютера, – в самый раз. Тем более что человек оказался не вредный. Скажешь: «занята, работаю», спокойно отвалит без возражений и обид.

А когда свободна, только что из текста вынырнула, так на стену полезешь от скуки и желания хоть с кем-то парой слов перекинуться.

А с кем, когда два часа ночи и все спят. Разве что в Сети…

Смотришь, кто еще полусонно барахтается во Всемирном неводе.

Тук-тук. К вам можно?

Общались с Петей почти год, прежде чем я решилась попросить его о деле. Впрочем, что называется, приперло. Московское забуревшее издательство, к их чести сказать, заплатив вовремя деньги, не желало высылать пять законных авторских экземпляров, полагающихся по договору. Хоть плачь!

На письма не отвечают, звоню – автоматически «включают дурака». Мол, приезжайте и забирайте.

Это в Москву-то? Из Питера за пятью несчастными экземплярами?!

Попыталась купить на свои кровные – снова облом: в магазинах нет, в Интернете тоже. За месяц нехило десять тысяч разлетелось, а автору…

Вот тут-то я и вспомнила про Петечку. Все же в Москве живет, может, отыщет время и заедет в издательство. Перед этим точно так же пришлось знакомую девушку просить. Она, благо тоже москвичка, аккуратно звонила в издательство раз в день, планомерно проедая плешь и, в конце концов, взяла мерзкую контору измором, вытребовав причитающееся.

На мой призыв Петя ответил тут же. Скромно поинтересовался, как лучше представиться и какие у него полномочия.

– «Наши скромные возможности безграничны», – ответила я цитатой из Гарри Гаррисона, – что же до того, кем представиться, то на ваше усмотрение: братом, мужем, арт-директором – мне с ними в дальнейшем не работать.

Петя выслал мне паспортные данные, я добросовестно переслала их в издательство.

На этом бы истории и закончиться. Ну был, забрал, выслал по почте и аминь.

Но так только в сказках случается, а на самом деле…

…А на самом деле Петечка оказался чем-то вроде генерала ОМОН. И, как добросовестный военный, мою просьбу о помощи воспринял как приказ «в ружье», по боевой тревоге или как там это у них называется?

Тут же было поднято подразделение ОМОН, которое, собственно, и посетило уважаемое издательство за меня.

Интересно, изменились ли после этого отношение москвичей к питерцам? Вроде как до визита омоновцев они считали нас скучными, неспособными на решительные меры снобами.

Впрочем, Москва во все времена уважала силу.

Услышав о произошедших событиях, я пожалела только об одном: что не попросила его заснять действо на видеокамеру. Но кто ж знал-то?

Славный бы подарок получился для других моих издателей.

Осторожно: ГАДЫ!!!

День не задался с самого утра. Так бывает – встаешь не с той ноги, и потом целый день усиленно прет невезуха. Причем не глобальное невезение, а так, по малости: петля на колготках побежала, дитё пролило лимонад на платье, ладно бы на свое, так нет же – на мое, муж с утра злющий, как собака, так что невольно задаешься вопросом: отчего не на цепи?

А тут еще позвонили какие-то ребятки из сайтоделателей. Создают, мол, мощный ресурс, где в скором времени будут все писатели, актеры, режиссеры, художники, фотографы да и вообще интересные, неординарные люди.

Чего хотят-то?

Оказывается, выложить у них на сайте мои фотки, биографию, стихи, рассказы, да еще вдобавок и снять со мной видеоинтервью. Все это нужно им для того, чтобы, с одной стороны, дать рекламу мне, с другой – привлечь внимание к сайту.

Спрашиваю: реклама-то, она обычно платная, вы что же, ничего с меня за такую лафу не возьмете?

Говорят, хватит, дескать, и того, что просим. Кроме того, можно конференции проводить перед видеокамерой. Мол, даже с почтой самой разбираться не придется, секретарь обработает. И скоро эта услуга будет платной, на мне же, как обычно, решили протестировать сайт.

Тут я запротестовала – что мне, лень с читателями побеседовать? Как раз наоборот!

Уговорились встретиться в одном японском ресторане. Кроме меня были приглашены еще три дамы: владелица магазина, жена известного бизнесмена, журналистка. Все вроде бы честь по чести, но вот только кажется мне, что-то тут не так. Не бывает же бесплатного сыра! А если и бывает, то сами знаете где…

Отозвала я хозяйку магазина в дамскую комнатку посекретничать. Той тоже ребятки наши улыбчивые не шибко понравились. Явно ведь пакость затеяли, а нам потом расхлебывать. Решили как-нибудь раскрутить паразитов, выведать, что на самом деле нужно. Короче говоря, напоили мы их в лучших традициях консумации. А как языки пьяные развязались, так все и вылезло на чистую воду.

В общем, затея выглядела следующим образом: некие господа создают анкеты разных реально существующих, работающих и уже что-то успевших сделать лиц, после чего все это засылается на иностранные сайты знакомств, где тексты, понятное дело,

слегка видоизменяются.

Затем, когда богатый иностранец клюет, – а с чего бы ему не клюнуть, когда и фотки, видеоинтервью и реальные книги (если речь идет о писателе), – ему сообщают, что для приезда означенной невесты в Штаты, или где там он обитает, необходимы деньги на билет, либо уплатить неустойку бандитам (или бывшему мужу – нужное подставить). Да мало ли что еще.

Когда все это дерьмецо начало потихоньку всплывать, я поначалу хотела дверью хлопнуть, но хозяйка магазина вовремя за руку поймала.

– Неужели же эти гады просто так уйдут, за потраченное время не рассчитаются? – шипит мне в ухо.

Ну, что же, я маленько наказать за обман не против. Пообещали мы, что вышлем им материал, конечно же, вышлем. Только у меня Интернет как на грех закончился, поэтому подвела подвела я одного из них к платежному автомату и получила выделенку на месяц. Хозяйка магазина пошла дальше: потащила пьяных разводчиков себе золото покупать.

Больше я про мальчиков этих ничего не слышала, но полагаю, еще где-нибудь они проклюнуться могут. Так что, осторожно – реальные ГАДЫ!!!

Новые встречи – старые встречи

В мини-отеле «Старая Вена» на вечере поэта М. подошел благообразного вида фотограф с предложением поснимать меня.

Почему бы и нет? Не зря же мы ходим на выступления и выставки друг друга – лицом поторговать, новости послушать. Иной раз самого главного и не успеваешь – поэта толком послушать, картинки, по стенам развешанные, посмотреть. Все спешим куда-то, несемся. Куда?

Как бы заблаговременно не попасть туда, куда все стремятся…

А фотограф мне понравился: седой весь, патриарх, спокойный, с искоркой в глазах. Владимир Михайлович Меклер[64] зовут. Может, кто слышал?

Углядел во мне английскую королеву, обрадовался и сразу же за камеру, как охотник за ружье.

Попозировала немного во время перерыва. Потом вижу, М. к импровизированной «сцене» направляется, второе отделение, стало быть, начинается. Но до места М. не дошел, ему Меклер дорогу загородил. Увлекся очень, виновника торжества и не заметил. Вздохнул М., вытащил из сумки свой аппарат и тоже рядом пристроился – меня фотографировать. В общем, не зря зашла. Обменялись координатами.

День проходит, два проходят, неделя заканчивается – нет моего фотографа. То ли визитку утерял, то ли не получилось ничего, а теперь смущается признаться.

Решила напомнить о себе сама. Мол, так и так, познакомились в «Старой Вене», как там мои фотки поживают? Неплохо было бы их посмотреть.

Ответ пришел неожиданно быстро. Привожу его полностью:

«Здравствуйте, Юля!

Когда в тот вечер я возвращался домой, то по пути стал придумывать, как бы Вас поснимать. Пытался вспомнить картины эпохи Возрождения и, двигаясь по временной шкале в обратную сторону, довольно скоро пришел к сотворению мира. ЕВА!!! Обнаженная женщина у древа познания! Сразу же пришла хорошая идея про дерево.

Дома зашел на Ваш сайт и как только добрался до упоминания про театр ДО, меня пронзило, что я Вас уже снимал! Стал рыться в архиве и нашел запись 16 апреля 1990 года: 21-22 часа Юля-актриса «До-театра».

Поэтому я и тянул с ответом, намереваясь отсканировать пленки.

Вот такие необыкновенные встречи через 19 лет случаются!

Всего доброго,

Владимир Михайлович Меклер,

свободный фотограф».

Признаться, когда танцуешь на сцене, меньше всего думаешь об окружающих тебя фотографах. Лиц не видно, одни нацеленные на тебя стеклянные глаза фото– и видеокамер.

Я поинтересовалась, выложит ли он ту давнюю серию снимков на своем сайте. Но Владимир Михайлович, вдруг позабыв, что он фотограф и какие идеи лелеял по поводу моего неувядающего образа, вдруг смутился, заметив, что в тот день я танцевала обнаженной, и он не рискнул бы поставить эти снимки в общий доступ.

Вот какие встречи происходят через девятнадцать лет… Учитывая, что старые знакомцы обычно возвращаются в твою жизнь косяками, интересно, кого еще принесет из дальних далей?..

Друзей или врагов?

Жду…

Как я была редактором

Говорят, что редактура – непростое дело, ведь не всякому автору априори можно говорить правду в лицо, иной за эту самую правду и тебя по лицу может. Как у классика «…ейной мордой мне в харю тычет». А мне оно надо?

Тем не менее, время от времени приходится браться и за этот гуж. Правда, мой конек – поэзия. Здесь с клуба «Дерзания» чувствую себя в своей тарелке и могу хоть что-то грамотное сказать. В стихах существуют очень четкие правила, поэтому, если поэт пишет в классической манере, ему можно хотя бы доказать, где и в чем он неправ. С прозой хуже.

Однажды списалась с человеком из игровой тусовки, настоящее имя не знаю, в паспорт не заглядывала. Представился же он как Бьярни из рода Серого волка.

Бьярни заявился ко мне домой в оговоренное время, высокий, под два метра детина с длинными лохмами по плечам и густой черной с проседью бородищей. На плечах гостя красовалась овчинная безрукавка мехом наружу, под безрукавкой – домотканая рубаха, подвязанная веревкой. Запястья стягивали кожаные браслеты, на шее болтался амулет в виде клыка.

В общем, колоритнейшая личность. В моей крохотной комнатке он уселся посреди помещения в кресло, отчего прежде уютное жилище сразу же показалось ненадежным и хрупким.

Водрузив себе на колени плетеную суму, Бьярни извлек пачку листов, исписанных убористым почерком, и огорошил: шедевры в руки не даст, а будет читать их сам. Не очень-то удобный вариант для редактирования.

За день до встречи я уже слышала по телефону образцы Бьярниного творчества, стоически вынесла несколько глагольных рифм, вежливо попросив гостя проглядеть стихи на предмет ентого безобразия, потом отследила пару случаев рифмования однокоренных слов.

Но теперь, после того как я узрела пиита воочию, желание выказать себя знатоком поэзии и особливо критиком и редактором куда-то улетучилось, уступив место покорности и желанию всех любить и прикидываться ветошью всякий раз, когда детина выдаст перл или начнет сбиваться с ритма.

Впрочем, долго продержаться не удалось.

Первая же строка заставила меня проколоться начисто, испортив гостю впечатление от встречи.

«Когда рука лубить устанет тело», – начал он с сильным грузинским акцентом…

– «Смени руку, идиот!» – выпалила я.

В ту же секунду Бьярни вскочил с места и, опрокинув кресло, пулей вылетел из комнаты, чуть не сорвав с петель входную дверь и перепугав кота.

Крылатые редакторы

У писателя Пу Сун-лина в книге «Рассказы Ляо Джая о чудесах» есть рассказ о лисе-оборотне, который являлся весьма хорошим критиком и редактором. Забираясь в сундук хозяина дома, лис портил в нем те рукописи, которые было бы стыдно показывать другим людям.

Поняв эту особенность домашнего оборотня, человек назвал его своим учителем.

Подобные критики, или, если угодно, редакторы, живут в поселке Комарово в Доме отдыха писателей. Обыкновенные крохотные и веселые синички, беспрепятственно проникающие в любые помещения облюбованного литераторами особняка, метят лишь те рукописи, которые кажутся им непригодными ни на что иное, как только лишь быть птичьим сортиром.

Писатели, коим чаще прочих доставалось от крылатых критиков, требовали от администрации Дома отдыха писателей, чтобы та не допускала проникновения пернатых безобразников в помещения. Но что бы ни предпринимали те, птицы неизменно оказывались во всех комнатах и на кухне, скорее всего, за долгие годы общения с фантастами навострившись пролетать сквозь стены и закрытые окна.

Рыцарь

Однажды я почти что вышла замуж без любви. Всегда боялась. Страшилась, что будущий супруг начнет отговаривать меня от сочинительства, решив, что это пустая трата времени. Хотя, говорят, жена-писатель – это оригинально.

Но вот танцовщица… тем более танцовщица с продолжительными гастролями… нет, такого ни один уважающий себя мужик выдержать не способен.

Да тут еще и идеал перед глазами: с детства вижу ЕГО – человека, от одного образа которого дух захватывает. Во сне он то старый, то молодой, то высокий, то низкорослый, то полный, то худенький, словно кто растягивает его вверх и вниз, вправо и влево, старит и молодит, проверяя на прочность, точно драгоценное оружие.

Но я знаю – ОН это. Без дураков. ОН!!!

Впрочем, время гастролей закончилось, ОН так и не появился, а тут давний знакомец, можно сказать, друг, хороший поэт и хороший человек, начал за мной ухаживать.

Любви не было, но зато была дружба, было общее дело. Путь не путь, но тогда казалось, что удастся как-то продержаться. Отличная семья, просто мечта, а не семья, квартира, деньги…

Говорят, со временем любовь уже не столь важна. С годами человек все больше склонен искать, где теплее.

Врут, гады!

Все у нас было уже, можно сказать, на мази, но все тот же сон...

Явился в броне и с глазами, преисполненными любовью, мой рыцарь и говорит:

– Ты все еще хочешь, чтобы я пришел к тебе?

– Да, – отвечаю.

– А как я могу появиться, если место занято?

– Хорошо, – говорю, на любимый образ насмотреться не могу, – а если завтра я с ним расстанусь, ТЫ появишься?

– Появлюсь!

Что же, сказано – сделано. На следующий день я к своему жениху явилась и помолвку расторгла. Потому как другому во сне обещалась.

Вот такая идиотская история.

Жду…

Петербургские письма из ниоткуда

Мой принц, вот я и догадалась написать тебе. Утром небо обвалилось белыми ромашками, на которых я гадала, встретимся ли мы когда-нибудь. Выпало пятьдесят три тысячи четыреста сорок пять раз «нет» и сорок две тысячи двести пятьдесят «да» – это меня обрадовало, тем более что прошлый раз «да» выпало одна тысяча четыреста два раза и прогресс в этом смысле очевиден.

Вчера я вновь бродила по Эрмитажу, всматриваясь в портреты, хотела найти в них твои черты.

Несколько раз мне начинало казаться, что я у цели, но тут же реальность распадалась передо мною, путая и меняя образы.

Сложность моего положения состоит еще и в том, что я не сижу дома, как все порядочные принцессы, а веду активный поиск.

Может, именно поэтому мы до сих пор не вместе, но я не могу иначе, ты должен понять.

Я все думаю, какой будет она, наша первая встреча, когда ты появишься в костюме самурая, эмира или средневекового рыцаря.

Принц мой, старый ты или молодой, богатый или бедный, здоровый или больной, спеши на мой зов!

И я встречу тебя в ароматном ромашковом облаке, на каждом из лепестков которого нанесены сюжеты нашего будущего счастья.

Мой принц, далекий и близкий, незнакомый и родной, я сидела у особняка Белосельских-Белозерских и смотрела сквозь поток. Осень забрасывала меня кленовыми письмами с очень точными картами твоего прибытия, а июнь падал от жажды тополиным пухом и жадно припадал губами к Фонтанке.

Отчего на Невском мне явились сразу же два времени года, до сих пор остается загадкой.

Иногда я думаю, что все напрасно, и синее платье, похожее на летящий по небу цветок, порядком выгорело.

Долгое время я не знала, чем привлечь твое внимание, я была красивой и безобразной, смотрела на мир из мехового манто и оконных стекол благотворительной столовки для бомжей.

Несколько дней назад я заметила, что прохожие начали коситься на меня, оказывается, их смутили выросшие крылья.

Сначала я подумала, что умру, а потом догадалась, что просто становлюсь птицей.

И оттуда, с высоты Исаакия, я снова и снова буду искать тебя, мой принц.

Подними голову к небу – где-то в низких облаках Питера лечу я. У меня синее платье, похожее на мокрый цветок, и белые теплые крылья. Я хотела бы найти более точные приметы, но пока не получается.

Посмотри на небо.

Что ты уставился себе под ноги, милый принц? А… ты ловишь в луже мое отражение, тогда ладно, смотри, я помаячу немного над тобой.

Выбор, от которого невозможно отказаться 2

Есть такое выражение: «СПИД – чума двадцатого века». Об инфицированных СПИДом снято множество фильмов, наших и зарубежных. В них показано разное отношение людей к заболевшим. Хотя, в основном, это страх. Страх панический, скрытый, латентный страх.

Впрочем, о СПИДе вспоминают, когда он коснулся кого-то из знакомых, в обычной же жизни о нем не думают.

Известно, что СПИДом можно заразиться, вступая в половой контакт с ВИЧ-инфицированным, но можно и не заразиться. Периоды там какие-то, что ли. И еще, что скорее уж больным СПИДом следует опасаться контактов с людьми, нежели наоборот, поскольку СПИД уничтожает иммунитет и человек может умереть от обыкновенного насморка или ОРЗ.

У нас в метро, особенно на первой ветке, что тянется от «Девяткино» до «Проспекта Ветеранов», часто можно было заметить болезненного вида молодого человека с табличкой «Помогите, я ВИЧ-инфицированный». Не знаю, был ли он действительно болен СПИДом или нет, но то, что доходяга, это уже на все сто. Худой, бледный, словно кто-то из него всю кровь выпил, ногу подволакивал…

Парню подавали кто что мог, и он уходил в другой вагон, чтобы возникнуть перед вашими глазами буквально на следующий день.

И вот однажды я увидела таинственного молодого человека вечером возле станции метро «Владимирская». Он стоял в раздолбанной телефонной будке и буквально кричал кому-то.

– Почему ты отказываешься просто поговорить со мной? Я же ничего не прошу! Только это! Мне нужно всего лишь увидеть тебя!

Должно быть, ему возражали, потому что парень снова начинал орать, стуча в дверь будки своей тросточкой.

– Да, я скоро умру! Понимаешь ты! Умру по-настоящему! Да, я уже год ни к кому не прикасался! От меня все как от чумы шарахаются! Но в чем я виноват?! Тебе повезло, а мне нет – вся разница. Ты будешь жить, а я под забором сдохну, как собака. Мне нужно только поговорить, только постоять рядом! Ведь я же уже никогда и никого не обниму! Ни с кем не поговорю! Почему же ты отказываешь мне в такой малости?! В такой!!!

Разговор прервался, но парень стоял еще какое-то время,

сжимая трубку.

Было неудобно оттого, что я невольно подслушала чужой разговор. Я хотела уже ретироваться, но это было бы вообще неприлично, сначала стояла как столб, а потом вдруг сорвалась уходить.

С тяжелым вздохом молодой человек выставил из будки сначала больную ногу, а затем вывалился сам, загородив проход.

– Вы все слышали? – он смотрел на меня в упор, по лицу двумя ручьями лились блестящие в свете фонарей слезы.

Я кивнула.

– Она больше не хочет меня видеть. Я ушел, оставил ей квартиру, а она не может просто поговорить со мной. Замки поменяла, и…

Он обтер грязным рукавом лицо.

– Мне так больно, как никогда еще не было.

Я стояла, не зная, что сказать.

– Поцелуйте меня, пожалуйста.

Не помню, какого цвета у него были глаза… «большое видится на расстоянии».

Мы целовались на метро «Владимирская», недалеко от того места, где теперь поставлен памятник Достоевскому и часто лежат живые белые лилии. Мы целовались как сумасшедшие, а рядом валялась табличка с сообщением о СПИДе и просьбой о помощи.

Динька и ее крестная мама

В августе, когда очередной контракт с Японией подходил к концу, у меня в России родилась дочка. Немного шокирующая формулировка, да зато чистая правда. Было это 25 августа 2001 года. Сейчас хочу вспомнить, что я делала в тот день, о чем думала, но ничего не получается. Вроде как гуляла по набережной, отщелкивала последние кадры пленки, чтобы сдать на проявку, покупала подарки домой.

Среди вещей, кстати, был комплект детской одежды, для знакомой. Но ни о каком своем ребенке я тогда не помышляли.

Где-то через месяц подружка Светка отписалась, что родила дочку и, по странному стечению обстоятельств, она – копия меня. Так что если бы я была, к примеру, мужчиной, у меня могли бы возникнуть реальные трения с ее мужем.

«Ребенок похож невероятным образом, у нее даже родинка на животе такая же, как у тебя». Мы со Светкой работали в паре восточный номер и животы друг друга знали как облупленные. Так что не подумайте чего.

Заканчивалось письмо вопросом: «Что ты об этом думаешь?»

А что я могла думать? А что она думала, рожая моего ребенка? Так и спросила, заодно поинтересовавшись, а чем мне теперь самой-то заняться, если они все за меня сделали?

Созвонившись, определились, что я буду крестной матерью. Тоже неплохо.

Крестили малышку уже в России в одной маленькой деревеньке, недалеко от местечка, где ребята снимали дачу. То есть никто специально никаких крестин не планировал, как-то само вышло.

Как у Сергея Михалкова, «дело было вечером, делать было нечего», только что прошел дождь, в лес нельзя, на озеро тоже – холодно… Кто-то вспомнил, что поблизости есть церквушка. Отправились туда с ребенком, заодно и окрестили.

А я, как уже упоминала, была крестной матерью.

Сначала крестной, а затем… Но это уже другая история.

notes

Примечания

1

Андрей Дмитриевич Балабуха. Родился 10 апреля 1947 года в Ленинграде. Прозаик, поэт, критик, переводчик, составитель сборников и книжных серий, а также литературный и научный редактор. Удостоен Специального почетного диплома Международного конкурса на лучший фантастический рассказ (1981), проводившегося журналом «Техника – молодежи» вкупе с журналами Болгарии, Польши и ГДР; приза имени И.А. Ефремова – за общий вклад в отечественную фантастику (1992); а также литературной премии им. А.Р. Беляева (Беляевской премии) – за серию критических статей об англо-американских писателях-фантастах (1993).

2

Дмитрий Николаевич Киршин. Родился 3 октября 1968 года в Ленинграде. Писатель, учёный, издатель, общественный деятель. Автор четырёх книг стихов и более полутора сотен литературных публикаций в коллективных сборниках, журналах и газетах.

3

Нина Алексеевна Князева. Работала во Дворце с 1957 по 1988 год. Педагог кружка юных поэтов литературного клуба «Дерзание». Ее воспитанники пополнили большой отряд литературоведов, поэтов, прозаиков, критиков и журналистов Санкт-Петербурга. Нина Алексеевна – отличник народного просвещения РСФСР, ее работа отмечена Грамотами городского отдела народного образования.

4

Иосиф Александрович Бродский (24 мая 1940, Ленинград – 28 января 1996, Нью-Йорк) – выдающийся русский и американский поэт, эссеист, драматург, переводчик, лауреат Нобелевской премии по литературе 1987 года, поэт-лауреат США 1991—1992 гг.

5

Виктор Александрович Соснора (род. 28 апреля 1936, Алупка) – русский поэт.

6

Виктор Топоров (1946) – критик, редактор, писатель, переводчик поэзии и прозы. Автор теории «плохого перевода». Самая известная его книга – «Записки скандалиста».

7

Михаил Давыдович Яснов (Гурвич; р. 8. 01. 1946) Род. в Ленинграде. Окончил филол. ф-т ЛГУ (1970). Печатается с 1961.

8

Евгений Вензель (Санкт-Петербург) – поэт и прозаик. Родился в 1947 году. Публикации: в альманахе поэтов Малой Садовой «Fioretti», 1965; «Голос», 1978; журнале «Часы» № 10; антологии «Острова», 1982.

9

Елена Игнатова. Родилась в Ленинграде. С 1975 года постоянно публиковалась в изданиях русского зарубежья. Поэт, сценарист.

10

Сайгон – неофициальное название легендарного кафе в Ленинграде (Невский просп., 49) при ресторане «Москва», место обитания героев андеграунда, «непризнанной» творческой интеллигенции, т.н. «неформалов».

11

Дмитрий Вересов (Дмитрий Александрович Прияткин). Писатель, переводчик, филолог. Родился в 1953 году в Ленинграде. Автор любовно-авантюрной эпопеи «Черный ворон», по которой был снят знаменитый одноименный сериал. Кандидат филологических наук, специалист по американской литературе XX века. В течение десяти лет преподавал на кафедре зарубежной литературы Ленинградского государственного университета.

12

«Климат» – жаргонное название станции метро «Гостиный двор», вход со стороны канала Грибоедова.

13

Вадим Игоревич Максимов (род. 27 августа 1957, Ленинград) – театровед, режиссёр. Специалист по французскому театру XX века и творчеству Антонена Арто. Создатель и руководитель Театральной лаборатории Вадима Максимова.

14

Сергей Анатольевич Курёхин (16 июня 1954, Мурманск – 9 июля 1996, Санкт-Петербург) – музыкант-авангардист, джазовый музыкант, композитор, актёр, создатель и руководитель группы «Поп-механика».

15

Николай Алексеевич Якимчук (род. 16 апреля 1961, Ленинград) – поэт, драматург, издатель. Учился на факультете журналистики Ленинградского государственного университета. Работал в ленинградских газетах. Главный редактор альманаха «Петрополь» (с 1989), учредитель и координатор Царскосельской художественной премии (с 1993), лауреат премии «Люди нашего города» (2001).

16

Анастасия Нелюбина – род. в 1960 в Ленинграде, училась у Т.В. Савинской. Закончила Академию художеств СПб (Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина), ф-т графики, мастерская проф. В.А. Ветрогонского. Член Союза художников России. С 1994 г. основатель и лидер группы «Новые символисты» (совместно с Лёлей Гостинцевой), 1995-1996 (совместно с Лёлей Гостинцевой) возглавляла галерею «77» на Пушкинской, 10, участница более 50 групповых выставок в России и за рубежом, 25 персональных выставок в России и Западной Европе. Работы в частных и музейных коллекциях России, Германии и Франции, а также Австрии, Швейцарии, Швеции, Финляндии, Канады, Австралии и Японии.

17

Гуманирарный Фонд Товарищество «Свободная культура» некоммерческая региональная общественная, негосударственная организация. Зарегистрирован 22 марта 1990 как некоммерческая региональная общественная организация «Санкт-Петербургский гуманитарный фонд „Свободная культура“», с 1999 г. – Товарищество «Свободная культура». Президент – Сергей Ковальский, вице-президент – Юлий Андреевич Рыбаков, вице-президент и директор Музея нонконформистского искусства – Евгений Орлов, генеральный директор – Николай Медведев. Располагается по адресу: Пушкинская ул., 10 (вход с Лиговского пр., 53).

18

Анатолий Юрьевич Кудрявцев родился в 1958 г. в Ленинграде. В 1985 г. закончил Институт им. И. Е. Репина, первая персональная выставка состоялась еще в 1979 г. Возглавлял галерею «Арт-коллекция», был главным редактором литературно-художественного альманаха «Зазеркалье», участвовал во многих художественных выставках в России, а также в Германии, Италии и Голландии. В 1996 году защитил кандидатскую диссертацию по проблемам пространства картин итальянского Ренессанса.

19

Борис Юрьевич Понизовский (1930 – 1995) – теоретик театра, художник, скульптор, режиссер театра «ДаНет». В 1952 году создал оригинальную теорию театра. Она вызвала интерес специалистов и сплотила вокруг автора группу молодых архитекторов, художников и литераторов, разделивших его идеи. В 1969 году в Эрмитаже Борис Понизовский создает театр-«спутник» иностранных выставок, ставит «пространственные» спектакли в Филармонии. В 70-х годах возглавлял кукольные театры во Львове и Кургане. В 1987 вместе со своими учениками основал частный театр «ДаНет».

20

Олег Евгеньевич Григорьев (6 декабря 1943 – 30 апреля 1992, Петербург) —поэт и художник, яркий представитель ленинградского андеграунда.

21

Арсен Магомедович Мирзаев – родился в 1960 году в Ленинграде. В ЛГИ занимался в ЛИТО, которым руководил поэт Михаил Яснов. 1989-1991 гг. – поэтическая мастерская Ленинградского Свободного университета. С 1989-го по 1995-й являлся соредактором самиздатского литературно-художественного журнала «Сумерки». В 1985 году принял участие в первой Хлебниковской конференции и выставке, посвященной Велимиру Хлебникову. Принимал также участие в VIII и IX Международных Хлебниковских чтениях (Астрахань, 2003 и 2005 гг.), ряде других семинаров и конференций (в МГУ, РГГУ, ЮУрГУ, Пушкинском Доме, РГПУ им. Герцена и т.д.). Участвовал практически во всех фестивалях верлибра. С 2004 г. по май 2005-го был редактором и арт-директором литературного клуба-кафе «Zoom» (Гороховая, 22). С 2005 года занимается воссозданием культурного пространства в бывшем знаменитом литературном ресторане «Вена» (1903 – 1917; ныне – мини-отель «Старая Вена»). Сотрудничал с издательствами «Амфора», «Азбука», «Арс», «Северо-Запад», «Астрель», «RedFish», «Комплекте», «Лимбус Пресс».

22

Из статьи Антона Адасинского. Сайт «Сейчас» 2006 г.

23

Сергей Ковальский, 1948 – родился в Ленинграде. 1973 – с Б. Митавским и В. Богорадом устраивает первую квартирную выставку группы неофициальных художников «Инаки», 1977 – открывает у себя на квартире постоянную выставку неофициальных художников, 1981 – один из создателей ТЭИИ (Товарищество Экспериментального Изобразительного Искусства), 1983 – вместе с Е. Орловым организует творческую группу художников «Пятая четверть», 1990 – вместе с Ю.Рыбаковым создает первую в Ленинграде официальную организацию нонконформистов – гуманитарный фонд «Свободная культура», с 1994 – президент Санкт-Петербургского гуманитарного фонда «Свободная культура» (с 1999 года перерегистрирован как товарищество «Свободная Культура» – ТСК.

24

«Борей» – галерея в Петербурге. Основана в 1991 году. Руководят «Бореем» куратор Татьяна Пономаренко и исполнительный директор Валерий Петрукович.

25

Майкл Джон Муркок (родился 18 декабря 1939) – английский писатель-фантаст «новой волны НФ». Изобрел Мультивселенную и Вечного Воителя (Вечный Герой, Вечный победитель).

26

Геннадий Николаевич Белов (род. в 1965 г.) – литературный редактор. Стоял у истоков первого в стране негосударственного издательства «Северо-Запад», где возглавил редакцию фантастики. Впоследствии работал в издательствах «Центрполиграф» и «Азбука». Привел в литературу целую когорту авторов, чьи произведения пользуются сегодня широкой известностью (М. С. Семенова, Е. В. Хаецкая и т.д.). Особо нужно отметить роль Г.Н. Белова в знакомстве отечественного читателя с лучшими произведениями зарубежной, в первую очередь англоязычной фантастики. Под его руководством осуществлялись перевод и подготовка к печати таких общепризнанных корифеев жанра, как Майкл Муркок, Филип Дик, Харлан Эллисон, Джордж Стюарт, Пирс Энтони и др.

27

Елена Владимировна Хаецкая родилась в 1963 году. Автор фантастических и исторических произведений. Окончила факультет журналистики ЛГУ в 1986 году. В фантастике дебютировала романом-фэнтези «Меч и Радуга» под псевдонимом «Маделайн Симмонс». Роман стал значительным событием и даже породил собственное фэн-движение. В 1996 году Хаецкая уже под настоящим именем публикует роман «Завоеватели», а в 1997 году – самые значительные свои произведения: цикл новелл «Мракобес», удостоенный премии «Бронзовая улитка» как лучшее фантастическое произведение года по категории «Средняя форма», и роман «Вавилонские хроники».

28

Фрэнк – музыкант, известный в «Сайгоне» 80-х. Настоящее имя Борис Андреев.

29

Антон Александрович Адасинский. Родился 15 апреля 1959 года. Актер, режиссер, хореограф. Руководитель и идеолог театра «DEREVO».

30

Юрий Хан, родился 19 марта 1963 года в Ленинграде, таролог, основатель и руководитель «Школы Таро Юрия Хана».

31

«До-Театр» был основан как экспериментальный театр в 1987 году. Сейчас он считается одним из самых влиятельных театров, возникших в постсоветской России.

32

Эта история вошла в роман «Предсказание».

33

Ежи Гротовский (польск. Jerzy Grotowski, 11 августа 1933 года, Жешув, Польша – 14 января 1999 года, Понтедера, Италия) – польский театральный режиссер, педагог, теоретик театра.

Питер Брук (англ. Peter Stephen Paul Brook; род. 21 марта 1925 года) – английский режиссёр театра и кино.

Антонен Арто (фр. Antonin Artaud, 1896-1948) – французский писатель, поэт, драматург, актёр театра и кино, художник, драматург и киносценарист, режиссёр и теоретик театра. Арто разработал собственную театральную концепцию, называемую «театр жестокости» («крюотический театр»).

34

Короткометражка Рашида Нугманова, известная тем, что в ней снялись «отцы» русского рока. Фильм совершенно бессюжетный, не игровой, скорее документальный, чем художественный – вольные зарисовки тех лет и тех славных мест – «Камчатка», питерский рок-клуб...

35

Кирилл Семёнович Миллер (4 апреля 1959 году, Ленинград) – российский художник, сценограф, модельер, организатор и куратор Галереи им. Сальвадора Дали в петербургском культурном центре «Пушкинская, 10».

Сергей Игоревич Арно. Член Союза писателей Санкт-Петербурга, заместитель главного редактора газеты «Литературный курьер», почетный член семинара Б.Н. Стругацкого, член оргкомитета «АБС-премии».

37

Танцетерапия – моя авторская методика. Долгое время вела курсы в России и за рубежом. В 2005 г. в издательстве «Диля» вышла моя книга с аналогичным названием.

38

Фармацевтами в «Бродячей собаке» называли простых зрителей (посетителей), всех тех, кто не выступал.

39

Смир Александр (Смирнов Александр Валентинович) – родился в Ленинграде, в 1960 г. Занимался в ЛИТО «Светлана», в клубе юмора ДК Пищевиков. Печатался в газетах. В начале девяностых участвовал во многих коллективных сборниках. Создал две поэтические серии: «Муд зубрости» и «Петраэдр». Выпустил четыре своих сборника: «Писания» (1996 г.), «Шуризмы» (1999 г.), «Клейменая камея» (2007), «Шуризмы и нехайкушки, а также глупышки из кубышки».

40

Мелихан Константин Семенович – родился 27 сентября 1952 года в Ленинграде. Писатель. Автор юмористических книг для взрослых и детей, карикатур, сценариев к мультфильмам. Создатель образа российского джентльмена. Эстрадный исполнитель собственных произведений. Участник телепередач «Вокруг смеха» (1985-1990), «Ноу смокинг», «Адамово яблоко», «Смехопанорама», «Блеф-клуб» и др.

41

НФ – научная фантастика.

42

Александр Викторович Сидорович. Родился в Ленинграде 23.09.1960г.

Один из виднейших представителей российского фэндома. Еще в 80-е годы он был председателем основного ленинградского Клуба любителей фантастики – КЛФ "МИФ-ХХ". Он "отец-основатель" и постоянный организатор фестивалей фантастики "Интерпресскон", в рамках которых вручаются премии "Бронзовая улитка" и "Интерпресскон". Лауреат премии имени Ивана Ефремова 1999 года за вклад в развитие фантастики. Дважды лауреат премии "Малый Странник", лауреат «Беляевской премии» за многолетнее подвижничество на поприще развития отечественной фантастической литературы, в 2009 году удостоен ордена «Рыцарь фантастики» имени И.Г. Халымбаджи за выдающийся вклад в развитие отечественного фэндома. В настоящее время главный редактор «Ленинградского издательства».

ЖЖ – Живой журнал.

44

Сабило Иван Иванович – родился 22 апреля 1940 года. Образование высшее. Санкт-Петербургское отделение Союза писателей Российской Федерации, председатель. Место жительства г. Санкт-Петербург.

45

Геннадий Николаевич Айги (настоящая фамилия Ли́син; 21 августа 1934 – 21 февраля 2006, Москва) – российский поэт, писавший на чувашском и русском языках. Один из лидеров советского авангардного искусства 1960-1970-х годов, создатель русского поэтического сюрреализма.

46

Дмитрий Анатольевич Григорьев (род. 5 сентября 1960, Ленинград) – поэт и прозаик. С начала 1980-х гг. входил в среду ленинградской неподцензурной литературы, публиковался в самиздате, в том числе в ведущих самиздатских журналах «Часы», «Обводный канал», «Митин журнал» и др. С начала 1990-х гг. публикует стихи и прозу в московской, петербургской, зарубежной периодике (журналы «Арион», «Черновик», «Нева», «Дружба народов», «Звезда» и др.). Автор нескольких книг стихов и прозы.

47

Земских Валерий Васильевич – родился 29 октября 1947 года в г. Волхове Ленинградской обл. Закончил физический факультет Ленинградского государственного университета. Работал инженером-программистом, инженером-наладчиком на атомных станциях, оператором теплоцентра, верстальщиком, редактором, художественным редактором, зам. заведующего редакцией. В настоящее время технический редактор издательства «Питер». Отец – основатель и президент ВАЛИ (Всемирной ассоциации любящих Изабеллу), автор восьми поэтических книг.

48

Сильвестр (в миру – Симеон Агафонович Медведев; 1641, Курск – 11 февраля 1691, Сергиев Посад) – книгохранитель Московского печатного двора, духовный писатель, придворный поэт, ученик Симеона Полоцкого.

49

Раевский Евгений Павлович – родился 14 сентября 1947 г. в Ленинграде, автор 11 поэтических книг. Обладатель «Гран-при» всероссийского конкурса «Романсиада – 2008». Трижды лауреат Всероссийского конкурса «Весна романса» (красный диплом). Председатель Российского Межрегионального Союза писателей. Действительный член (академик) Академии русской словесности и изящных искусств (АРСИИ) им. Г.Р. Державина. Президент АРСИИ им. Г.Р. Державина.

50

Плешка – сленговое обозначения мест, где предпочитали встречаться представители сексуальных меньшинств.

51

О'Санчес – (род. 12 апреля 1957) – писатель, поэт. Член Союза российских писателей. Автор книг: «Кромешник», «Нечисти», «Я люблю время», «Суть острова», «Воспитан рыцарем», «Ремесло Государя», «Зиэль», «Дом и война маркизов Короны», «Хвак», «Одна из стрел парфянских».

52

Юрий Валентинович Томошевский (род. 11 августа 1956, Пятигорск) – актёр, режиссёр театра и кино, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, лауреат премии «Люди нашего города» (1999), лауреат премии «Ника» в номинации «Режиссёр года» (2000), лауреат Царскосельской художественной премии (2001).

53

Beaucoup! Beaucoup! (франц.) – – Много! Много!

54

Самухина Неонилла Анатольевна (род. 1 мая 1962 г. в Ленинграде). Окончила с отличием философский факультет ЛГУ (кафедра истории и философии религии). Основоположник учения о соитии (соитологии), возглавляет НИИ соитологии, в задачи которого входит изучение чувственных отношений мужчины и женщины как феномена культуры. Была главным редактором издательства «Продолжение жизни». Литератор, автор многочисленных литературных и философско-публицистических произведений. В разное время сотрудничала с рядом издательств и средств массовой информации.

55

Михаил Евсеевич Окунь (18 апреля 1951, Ленинград) – поэт, прозаик, журналист, редактор. Шесть сборников стихов, два сборника прозы. Издается с 1967 года. Сотрудничал с издательствами: «Азбука» – «Продолжение жизни» (ИД «Нева»), «Институт соитологии», «Edita Gelsen».

56

«Центр современной литературы и книги» (ЦСЛиК, Санкт-Петербург, набережная Макарова, 10/1) – литературный клуб, центр общественной и культурной жизни Санкт-Петербурга. Центр создан в 1997 году по инициативе Дмитрия Каралиса, прозаика, члена Союза писателей СПб. Первоначально существовавший в качестве литературного клуба, центр собрал под своей крышей ряд известных литературных объединений города.

57

Михаил Сергеевич Ахманов – псевдоним писателя-фантаста Михаила Нахмансона (родился 29 мая 1945 года в Ленинграде). Закончил Физический факультет Ленинградского государственного университета, в 1971 году защитил диссертацию, получив ученую степень кандидата физико-математических наук. Работал в Институте научного приборостроения.

Жанры: фантастика, альтернативная история.

58

Максим Юрьевич Швец (Ахрип Гултолпы, Камилл). Поэт, критик, прозаик. Родился в 1962 г. в Ленинграде. Автор 15 поэтических сборников (6 изданы), 4 сборников художественно-критических статей (1 издан), 1 романа в стиле «кибер-панк», 2 повестей, книги по стиховедению «для чайников», рассказов и разного рода критических заметок.

59

Мыло – сленговое слово, обозначающее электронный адрес.

60

Николай Михайлович Романецкий (род. 26 июня 1953 года в Новгородской области) – русский писатель-фантаст, переводчик, автор циклов «У мертвых Кудесников длинные руки», «Экспансия» и других произведений, член семинара Бориса Стругацкого и ответственный секретарь журнала «Полдень. XXI век». Живет в Санкт-Петербурге.

61

Антон Иванович Первушин (род. 27 мая 1970 года) – русский писатель и журналист, автор ряда научно-фантастических и научно-популярных книг. Лауреат литературных премий «Звёздный мост» (1999 и 2007), «Eurocon Encouragement Award» (2000), премии имени Александра Беляева (2002 и 2004), «Дверь в лето» (2005 и 2007), премии Союза писателей Санкт-Петербурга (2005), Международной литературной премии имени А. и Б. Стругацких (2007), Интерпресскон-2009 и премии имени Ефремова (2009).

62

Евгений Юрьевич Лукин (род. 1950 г. в Волгограде). Окончил историко-филологический факультет Волгоградского педагогического института. Начал писать вместе Любовью Лукиной фантастику во второй половине 70-х. Дебютная публикация – рассказ «Каникулы и фотограф» (1981). Сборник Лукиных, предложенный в Волгоградское книжное издательство, вызвал в 1983 году «войну рецензентов». Закончилось все разгромной рецензией Александра Казанцева, после которой о публикации книги не могло быть и речи. Первый сборник «Когда отступают ангелы» им удалось издать только в 1990 году – к тому времени Лукины успели стать неоднократными лауреатами премии «Великое Кольцо», присуждаемой за лучшие произведения года, и заработать славу одного из самых популярных отечественных фантастов. После смерти Любови Лукиной в 1996 году Евгений Лукин пишет один.

63

Первушина (Евсевьева) Елена Владимировна родилась в 1972 году в Ленинграде. Окончила Санкт-Петербургскую государственную медицинскую академию, работала врачом-эндокринологом. Фантастику пишет с 1989 года. Дебютировала в 1999 году рассказом «Позволь мне уйти!» в журнале «Порог» (Украина). Автор нескольких фэнтезийных романов. Публиковалась на русском и польском языках в различных журналах.

64

Меклер Владимир Михайлович (род. 21 сентября 1944 года) – фотограф. Работал с рядом издательств и периодических изданий. Сейчас постоянно снимает выступления литераторов в мини-отеле «Старая Вена».